

МИТИН ЖУРНАЛ
KOLONNA PUBLICATIONS

СЕРИЯ
Crème de la Crème
ЯВЛЯЕТСЯ
СОВМЕСТНЫМ ПРОЕКТОМ ИЗДАТЕЛЬСТВ
Kolonna Publications и Митин Журнал

ББК 84.4 США

James Purdy
MALCOLM

Джеймс Парди
МАЛЬКОЛЬМ
Перевод Виктора Купермана

В оформлении обложки использован «Портрет мальчика»
Алена Дивиша (1900-56), © Galerie Zlata Husa, Prague

ISBN 5-98144-061-9

БЛАГОДАРИМ АНТОНА ДЫНКИНА ЗА ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ ЭТОЙ КНИГИ.

©James Purdy, 1959. Copyright renewed 1987 by James Purdy.
©Gore Vidal, 2005
©Виктор Куперман, 2005
©Митин Журнал, 2005
©Kolonna Publications, 2005

Руководство изданием: Дмитрий Боченков
Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка: Виктория Горбунова
Верстка: Елена Антонова

ДЖЕЙМС ПАРДИ

МАЛЬКОЛЬМ

*Перевод
Виктора Купермана*

МАЛЬЧИК НА СКАМЬЕ

Перед одним из роскошнейших отелей мира, на скамье, что в иные часы отливала золотом, привычно сидел молодой человек.

Этот юноша, никак не старше пятнадцати лет, пришел ниоткуда и был ничей; он редко заговаривал с людьми и отпугивал элегантным и равнодушным видом даже тех, кого трогало его уединение. Оттого, очевидно, и оставалось бесплодным его упорное ожидание на скамье. Прежде всего, мальчик выглядел как иностранец, не способный к английской речи, да и само *ожидание* было таким отчетливым, что никому не хотелось его нарушать. Мальчик определенно кого-то ждал.

Мистер Кокс, виднейший астролог своего времени, а также великий ходок (говорили, что в хорошую погоду он преодолевал до сорока миль в день), часто прогуливался рядом с роскошным отелем. В первый же раз увидев молодого человека на золотой скамье, он ощутил раздражение, интерес и удивление – все сразу. Он немедленно почувствовал в появлении молодого человека *знамение*; об этом говорило и повседневное сидение на скамье, которое не могло преследовать цели приземленной или практической. В конце концов, мистер Кокс чувствовал особую ответственность за эту часть города, в духовном, так сказать, смысле. Он прожил здесь весь свой век, пятьдесят с лишним лет (хотя на вид ему дашь семьдесят, а то и все восемьдесят), и сейчас смутно ощущал, что юноша на скамье подвергает сомнению, а возможно даже, угрозе, и уж точно, критике, род деятельности и образ мыслей Кокса, самое его существование.

Прежде всего, никто еще не сидел на этой скамье с таким постоянством; более того, на ней и вовсе раньше не сидели. Скамья стояла здесь бесполезным украшением, выставочным экспонатом, и даже престарелые дамы в ожидании такси неизменно пренебрегали этой подпоркой, узнавая в ней – при всей своей опытности и сенильности – не что иное, как декорацию. Но мальчик захватил, оседлал скамью, стал ее отроском. Удивительно ли, что мальчик этот, не сумевший определиться в отношении скамьи, едва замечал мистера Кокса и тем более не приветствовал этого пожилого господина, когда тот ежеутренне показывался у отеля после ночных занятий звездами и корпения над «схемами». Напротив, мальчик смотрел на мистера Кокса пусто, с почти слепой отстраненностью.

Мистер Кокс сердито пучил глаза, и мальчик ответно вперился в них, широко и бесчувственно. В ту эпоху мистер Кокс по сути олицетворял весь город, весь отель и, как он считал, всю цивилизацию, поэтому выносить эти взгляды со стороны такого юнца было недопустимо. Либо мистеру Коксу придется изменить направление утренних прогулок, что привело бы если не к краху, то к полному перевороту в его жизненном укладе, либо он должен признать юношу на скамье.

Итак, одним безмерно прекрасным июньским утром, направляясь на консультацию к клиентке, мистер Кокс выбрал второй путь: признание.

– Вы с этой скамьей будто поженились, – сказал мистер Кокс молодому человеку.

Мальчик улыбнулся и посмотрел на скамью, словно мистер Кокс обратился к ней, а не к нему.

– Вы... – продолжил мистер Кокс, вероятно опасаясь, что мальчик не понял его: либо из-за отсталости, либо по незнанию языка.

– О, я здесь постоянно, – начал мальчик. – Меня зовут Малькольм.

– В таком случае, доброе утро, – ответил мистер Кокс, все еще слегка раздраженно. – Мое имя – Кокс.

Малькольм улыбнулся опять, но не произнес ни слова. Мистер Кокс, удрученный таким малообещающим началом, собрался тронуться в путь, но прямога мальчика, его благодушная открытость всему и, наконец, его непостижимое ожидание заставили Кокса замешкаться.

– Вы, кажется, кого-то ждете. Вероятно, сестру, – опять начал мистер Кокс.

– Нет, – ответил Малькольм. Мистер Кокс ясно видел, что мысли мальчика витают далеко.

Мистер Кокс выдержал паузу.

– Я совсем никого не жду, – объяснил Малькольм.

– Но у вас такой выжидательный вид! – Коксом овладело недовольство. – Вы всегда ждете! Месяцами!

– Вы разве видели меня раньше? – удивился Малькольм.

– Разумеется, я видел вас. Я – здешний, понимаете? Этот город, это... – исчерпав, наконец, доступные объяснения, Кокс показал жестом на полоску суши, обращенную к морю.

Малькольм кивнул.

– В некотором смысле, я, наверное, жду, – сказал он с видом значительным и глупым.

Мистер Кокс изобразил услужливость и несколько чопорное понимание.

– Да? – подсказал астролог, когда Малькольм замолчал.

– Мой отец исчез, – внезапно произнес Малькольм.

– Не говорите мне, что вы *его* ждали все это время, – ответил Кокс. Трагедии и смерти были для него крайне

нежелательными материями, а он не сомневался, что отец Малькольма мертв.

Малькольм обдумывал вопрос мистера Кокса.

– Да, – ответил он наконец, – наверное, его я и жду. – И мальчик засмеялся громким приятным смехом.

– Ждет отца! – мистер Кокс выразил нетерпение и даже надменность; обе эти черты, наряду с услужливостью и самодовольством, были для него характерны.

– Боюсь, у меня просто нет другого занятия, – ответил Малькольм.

– Какая нелепость! – мистер Кокс всерьез вышел из себя. – Видите ли, я на вас обратил особое внимание, – продолжил он объяснение, – потому что никто раньше не сидел на этой скамье. Я думаю, никому и не следует на ней сидеть!

– Чепуха, – заявил Малькольм с твердостью, удивившей мистера Кокса.

– Я говорю о правилах отеля, понимаете?

– Я живу здесь и сижу, где захочу, – Малькольм закруглил эту часть разговора.

Получив такой отпор, мистер Кокс собрался было пойти своим путем и забыть о том, что вступал с мальчиком в разговоры, как вдруг Малькольм сказал:

– Не говорите мне, что вы уходите.

– Мне надо о многом подумать, – сбивчиво пробормотал мистер Кокс.

– Не скажете ли, о чем? – немедленно подхватил Малькольм.

– Я вижу, что вы обо мне не слышали. Разумеется, – мистер Кокс прочистил горло и бросил взгляд на свои нечищенные прогулочные туфли. – Я астролог, – сейчас мистер Кокс смотрел Малькольму прямо в глаза.

– Люди еще изучают... *звезды!* – Малькольм принял эту мысль с удивлением.

– Люди! – мистер Кокс гневно отпрянул. Он готов был ответить на изумление Малькольма, но его взгляд упал на одежду мальчика, которая была пошита, как Кокс заметил без труда, из самых дорогих материй, слишком дорогих для их истощенной эпохи, и отражала вкус, природа которого от него ускользала.

– Верно ли я понимаю, что у вас никого нет? – вернулся к расспросам мистер Кокс.

– Никого? – Малькольм задумался на мгновение, а затем, словно отмахнувшись от вопроса, продолжил свою тему. – Я пригласил бы вас сесть, сэр, но мне кажется, вы не захотите, а мне неудобно просить вас о том, чего вы не хотите.

– Это вы так отказываетесь предоставить информацию? – спросил мистер Кокс утомленным тоном.

– Я могу вам предоставить всю свою информацию, – сказал Малькольм. – Я, – начал он, – сирота, и мне всегда было на что жить, даже с избытком. Но теперь мне совершенно нечего делать. Слишком много всего происходит вокруг, понимаете? Я думаю, что сижу здесь именно поэтому.

– Вы думаете? – прокомментировал Кокс. – Вы это *знаете!*

– Что ж, сэр, – кивнул Малькольм. – Да, я знаю.

Мистер Кокс внезапно погрузился в свои мысли: он почувствовал себя так одиноко, словно Малькольма не было с ним рядом. Он, мог бы, конечно, и дальше расспрашивать мальчика, но вопросы не были его коньком. Делом его жизни было давать ответы. В то же время, он не мог уйти сейчас, когда столько слов еще висело в воздухе. Кроме того, Кокс был уверен, что и Малькольм не захочет его ухода, по крайней мере, сейчас, пока они не *начали*.

Словно вторя мыслям мистера Кокса, Малькольм сказал:

– Мне кажется, если б кто-то объяснил мне, что делать, я бы обязательно его послушал.

– Разумно ли это для такого молодого человека, как вы? – мистер Кокс предложил Малькольму вопрос.

– Если б только я мог покинуть скамью, – сказал Малькольм и притронулся к ней ладонями, – я бы рискнул!

– Но, видите ли, сэр, мое образование, – продолжил он, – очень ограничено, оно практически сводится к занятиям французским. Знаете, мой отец знал французский прекрасно и непрерывно читал Верлена.

– Непрерывно... *Верлена*? – спросил мистер Кокс.

Но мальчик не останавливался.

– Но я все-таки неспособен к языкам, а уж по любой другой части я и вовсе не преуспел.

– В таком случае хорошо, что у вас много денег, – мистер Кокс перевел взгляд со скамьи на отель.

– Они-то как раз у меня начинают... заканчиваться! – возразил Малькольм. – Иссякают, понимаете?

– Тогда мы должны вам немедленно что-то подыскать, – мистер Кокс не без облегчения заметил небольшое развитие в разговоре. Небрежно кивая, он вынул из нагрудного кармана маленькую записную книжку с оттиснутыми знаками Зодиака, и спросил: – Когда вы родились, Малькольм?

Малькольм хранил молчание.

– Не говорите мне, что не знаете, – пробрюзжал мистер Кокс.

– Боюсь, что вы правы; не знаю, – признал мальчик.

– Тогда я не вижу, какой помощи вы ожидаете от меня, – мистер Кокс вышел из себя и с хлопком закрыл записную книжку. – Не думаю, чтобы мне приходилось

встречать людей, которые не знали бы даты своего рождения.

– Но с тех пор как *он* исчез, некому напомнить мне о датах, – взмолился Малькольм к старшему собеседнику.

– Вы хотите сказать, что ваш отец никогда не обсуждал с вами планы? – пророкотал мистер Кокс. – Планы на будущее, когда вы повзрослеете?

– Повзрослею? – Малькольм медлительно произнес это слово. Мальчику впервые пришлось в голову, что оно может относиться к нему.

– Повзрослеете, – повторил мистер Кокс с суровой угрюмостью.

– Нет, – Малькольм медленно покачал головой, и легкая тень (а, может, след старения) стремительно пробежала по его лицу. – Мой отец, – начал мальчик с выражением, которое больше намекало на неведение, чем на знание, – мой отец, кажется, считал, что я всегда буду оставаться таким, как сейчас, и что мы с ним будем делать то, что и прежде делали. Ходить в хорошие рестораны, сэр, скакать на лошадях, ходить под парусом, сидеть в больших гостиничных комнатах, где он смотрел на меня так гордо и счастливо. Он был рад тому, что я такой, какой я есть; и я был рад тому, что он такой, какой он есть. Мы оба были довольны. Вы представить себе не можете, мистер Кокс, сэр.

– Представить себе не могу, но почему-то меня это не удивляет.

– Мы были очень счастливы вместе, мой отец и я, – и Малькольм легко вздохнул.

– В эту часть истории я готов поверить, но ради Бога, Малькольм, вы не счастливы сейчас, и должны что-то по этому поводу сделать!

– Сделать? – вскрикнул Малькольм и привстал со скамьи.

– Да, *сделать*, – снова прогремел мистер Кокс.

– Но что же можно сделать? – взмолился Малькольм.
Мистер Кокс сложил тонкие руки на груди.

– Только одно, – провозгласил астролог. – Подчиниться обстоятельствам!

– Подчиниться... обстоятельствам? – на этот раз мальчик вскочил со скамьи, и стало видно, что Малькольм ни высок, ни короток для своего возраста, как будто он родился такого роста и навсегда таким останется.

Мистер Кокс был несколько удивлен тем, каким физически мощным выглядел Малькольм, особенно в сравнении с довольно слабым развитием его мыслительных сил.

– Пожалуйста, немедленно сядьте, – приказал мистер Кокс.

Малькольм сел.

– Вся суть затруднения, – продолжил мистер Кокс, – в том, что ваш отец дал вам все, чем располагал, в том числе, я понимаю, свою бессмертную любовь, и как же вы растратили этот *эритаж*?

– Эритаж? – переспросил Малькольм.

– Мне казалось, вы владеете французским, – накинулся на него мистер Кокс. – Эритаж – это рог изобилия; это *всё*.

– Нельзя ли мне пойти к вам домой, сэр?.. – предложил Малькольм, начиная понимать, как же плохо обстоят и, видимо, всегда обстояли, его дела.

– Исключено! – мистер Кокс был тверд. – Я могу встречаться с вами, так сказать, только на скамье.

– Чтобы мы оставались случайными знакомыми? – коротко поинтересовался Малькольм.

– Впрочем, я могу предоставить вам людей, если вы ищете людей, – смягчил свой отказ мистер Кокс. – Но я бы лучше начал с... *гм, адресов*, – сказал он.

– С адресов, сэр?

Мистер Кокс кивнул.

– То есть, – добавил астролог, – это в случае, если вы хотите подчиниться обстоятельствам, предаться жизни, как говаривали в прежние века...

– У меня нет выхода, – выкрикнул Малькольм. – Но *адреса*?

– Адреса, – повторил мистер Кокс. – Вот вам первый, – и астролог протянул Малькольму визитную карточку. – Я хочу, чтобы вы взяли эту визитку, – мистер Кокс теперь перешел на лекторский голос, хотя этот тон лишь погружал Малькольма в скуку и невнимание, глубже и глубже, – вы должны будете посетить персону, чье имя указано здесь, *сегодня*, в пять часов.

– Ничего подобного. И не подумаю, – ответил Малькольм после долгой паузы и сложил руки, но затем внезапно протянул руку, взял карточку и изучил ее.

– Но... но... ведь... это карточка гробовщика, – Малькольм испуганно отшатнулся.

– Какое отношение имеет его профессия к вашей встрече? – воскликнул мистер Кокс. – Мне показалось, вы сказали, что хотите *начать*. А Эстель Бланк, – астролог назвал имя на карточке, – не собирается вас баловать, в конце концов!

– Какой еще Эстель Бланк! – Малькольм был крепко раздосадован.

Вдруг он швырнул карточку наземь.

– Я не собираюсь иметь ничего общего с этим абсурдным знакомством. А вы, мистер Кокс, сэр, должно быть, несколько не в себе.

– Немедленно поднимите карточку, – скомандовал мистер Кокс ледяным голосом. – Что подумал бы ваш отец, если б увидел, что вы так ведете себя? Вы оставите скамью и посетите Эстеля Бланка. Или будете сидеть здесь до Судного дня!

– Адреса, – фыркнул мальчик, – Эстель Бланк.

– Если вы не послушаетесь меня, – предупредил мистер Кокс, – у нас не будет причины встретиться снова. Вы были богатым мальчиком, обратите внимание, я сказал, *были*. У вас нет характера и нет друзей. Сидеть тут целыми днями и горевать об отце, который вероятно давно умер...

– *Исчез*, сэр, – перебил Малькольм.

– Однако, – продолжил мистер Кокс, не замечая помехи, – когда помощь в виде адреса приходит к вам сама, вы ничего не желаете делать. Вы желаете оставаться на скамье. Вы предпочитаете скамью тому, чтобы *начать*...

Малькольм задумался над этим.

– Хорошо же, – мальчик признал свою поспешность и поднял визитку с тротуара. – Я сделаю так, как вы скажете, в этот единственный раз, и потому только, что деньги мои заканчиваются, – последнюю часть мальчик произнес про себя.

– Вы будете делать так, как я вам скажу, потому, что вообще не знаете, что делать, – поправил мистер Кокс. – И запомните точный час у Эстеля Бланка, – предупредил мистер Кокс. – Я позвоню ему, и он будет ожидать вас.

Пройдя так много за такой короткий срок, и мистер Кокс, и Малькольм почувствовали, будто знают друг друга очень давно, поэтому их прощание было небрежным, как у давних друзей.

– Я встречу с вами завтра, на скамье, – сказал мистер Кокс, прощаясь. – Мы обсудим ваше знакомство с Эстелем Бланком в следующий раз.

– Понятно, сэр, – ответил Малькольм и дважды кивнул пожилому собеседнику, который поспешно зашагал в направлении берега.

Малькольм взглянул на визитку.

ЭСТЕЛЬ БЛАНК

Эстель Бланк жил в нереставрированном викторианском доме с чрезмерными ставнями, двадцатипятифутовыми потолками и вездесущими мраморными столами. На хозяине был довольно длинный красноватый жакет с пуговицами из настоящих бриллиантов. Малькольм немедленно почувствовал себя как дома. Ему представилось, будто он вновь путешествует с отцом и встречает Эстеля в одной из поездов.

Более того, Эстель был настолько предупредителен, что приготовил для подкрепления испанский шоколад.

Так они и сидели в пять часов, черпали шоколад и поедали тосты, когда взгляд Малькольма упал на необычные картины, небрежно развешанные по всем стенам белой комнаты.

– Это вы рисовали, сэр? – поинтересовался Малькольм.

– Нет, нет, – Эстель поставил чашку с шоколадом. – Мне... рисовать? Я их заказываю.

– Они довольно необычные.

– Благодарю вас, – сказал Эстель. – Они, в самом деле, когда-то были необычными. Сейчас они старомодны, но на них по-прежнему можно положиться в смысле комплиментов. Ради этого, главным образом, я и держу их: как повод для комплиментов.

Эстель на долю секунды отвлекся на игру с самой верхней и крупной из бриллиантовых пуговиц, а потом очень быстро спросил:

– Так где, говорите, вы познакомились с мистером Коксом?

Вопрос Эстеля Бланка был таким внезапным и громким, а испанский шоколад таким густым, что Малькольм зашелся в кашле, пока хозяин не постучал его по спине.

– Боюсь, я был несколько невежлив, – извинился Бланк за свой вопрос, но Малькольм только подал знак, что не готов пока продолжать разговор с ним. В перерыве между репликами Малькольм пригляделся к Эстелю и, стоило его взгляду отвлечься от красноватого жакета и бриллиантов, как мальчик увидел, что кожа Эстеля Бланка была темней, чем у всех, кого Малькольму приходилось встречать.

Оставшись без собеседника, Эстель мог только задавать вопросы, на которые Малькольм отвечал покачиванием головы или утвердительным кивком.

– Вы встретили мистера Кокса не у Рафаэльсонов? – спросил Эстель. – Нет, не пытайтесь ответить. Дайте мне угадать.

Малькольм, тем не менее, услужливо покачал головой, подразумевая, что он познакомился с мистером Коксом не у Рафаэльсонов, но от этого движения раскашлялся еще сильнее.

– Минеральной воды? – осведомился Эстель, и когда Малькольм кивнул, Эстель принес ему высокий венецианский бокал, который, вероятно, держал наготове как раз на такой случай.

– Я встретил мистера Кокса на скамье, – неожиданно выдавил Малькольм, проглотив лишь немного воды.

– На скамье?.. Разумеется, – подхватил Эстель. Затем хозяин подумал, что совершенно не понял, о чем собственно сказал «разумеется». Он прочистил горло, подтянул ноги на кресло и спросил громким, почти угрожающим голосом:

– На какой скамье?

– На скамье... с которой он меня собирается забрать, – выкрикнул Малькольм.

– Продолжайте, продолжайте, – сказал Эстель сосредоточенно.

– Скамья, на которой я сижу перед отелем, – добавил Малькольм.

Эстель Бланк едва заметно кивнул и коснулся ноздрей плотным платком, вынутым из нагрудного кармана. Малькольм решил, что его хозяин слишком деликатен, чтобы развивать эту часть разговора дальнейшими расспросами. Эстель собирался сказать: «Вы, стало быть, познакомились с ним случайно», когда Малькольм попытался дать беседе ход и заметил:

– Мистер Бланк, вы ведь, как я понимаю, – гробовщик.

Эстель опустил чашку с шоколадом, уже поднесенную к губам, и, после терпеливой паузы, ответил:

– Зовите меня просто Эстель, когда мы беседуем, как сейчас, *tête-à-tête*. Что же до вашего вопроса о моей профессии мастера похоронных дел, – Эстель Бланк принял вид значительный и глубокомысленный, – то я ушел в отставку этой весной. Мне сорок, понимаете, и откровенно сказать, я начинал терять свое мастерство. Люди еще не замечали, что силы у меня уже не те, но сам я заметил. В моем деле личность превыше всего: миру еще предстоит это узнать. И еще, молодой человек, – при этих словах он посмотрел на Малькольма так твердо и испытующе, будто в глазу у него монокль или даже целый телескоп, – я был горд своей профессией, необыкновенно горд, какими бы именами ее не называли!

– Я и не думал намекать, сэр, что ваша профессия нехороша.

– Довольно, – предупредил Эстель. – Тема закрыта! Еще шоколада?

– Нет, благодарю вас, сэр, он очень сытный.

Эстель раскрыл рот, чтобы сказать нечто важное, но тут решительный стук донесся из-за большой китайской ширмы, загораживающей дальнюю часть комнаты, в которой они сидели.

– Мы не готовы, Кора, – крикнул Эстель в сторону ширмы. – Совершенно не готовы!

– Что это? – удивился Малькольм.

– Кора всегда хочет начать прежде, чем я договорю, – Эстель напомнил себе, что Малькольм был необычным гостем. – Мы всегда предлагаем посетителям развлечение, – Эстель пустился в объяснения, попутно смахнув пару крошек, прилипших к его жакету и бриллиантам. – Вокруг меня так много артистов, еще со времен похоронного бюро... И откровенно говоря, я чувствую себя в долгу перед ними.

– Вы должно быть очень... обеспечены, – сказал Малькольм, почувствовав, что от него ожидается какой-нибудь комплимент.

Эстель Бланк сдержанно улыбнулся:

– Что ж, Малькольм, я люблю чувствовать себя, как говорят мои белые друзья, *комфортабельно*. Но *богатство* – это совсем другая материя, – и он постучал Малькольма по колену одной из неиспачканных ложек.

– Я слышал, – продолжил Эстель Бланк, – от мистера Кокса, что вы потеряли дорогого вам отца? Я прав?

В этот момент Малькольму показалось, что впервые за весь вечер он сумел уловить манеры и повадки настоящего гробовщика в голосе и жестах мистера Бланка, особенно в движениях глаз и рук.

– Да, – медленно ответил Малькольм, – смерть или исчезновение моего отца (что *в самом деле* случилось, не известно никому) оставила меня почти без поддержки.

– Тем не менее, это очень славно, – Эстель заговорил теперь в нос, – что с точки зрения комфорта он оставил вас, скажем так, в очень уютных обстоятельствах.

Малькольм подвинулся в кресле и был уже готов ответить на это заявление, когда громкие хлопки донеслись из-за той же ширмы.

– Извините меня, – сказал Эстель Бланк холодным, но величавым тоном, – но кажется, мы собираемся начать.

Эстель подошел к высокой полке над камином, взял небольшую коробку, вынул из нее миниатюрный продолговатый диск, положил его на горелку, принялся и быстро занял место рядом с Малькольмом.

– Кора Налди всегда настаивает на благовониях для своего номера, – объяснил Эстель. – Кажется, я говорил вам, что она пела в моем похоронном хоре.

Малькольм кивнул.

Рука Эстеля Бланка легла на выключатель, хозяин осторожно коснулся его, и свет в комнате ощутимо потускнел. Из какого-то угла комнаты раздался звук гонга.

Белая рука отодвинула ширму, заслонявшую часть комнаты от Малькольма и Эстеля, и за ширмой показалась пара тяжелых занавесей. Они внезапно расступились, и собеседники оказались лицом к лицу с Корой Налди.

Позднее Малькольм никогда и никому не мог рассказать, кто и что такое эта Кора Налди. Иногда он даже не был уверен, что им пела женщина, такой низкий у нее был голос. Он не мог сказать, белокурые у нее волосы или платиновые, была она такого цвета, как Эстель, или белая, как он сам. Она пела и танцевала в свободных шпалях, а также произносила какой-то речитатив, когда горло ее уставало от песенных номеров.

Одна песня, которую Кора спела дважды или трижды, звучала так:

Скажи, сюда ты приезжал?

Скажи, ты здесь бывал?

Теперь скажи, а что ты делал, когда ты здесь бывал?

Черешней торговал?

Черешней сладкой торговал?

Как бы то ни было, внимание Малькольма к певице постоянно нарушалось тем, что в течение всего представления Эстель Бланк заговаривал с мальчиком и объяснял, что вся музыка для песен Кюры написана им.

Из-за крепкого запаха благовоний, чрезмерно густого испанского шоколада, из-за песен Кюры и замечаний Бланка, этой одновременной звуковой бомбардировки, Малькольм стал – как Эстель Бланк рассказал всем позднее – невосприимчивым.

И правда, Малькольм, должно быть, задремывал время от времени, потому что немного спустя его разбудил глубокий голос Эстеля Бланка, который обращался к одному только мальчику: маленькая китайская ширма вновь была растянута, от занавесей не осталось и следа, и с ними исчез запах благовоний, а также голос и сама персона Кюры Налди.

– Я удивлен, – Малькольм услышал баритон Эстеля Бланка, – вашей холодностью, отстраненностью и невосприимчивостью. – И Эстель принялся обсуждать, кажется, сам с собой, хотя и вслух, не вызвана ли холодность со стороны Малькольма «расовым происхождением» Эстеля, а может быть, и предрассудками Малькольма в отношении профессии Эстеля, которую редко рассматривают как эстетичную, хотя, как Бланк поспешил отметить, дело гробовщика, вероятно, самое эстетичное из всех профессий и уж наверняка самое востребованное.

– Но я не знаю, что вы называете восприимчивостью! – прокричал Малькольм, ухватившись за одно это слово из реплики Эстеля. – И вы нравитесь мне, Эстель. Я готов забыть, что вы – гробовщик, или похоронный мастер, или... или... *абиссинец*, или *кто угодно еще!*

– О Боже, – взмолился Эстель. Он немедленно поднялся с кресла, из которого он вел беседы, и начал в

спешке мерить ногами комнату, повторяя сакральные формулы досады.

– Не обращайтесь внимания, сэр, на то, что я сказал, – попросил его Малькольм, – особенно, если вас что-то обидело!

Эстель только покачал головой, показывая, что Малькольм опять допустил промах, и продолжил свою ходьбу и восклицания.

Затем, видимо, смягчившись, мужчина сказал:

– Ну конечно, Малькольм, ваш возраст. К этому, естественно, все сводится.

Гроза отступила, и Эстель рассмеялся.

Подступив к Малькольму, он открыл мальчику челюсть, взглянул на его зубы, а потом, запрокинув ему голову, внимательно взгляделся в глаза.

– Вам не больше четырнадцати! – установил Эстель. – Мистер Кокс говорил, что вам уже пятнадцать!

Снова шагая по гостиной, Эстель продолжил:

– Но какая по сути разница: пятнадцать, или четырнадцать, или двенадцать. Я с детства жил среди взрослых и, более того, перезрелых, если можно так выразиться. – Черный мужчина засмеялся с театральной горечью. – Боюсь, что я забыл, что на свете бывает юность: в вашем случае, дорогой Малькольм, почти младенчество...

Он внезапно подошел к Малькольму и взял мальчика за руку.

– Приходите через двадцать лет, и мы пойдем друг друга, – сказал Эстель и довольно поспешно повел его к двери.

– Но мне так хочется прийти к вам снова, – проговорил Малькольм. – Я... получил такое удовольствие, сэр. Для меня это было как... *путешествие*.

– Путешествие? – проговорил с сомнением Эстель Бланк. – Нет, боюсь, что я не смогу увидаться с вами

скоро, а может быть, и вообще не смогу, – и он подтянул рукава жакета.

– Разумеется, мне лестно, – продолжил Эстель, – что мистер Кокс подумал обо мне, устраивая ваше знакомство с большим миром. Но незрелые люди не моя стихия. В этом я тверд. Это не моя стихия... Приходите, как я и сказал, через двадцать лет!

Вступив в круг более обширный, чем тот, который так долго давали скамья и отель, Малькольм не хотел, чтобы дверь дома Эстеля Бланка закрылась за ним. Он стоял на пороге столько, сколько позволяли приличия; потом, видя, что длить визит невозможно, шагнул на тротуар и – как мальчик рассказал мистеру Коксу на завтра – тотчас оказался в раскрытых объятиях полицейского.

Выйдя из полицейского участка два или три часа спустя, Малькольм увидел никого иного, как Эстеля Бланка собственной персоной. Эстель набросил на плечи легкое пальто как накидку.

– Вы сказали двадцать лет! – прокричал Малькольм, и в его голове мелькнула мысль, что, вероятно, именно такой срок он провел в заточении полицейского участка.

– Обнадеживающее начало карьеры, – сказал Эстель не без радости, но и не без едкости; это была его всегдашняя манера речи. – Я видел, как сержант производит арест, – продолжил черный мужчина, – и хотя наш совместный *soigée* был полнейшим провалом, я чувствовал некоторую ответственность за вас. Что они вас отпустили, это, конечно, облегчение...

– Капитан и сержант были очень милы со мной, – размышлял Малькольм, – как только они установили, что я не тот, кого они ищут.

Эстель кивнул, ожидая продолжения.

– Они сказали, что гонятся за мошенником, и поскольку я хорошо одет, они решили, будто я – это он. Но когда они увидели, что я не...

– Когда увидели, что вы не взрослый, – Эстель покачал головой вверх-вниз. – Да, юности все дозволено!

– Но как вы узнали? – Малькольм стоял как громом пораженный.

– Я знаю полицейских, – заметил Эстель.

– Сержант, тот, что арестовывал меня, – многозначительно продолжил Малькольм, – даже предлагал мне вернуться.

– Предлагал вернуться. Это настоящая удача! – ответил ему Эстель.

– Вы случайно не передумали относительно меня? – рискнул Малькольм.

– Нет, нет, – ответил Эстель. – Я не для того здесь стою, чтобы предлагать вам вернуться. В самом деле, Малькольм, вы ужасно отстааете в умственном плане. Нет, мое решение остается таким же, как и перед вашим уходом... Нам не суждено быть друг с другом, и пока вы не повзрослеете, даже беседы между нами, не говоря о дружбе, невозможны.

Мальчик безутешно потупился.

– Главная причина, по которой я дожидался вас на улице в таком недостойном меня виде, очень проста.

Малькольм улыбнулся, азарт вернулся к нему.

– Видите ли, – Эстель повертел в пальцах кусок картона с несколькими каракулями, – я обычно иду у мистера Кокса под № 1 в списке адресов, поэтому довольно естественно, что он доверил мне адрес № 2 с тем, чтоб я вручил его вам, когда придет время... но сегодня, когда время пришло, я обо всем забыл!

– Адрес № 2! – вскрикнул Малькольм.

– О, какой энтузиазм, – заметил Эстель. – Иногда я почти сожалею о своем решении касательно вас, когда слышу свежесть вашего голоса. Но к делу... Как я сказал, мистер Кокс доверил мне адрес № 2 для вас. Вот, возьмите, он ваш.

– Адрес № 2, – прочел мальчик, благоговейно держа картонный прямоугольник, – Кермит и Лорин Рафаэльсон. Что за прекрасные имена... А они тоже... – Малькольм смутился.

– Нет, они не абиссинцы, если вы это имеете в виду, – многозначительно ответил Эстель и поднес к ноздрям концы платка, будто бы пропитанные какой-то крепкой жидкостью. – Я надеюсь, они придутся вам по вкусу!

– Прошу вас, прошу вас, сэр, скажите, чем я вас обидел, – Малькольм начал опять, но яростное движение эстелевой накидки остановило мальчика.

– Вы стояли здесь... на холоде и ждали меня, – продолжил Малькольм извиняющимся тоном.

– Да уж, на холодном июньском холоде, – ответил Эстель. Он взял мальчика за руку и пожал ее с церемонной сдержанностью.

– Теперь прощайте, – сказал черный мужчина. – Как я сказал, карьера ваша началась благоприятно. Один только эпизод с сержантом доказывает, что жизнь ваша будет пленительной. Держитесь своей скамьи и адресов мистера Кокса, и все пойдет, как надо. И запомните, милый мальчик, когда повзрослеете, приходите навестить меня. Я буду здесь.

Эстель поклонился и, медленно отступая, направился прямо к своему дому, меньше чем в квартале от полицейского участка. Не освещенная теперь старая реклама

МОРГ «ИМПЕРИЯ БЛАНКА»

смотрела на них сверху вниз.

– Мне бы хотелось, чтобы вы не решали так окончательно, – сказал Малькольм, но слишком тихо, чтобы Эстель мог его услышать.

Когда гробовщик скрылся в собственном доме, Малькольм почувствовал себя очень одиноким и усталым. События вечера были слишком будоражащими и волнующими, и если бы мальчик не взглянул на карточку с новым адресом, он, наверное, залился бы слезами. Да, сомнений быть не могло, он начал жить, и – с обычной немой вечерней молитвой за отца, где бы он ни был, живой или мертвый, пропавший или найденный, – мальчик заспешил обратно в свой гостиничный номер.

КЕРМИТ И ЛОРИН

На следующий вечер Малькольм обнаружил, что стоит в длинном холле и ждет, пока домофон впустит его в квартиру Кермита и Лорин Рафаэльсон.

Но поскольку домофон не работал много недель или даже лет, открыть дверь пришла сама Лорин – крепкая молодая блондинка с лицом, усыпанным белыми родинками.

В ее взгляде угадывалась крайняя подозрительность, а также дежурная приветливость и скука.

– Вы от профессора Кокса? – спросила она.

Малькольм кивнул.

– Крошка еще не вышел в гостиную, – сообщила Лорин, проводя его в дом.

– Не вышел? – переспросил Малькольм, гадая, кого это она имеет в виду.

– Собственно говоря, – продолжила Лорин, когда они вошли в переднюю, – он в кладовой, заканчивает ужин. Он там часто ест в одиночку, мне назло. Сегодня он даже пудинг с изюмом отказался есть со мной. Я

боюсь, что мистер Кокс прав и что нам предстоит бракоразводный процесс, – Лорин указала Малькольму на большое раздутое кресло.

– У меня совершенно нет опыта в бракоразводных процессах, – ответил Малькольм, – но мне жаль, что они вам предстоят.

– Обратите внимание, я не сказала, что развод в самом деле неминуем, – поправилась Лорин.

Но Малькольм не слушал ее. Он изучал бездны раздутого ветхого кресла, из которого почти вся набивка вывалилась на пол.

Малькольм собирался воскликнуть «Какое глубокое кресло, Лорин!» – но тут женщина провозгласила «Крошка!» таким громким голосом, что Малькольм испугался и выскочил из кресла, хотя это движение и потребовало от него изрядной живости и усилия.

– К тебе посетитель, – обратилась Лорин к человеку, вошедшему в комнату.

Малькольм поначалу принял его за ребенка, но даже со своим ограниченным опытом скоро понял, что этот человек был взрослым мужчиной и лилипутом.

– Кто вы? – Малькольм не удержался от восклицания.

– Ее муж, – Кермит Рафаэльсон, «крошка», со злобой и ликованием указал в направлении Лорин.

Малькольм был поражен не только тем, что Кермит Рафаэльсон оказался лилипутом, но и тем, что выглядел он человеком весьма привлекательным и умным и отличался от любого другого молодого мужчины разве что размером. Чувство было такое, будто смотришь на него через другой конец окуляра.

– Я рад увидеть гостя столь свежего и юного! – выкрикнул Кермит. – И не смотрите с таким удивлением, Малькольм, – продолжил он. – Забудьте Лорин, пожалуйста, и обратите все внимание на меня. Одинок здесь я!

– Боже правый, – воскликнула Лорин, подымая взгляд к потолку. – Уже начинается.

– Да, мы состоим в браке, – рассмеялся Кермит, садясь в кресло, очевидно, спроектированное специально для него. – В браке, в браке, и *в браке*.

– Я умоляю тебя не разыгрывать сцен перед этим мальчиком, – Лорин повернулась к мужу.

Кермит проигнорировал ее слова, хотя и выстрелил в нее косым черным взглядом из-под опущенных век.

– Так вы, – он повернулся обратно к Малькольму, – и есть тот самый мальчик, что влюблен в собственного отца?

– Я? – Малькольм указал на себя пальцем. – Влюблен?

– Профессор Кокс все рассказал мне о вас, – пояснил лилипут.

– Но здесь нечего рассказывать, – Малькольм запротестовал против слова *все*, которое показалось ему слишком исчерпывающим и страшным.

– Малькольм, *всегда* найдется что рассказать, – проговорил Кермит с некоторой мрачностью.

– А вы и в самом деле состоите в браке, – сказал Малькольм, внимательно глядя на Кермита.

Кермит опустил глаза.

– *Она* сделала мне предложение, – объяснил он, указывая на Лорин.

– Я предупреждаю тебя, – воскликнула Лорин. – Я не стану больше терпеть, что ты рассказываешь тайны нашего брака посторонним! – Лорин продолжала стоять на месте, потому, вероятно, что не решила, уйти ей или остаться, а также потому, что пребывала в сквернейшем расположении духа, которое с приходом Малькольма лишь ухудшилось.

– Почему вы решили посетить нас, Малькольм? – задал вопрос Кермит, пододвинув свой миниатюрный стул ближе к гостю.

Малькольм вспомнил о бедственном вечере у Эстеля Бланка и ответил не сразу.

– Так почему же вы пришли? – Лорин была сурова. И она, и Кермит смотрели на мальчика в упор.

– *Почему* я пришел познакомиться с вами? – Малькольм сглотнул и по очереди посмотрел на обоих собеседников. Контраст между хозяином и хозяйкой привел его в оцепенение: Кермит был таким маленьким, а Лорин такой большой, пышной и внушительной.

– Мне велел мистер Кокс, – признался Малькольм под их испытующими суровыми взглядами.

– То есть мы как таковые вас не интересуем? – продолжила допрос Лорин.

– Нисколько, – ответил Малькольм без тени сожаления или воинственности в голосе.

– Нам все ясно, – ответила Лорин и победно улыбнулась.

– Вы ведь все знаете о моей встрече с Эстелем Бланком, – продолжил Малькольм.

– Разумеется, знаем, – ответил Кермит. – Профессор Кокс исправно поставляет нам сведения о том, что делают и думают все его друзья.

– Профессор Кокс! Ужасный старый... – начала Лорин, но не договорив того, что собиралась сказать, села на высокий стул с прямой спинкой и стала скручивать себе сигарету. Это занятие заняло много времени, потому что руки ее сильно дрожали.

– Профессор Кокс, – снова заговорила Лорин, когда сигарета была скручена, – профессор Кокс погубил Кермита своими идеями. Мы были *так* счастливы, пока не встретились с ним.

Кермит сардонически рассмеялся в ответ.

– Смейся, сколько тебе вздумается, – Лорин повернулась спиной к мужу и села лицом к Малькольму. –

Мы с Кермитом были счастливы. Но этот старый... Малькольм, – сказала она внезапно, – вы должны отказаться от профессора Кокса, если хотите вырасти достойным уважаемым человеком.

– Лорин, дорогая, – обратился Кермит к жене, – если ты собираешься читать нам проповеди, мне придется попросить, чтоб ты ушла из гостиной и села с кошками в задней комнате.

– Ты лучше скажи Малькольму, сколько у тебя кошек, – ответила Лорин, – чтобы он представлял себе, куда ты мне приказываешь уйти.

Однако Кермит не произнес ни слова, а только соорил ироническую рожицу Малькольму, который разразился сдавленным гоготом.

– У нас пятнадцать кошек! – провозгласила Лорин трагическим голосом, но скоро сбилась на свой телеграфный порывистый стиль. – Малькольм, вы слышите меня?.. Профессор Кокс – не тот человек, с кем стоит водить знакомство в вашем возрасте. Я же стараюсь вам помочь!

– На каком основании я должен избегать знакомства с мистером Коксом? – поинтересовался Малькольм.

– Блестящее возражение на глупый приказ, – воскликнул Кермит.

– Кермит, ради всего святого, – взмолилась Лорин. – Мне стыдно в этом признаться, но мой муж, – пояснила она, – едва ли лучше профессора Кокса. Я вижу, что вы, Малькольм, еще не испорчены... Во всяком случае, не окончательно, – она изучила мальчика несколько пристальней.

– Благодарю вас, Лорин, – ответил ей Малькольм, и Кермит опять взорвался смехом. Малькольм воспринял смех как комплимент и коротко кивнул лилипуту, а затем перевел все внимание на Лорин.

– Профессор Кокс заставляет людей быть хуже, чем они есть.

– Чепуха, – перебил Кермит. – Он велит людям делать то, что они должны делать и так, без его подсказки; при этом люди вольны быть такими, как им нужно.

– Все свои метафизические мысли Кермит оптом скупает у профессора Кокса, – терпеливо сказала Лорин, глядя на голый деревянный пол.

– В настоящий момент профессор Кокс довольно низкого мнения о Лорин, – проинформировал Кермит Малькольма.

– Низкого? – подхватила Лорин. – Не только обо мне, Кермит, – продолжила она. – Он низкого мнения обо всех. Малькольм, – сказала Лорин, придвинув стул к мальчику, и нежно коснулась его пустой бутоньерки, – знаете, что профессор Кокс предложил мне на прошлой неделе? Это научит вас, какой опасности и риску вы подвергаетесь с ним...

Малькольм покачал головой.

– Но вы слишком молоды, чтобы слышать об этом! – рассудила Лорин. – Так ужасно молоды и неопытны. – Она закрыла глаза рукой. Ее, вероятно, увлекла мысль о неведении Малькольма.

– Не бывает людей слишком молодых! – прокричал Кермит с отвращением. – И где, кстати, мой чай? Я просил у тебя чаю почти час назад, а ты сегодня вечером только и знаешь, что расхаживать взад-вперед и жаловаться на свой женский удел. Если б ты соблюдала свои женские обязанности по дому, приносила мне ужин вовремя, готовила чай, как порядочная домохозяйка, у тебя не оставалось бы времени чувствовать себя несчастной или беспокоиться о приказах профессора Кокса.

– Милый мой, неужели я не принесла тебе чаю? – воскликнула Лорин. – Что бы ни случилось потом, я не допущу укоров, будто я пренебрегаю своим долгом...

Лорин немедленно бросилась к столику, где стоял уже приготовленный чай, и поднесла Кермиту чашку.

– Вы выпьете с Кермитом чашку чая? – спросила Лорин у Малькольма, и когда тот кивнул, принесла ему чашку, такую же, как у мужа, только с трещиной. Малькольм некоторое время рассматривал трещину, прежде чем поднести напиток к губам.

Несколько секунд Малькольм цедил чай с критическим выражением на лице, а затем громко спросил:

– Лорин, что вам приказал мистер Кокс?

– Мой драгоценный, – отреагировала Лорин и, подойдя к Малькольму, поцеловала его в щеку.

– Какая нелепая демонстрация наигранного чувства, – крикнул Кермит жене. – Я скажу вам, что ей приказал мистер Кокс, – он тотчас повернулся к Малькольму.

– Позволь мне сказать ему, Кермит, – взмолилась Лорин. – Я хочу, чтобы мальчик все услышал без прикрас.

– Ты дашь мне развлекать *моего* гостя, как я хочу, или мне снова попросить тебя удалиться в заднюю комнату? – прогрохотал Кермит ей в ответ.

Лорин склонила голову.

– Мы бедны, – начал Кермит дрожащим голосом. Лорин поднесла руки к голове, словно в сцене из зала суда. – Я очень мало зарабатываю своим искусством, – тут он неопределенно указал на многочисленные мольберты, пустые рамы и скульптуры, заполнявшие большую комнату. – Лорин, хоть она и прекрасный стенограф, редко способна удержаться на рабочем месте: ей охота вмешиваться в дела контор, которые ее нанимают. Молчать! – пророкотал Кермит, увидев, что Лорин сделала знак, будто собирается говорить.

– Зная о *пристрастиях* моей жены, – проговорил Кермит мстительно, – профессор Кокс просто и разумно

предложил, чтобы Лорин провела время с некоторыми джентльменами, которые заплатили бы ей за уступчивость их желаниям. Тем более, что Лорин была вполне известна своими услугами, прежде чем внезапно предложила мне вступить с ней в брак.

Лилипут вынул ковбойский платок, вытер рот и принялся рассматривать одно из недорогих колец на указательном пальце.

– Делая предложение, Лорин обещала мне, – продолжил лилипут, – что стоит мне согласиться стать ее мужем и совершить визит в мэрию, как с днями борьбы и лишений будет покончено; я смогу посвятить себя исключительно искусству и достичь, наконец, полного развития и расцвета моих талантов. На деле вышла полная противоположность. После нашего длинного медового выходного в Питсбурге не было ни одного дня, ни одной ночи, когда бы мы не заботились о пище или о прочих необходимых вещах – я не говорю о роскоши – а те небольшие деньги, которые я получил в наследство, она, бестолочь, разбазарила по своей непрактичности! Мне пришлось отдать свои лучшие масляные краски за бесценок!

– Ты преувеличиваешь, зайчик, – выкрикнула Лорин.

– Однако, Малькольм, – Кермит вдруг восстановил самообладание, – я не для того согласился на ваш визит, чтобы вы только слушали о нас.

– Но это все так интересно и необычно, – воскликнул Малькольм. – Видите ли, про меня слушать совершенно нечего. Я, как говорится, ноль без палочки и пустой лист.

Тем не менее, Кермит и Малькольм скоро обнаружили, что прислушиваются к Лорин, поскольку та, как оказалось, произносила что-то вроде речи:

– Когда муж тебя не уважает, когда он способен излагать самые интимные тайны брака в присутствии человека постороннего, – говорила Лорин, – тебе вправду не остается ничего, кроме *улицы*. Малькольм, – Лорин обратилась непосредственно к молодому человеку. – Я хочу, чтобы вы знали, что мне предложил профессор Кокс.

– Какая скука! Сколько можно! – проговорил Кермит.

– Похожа я на уличную девку? – потребовала Лорин, подойдя вплотную к Малькольму. – Ответь мне, милый мальчик, ведь ты еще не испорчен...

Малькольм не отвечал, и Лорин подошла еще ближе к нему:

– Похожа или нет?

– Но разве вы уже... не уличная, дорогая Лорин? – выкрикнул Малькольм в замешательстве. – Я думал, ваш муж...

Кермит громогласно засмеялся и одновременно указал на заднюю комнату, подавая Лорин сигнал уходить.

– Иди туда и разговаривай с кошками, – велел ей Кермит. – Я хочу вести с Малькольмом *тихую* беседу. Я определенно заслужил, чтобы этот вечер со мной проводила не ужасная блондинка вроде тебя, а кто-то другой.

– Настоящий ученик профессора Кокса, – воскликнула Лорин. Затем, благодушно обернувшись к Малькольму, Лорин коротко поцеловала его в лоб и, драматическим жестом прикрыв рот рукой, удалилась в заднюю комнату.

После насыщенного молчания Малькольм спросил:

– Там действительно пятнадцать кошек?

– Лорин ведь сказала вам, – кивнул Кермит, – пятнадцать.

– Меня так клонит в сон, – заметил Малькольм.

– В сон? В такой час? – Кермит изобразил потрясение.

– Я от разговоров засыпаю, – объяснил Малькольм. – Видите ли, обычно я только общаюсь с теми, кто меня обслуживает. То горничная принесет мне чашку шоколада, то парикмахер в зале пострижет мне ногти и волосы, или я обменяюсь парой слов с дирижером струнного оркестра в отеле, но не более того. С тех пор, как я встретил мистера Кокса, я все веду с людьми длинные разговоры и от них засыпаю.

– Тогда прилягте на диван, а я буду с вами разговаривать, пока вы отдыхаете, – предложил Кермит.

– Лучше бы вы не разговаривали, пока я лежу, – ответил Малькольм, подошел к дивану и растянулся на нем. – Скоро, – сообщил он хозяину, – вам придется вызвать такси, я поеду в отель.

– Нет, нет, вы не должны уезжать так скоро; вы ведь едва приехали, и Лорин только что ушла, чтобы мы могли поговорить наедине! – пожаловался Кермит.

– Но о чем же нам еще говорить? Мы ведь все затронули, не так ли? – удивился Малькольм и немного поднял голову, чтобы взглянуть на Кермита внимательнее.

Кермит рассмеялся и допил чай.

– Как странно, что Лорин... – размышлял Малькольм.

– Странно, что она шлюха? – Кермит зевнул. – Ну что же, она всегда хотела ей быть. Почему она решила, что брак исправит ее, одному Богу известно, особенно, брак со мной, – он поднял одну из кистей для рисования и быстро осмотрел ее. – Я никогда не думал, что брак *исправит* меня, – продолжил Кермит. – Но я думал, что мой брак будет долгим праздником. А он оказался настоящей работой, скажу я вам. Я уже говорил: дня не проходит, чтобы мы не беспокоились о деньгах.

Лилипут вздохнул и покачал головой.

– Кажется, я не узнаю таких женщин, когда встречаю, – отметил Малькольм.

– На вас прекрасная одежда, – сказал Кермит, глядя на Малькольма.

– Да? – Малькольм оглядел себя. – Все это костюмы, которые мой отец выбрал прежде, чем я дорос до таких размеров, – объяснил Малькольм. – Он выбрал мне костюмы вплоть до моего восемнадцатилетия. Мне кажется, у него было предчувствие, что он меня покинет, и он оставил мне много одежды.

– Ваш отец был человеком весьма неординарным, – заявил Кермит.

– Это я и пытался сказать мистеру Коксу, – ответил Малькольм, – но он не поверил.

– О, он, вероятно, поверил вам, – сказал Кермит, – он только хотел испытать вашу веру. Чтобы разговаривать с вами.

Малькольм кивнул.

– Но я рад, что вы считаете моего отца неординарным человеком, – сказал мальчик. – Понимаете, отец – это все, что у меня есть. А сейчас у меня его нет, – Малькольм издал короткий гортанный всхлип.

Кермит посмотрел на запястья, потом на свою пустую чашку.

Тогда Малькольм сел, но рассмеялся и лег обратно со словами:

– Я слишком сонный, чтобы сидеть.

– Я надеюсь, вы не хотите, чтобы я перестал разговаривать, – любезно спросил Кермит.

– Лучше вам перестать, – ответил Малькольм, – но если вы не против, чтобы я не отвечал и даже не слушал, то, наверное, можете говорить и дальше.

– Прекрасно, – сказал Кермит, – так я и поступлю. Я очень люблю говорить.

– Есть одна вещь, с которой я хочу разобраться прежде, чем вы начнете говорить, – сообщил Малькольм Кермиту. – Вы – гном или лилипут? – И Малькольм сел на диване.

– О Господи, – сказал Кермит после короткой паузы. – Я ни то, ни другое.

– Ни то, ни другое? – Малькольм был так удивлен, что сел прямо и опустил ноги на пол. – Как же! вы должны быть или тем, или другим.

– Нет, нет, *нет!* – ответил Кермит. Он сильно покраснел. – Сколько глупости бывает в человеке!

– Но вы такой маленький, – прокричал Малькольм. – Вы *должны* быть лилипутом!

– Я невелик, – Кермит говорил терпеливо, но подчеркнуто сдержано, – но я не отличаюсь от других мужчин – по существу, – сказав это, он встал.

– В таком случае, вы просто коротышка? – поинтересовался Малькольм.

– Можно сказать и так, – согласился Кермит.

– Но я видел вас в цирке, то есть, таких коротышек, как вы.

– Не как я! – Кермит замотал головой и вытер рот ковбойским платком. – Вы никогда не видели там такого, как я, – повторил он и неожиданно высунул язык и широко распахнул глаза, как киноартист.

– Ух и жуткий у вас вид, когда вы так делаете, – заметил Малькольм.

– Я иногда бываю жутким, – Кермит рассмеялся несколько немелодично.

– Все-таки, кажется, вы мне нравитесь, – сказал Малькольм. – Вы необычный.

– Что ж, я мог бы сказать то же о вас, Малькольм, хотя и не стану, – ответил Кермит. – Вы не большого

ума, как я посмотрю, но в вас есть обаяние и задатки для... безобидного товарищества.

– Вы ведь не занимаетесь ничем ужасным, вроде бальзамирования трупов, а? – решил узнать Малькольм.

– О, опять Эстель Бланк, – поддразнил Кермит. – Нет, как я сказал вам, я пишу маслом, хотя никто моих картин не покупает.

– Вы мой первый знакомый художник, – рассказал ему Малькольм. – Правда, до вчерашнего дня у меня не было и знакомых гробовщиков.

Вдруг они услышали громкие выкрики из задней комнаты, и вскоре оттуда выскочила Лорин. Ее волосы были спутаны, платье порвано, и она держалась за окровавленную руку.

– Питер укусил и исцарапал меня, – закричала она. Казалось, она была на грани истерики.

– Принесите тот кувшин, – велел Кермит Малькольму.

Малькольм доставил кувшин Кермиту, и тот быстро выплеснул содержимое на Лорин.

Вода, или другая жидкость, бывшая в кувшине, имела цвет сажи. Когда вода полностью оросила голову Лорин, Малькольм подумал, что эта женщина заметно напоминает Кору Нальди, хотя, конечно, эти две дамы были совершенно непохожи, и Лорин не носила парика и, скорее всего, не могла бы спеть ни единой ноты.

Лорин все еще кричала после того, как на нее плеснули водой, но уж не в полный голос.

– Теперь подойди сюда и сядь на табуретку рядом. Я буду с тобой говорить, – сказал Кермит жене.

Лорин послушалась его и, сев на табуретку, стала жаловаться:

– Почему нам не избавиться от этих зверей! Они постоянно кусают меня и вымещают на мне злобу.

– Ты должна научиться жить с ними и любить их, зайчик, – Кермит употребил ту же ласковую кличку, с которой она обращалась к нему. Он нежно поцеловал Лорин в волосы.

– Жить и любить, зайчик, – сказал Кермит жене.

Они почти забыли Малькольма, который стоял и ждал, пока на него обратят внимание и, наконец, через несколько минут медленно двинулся к входной двери.

– Спокойной ночи, – крикнул Малькольм, переждав еще несколько минут, пока супружеская пара ворковала и обнималась.

– О Малькольм, – ответил Кермит, – вы ведь не уходите!

– Я вижу такси снаружи, – прокричал мальчик, – мне хочется скорее вернуться в номер.

Кермит начал спорить.

– Но я вернусь, – обещал Малькольм. – То есть, если вы *позволите*.

– Еще ведь рано, – заметил Кермит. Затем, смирившись с уходом Малькольма, добавил, – Вы не знаете, что такое брак. Но приходите снова, милый мальчик. Вы страшно необычны, и это в высшей степени приятно, – беспомощно объявил Кермит, сидя в обнимку с Лорин.

– Да, приходите снова, милый Малькольм, – крикнула ему Лорин. – И простите, что мы не поднимаемся. Вы поймете, когда будете женаты.

– Позвоните нам, милый Малькольм, – выкрикнул Кермит из-под тяжелого объятия жены.

– Спасибо за вечер. Спасибо вам за все, – прокричал Малькольм, уходя. – Спокойной ночи вам обоим.

ВТОРОЙ ВИЗИТ

Теперь, выйдя, так сказать, в большой мир, Малькольм почувствовал, что он должен записать хотя бы немного из того, что с ним происходит. Он был убежден, что все это вещи очень важные и что многое еще предстоит ему в будущем. Мальчик никогда не посещал школу подолгу – он то путешествовал с отцом, то ждал его возвращения, – поэтому его языку не доставало уверенности, и он по большей части предавал бумаге то, что говорили его новые друзья, особенно, мистер Кокс.

Тем не менее, после встречи с Кермитом Рафаэльсоном, Малькольм записал свое собственное утверждение, которое позднее обнаружили в его бумагах: «Ничего нет страннее супружеской любви».

Тем временем мальчику пришел маленький конверт от профессора Кокса с адресом № 3, однако Малькольм не открыл его сразу, а спрятал в нагрудный карман, чтобы изучить позднее.

На следующий день, на скамье, мистер Кокс расспрашивал Малькольма о визите к Рафаэльсонам.

Обрадованный успехом Малькольма у хозяев, мистер Кокс вдохнул с облегчением:

– Если бы вы не сошлись с Рафаэльсонами... скажу я вам, милый мальчик, – он потряс пальцем перед лицом Малькольма, – мне пришлось бы от вас отступиться.

– Совсем? – выкрикнул Малькольм.

– Совсем, – сказал мистер Кокс. – Я говорил об этом с женой только вчера вечером. Я сказал: «Если он опять даст маху...»

– Вы хотите сказать, что есть и миссис Кокс! – Малькольм стоял как громом пораженный: ему никогда не приходило в голову, что астролог может быть женат.

– Конечно, – ответил мистер Кокс. – Все женаты, Малькольм. Все, с кем стоит считаться. И вы тоже должны будете над этим задуматься.

– Но что бы я делал... если б вы отступились от меня? – Малькольм задал вопрос самому себе. – Что бы я делал без *адресов*!

Мистер Кокс улыбнулся.

– Вы должны помнить, сэр, – резонерствовал астролог, – что уже дважды покидали эту скамью... И мне кажется, что если вас, как говорит старая поговорка, бросить в воду, в конце концов вы *поплыли* бы.

– Благодарю вас, – произнес Малькольм.

Затем, возвращаясь к тому, что его так занимало, Малькольм продолжил:

– Я не понимаю, почему Кермит не признает, что он лилипут.

Мистер Кокс пронзительно присвистнул.

– У него есть известное право отрицать это, если ему так хочется, – ответил он с некоторым сомнением.

– Я спросил, лилипут ли он, и он твердо сказал, что нет, – заявил Малькольм.

– Это так похоже на Кермита, – согласился мистер Кокс. – Он никому не признается, что он лилипут. Очевидно, мать так его не называла и даже не намекала на его размеры; поэтому он вырос, не зная о своем лилипутстве – такой замкнутой была его жизнь. Лорин сделала ему предложение, когда ему едва исполнилось семнадцать, и они немедленно поженились. По сути он ничего не знал о мире, знал гораздо меньше, чем вы, – вы хотя бы путешествовали с отцом.

– Да, – согласился Малькольм, – я повидал больше, чем крошка.

Мистер Кокс отвернулся и всмотрелся в линию горизонта так, словно она была предметом его непрерывных забот.

– Вы ведь не уйдете так скоро, сэр! – воскликнул Малькольм. Ему хотелось задать мистеру Коксу сотни вопросов.

– Придет день, – продолжил мистер Кокс, будто он вовсе не слышал слов Малькольма, – придет день, когда ему придется признать, что он лилипут, и жить с этим фактом.

– Вы хотите сказать, он перестанет притворяться, будто он всего лишь коротышка? – поставил вопрос Малькольм.

– Перестанет, когда останется единственным, кто верит в эту иллюзию! – без задержки ответил астролог.

Мистер Кокс вынул свою маленькую записную книжку со знаками Зодиака на обложке, и что-то поспешно записал на странице.

Ненадолго переведя внимание на Малькольма, он сказал:

– Теперь, когда вы можете навещать Кермита, я не буду с вами проводить столько времени на скамье...

– А могу я посетить вас и вашу жену? – Малькольм опять подверг испытанию мистера Кокса.

– *Сейчас* это совершенно исключено, – отрезал мистер Кокс. – Наши отношения должны поддерживаться на известном профессиональном уровне.

– Понятно, – ответил Малькольм.

– Но мне кажется, вы начинаете *прорываться*, – с энтузиазмом сказал ему мистер Кокс и после рукопожатия покинул молодого друга.

– Не забудьте про адрес №3, они ждут вас! – сказал он при прощании.

– Я знал, что вы меня не подведете, – воскликнул Кермит, когда увидел Малькольма на пороге своей мастерской. – Заходите сейчас же.

Карлик уронил кисть, оттолкнул мольберт с полуза-
конченной работой маслом и прошел вперед к другу.

– Что тут произошло? – удивился Малькольм, по-
скольку почти все в мастерской было разбито или
разбросано: гипсовые матрицы богов, маски знаменито-
стей, холсты, мебель – все лежало истерзанное и расчле-
ненное, как у торговцев старьем.

Кермит ничего не ответил сначала, но Малькольм
продолжал смотреть на него вопросительно, и карлик
объяснил:

– Лорин ушла от меня.

– Ушла от вас? – Малькольм пораженно взвесил эту
мысль.

– Ох, что же здесь такого удивительного, – добавил
Кермит. К его повадке примешался новый оттенок – го-
речи. Он проводил мальчика к креслу.

Сам Кермит сел в специально спроектированное
кресло, впрочем, не то кресло с причудливой резьбой,
где он сидел во время первой встречи с Малькольмом.

– В каких красивых креслах вы всегда сидите, – за-
метил Малькольм.

– Я их сам делаю, – пояснил Кермит без энтузиазма.

Малькольм покачал головой недоверчиво и восхи-
щенно.

– Да, – безразлично продолжал Кермит, – там сзади
у меня целая столярная мастерская, где я изготавливаю
все, что вы видите вокруг. Сейчас она закрыта. То есть,
там живут кошки... Прежде, чем я женился на Лорин,
кошки жили везде, где жил я, то есть, по всей мастерс-
кой, но стоило ей прийти, как все изменилось. Она сна-
чала потребовала от всех кошек приязни, потом она бла-
говолила к Питеру и была жестока с остальными.
Наконец, она устала от Питера и стала жестока к нему
и ласкова с остальными. Наконец, она стала жестока ко

всем. Они изнурили ее. Со мной она обходилась точно так же.

– Я все еще не могу свыкнуться с тем, что у вас вообще есть жена, – воскликнул Малькольм.

Искра неудовольствия скользнула по лицу Кермита.

– То есть, – Малькольм увидел взгляд собеседника, – вы наверное могли... *подождать*.

– Кажется, лучше о моем браке и не скажешь, – ответил Кермит несколько загадочно. – Но на ком же мне было жениться? – добавил он напоследок, словно говоря с самим собой.

Кермит хлопнул в ладоши, и перед ними возник молодой человек с голым торсом.

– Имбирное пиво для двоих, – приказал Кермит.

– Кто это такой? – удивился Малькольм.

– Моя утренняя прислуга, – пояснил Кермит с отсутствующим видом.

– У него такое могучее сложение, – отметил Малькольм.

– Он планирует осенью открыть спортивный зал, – растолковал Кермит, – конечно, он должен выглядеть как положено, если хочет привлечь учеников. Вы ведь пьете имбирное пиво? – спросил Кермит несколько более любезно.

– Не думаю, чтобы мы с отцом когда-то пили имбирное пиво, – Малькольм раздумывал над вопросом Кермита немного более педантично, чем хотелось маленькому хозяину.

Кермит просто ответил:

– Ваш *отец*. Понимаю, – а затем быстро добавил, – Вы ведь подолгу жили в отелях, не так ли?

– Да, мы... то есть, я... всегда жил в отелях. В больших и маленьких. Но отца больше нет, деньги мои расходятся, и... – Малькольм не произнес больше ни

слова. На лице его появилось удивление и ужас от мысли, что однажды все его деньги выйдут.

Кермит собрался сказать что-нибудь утешительное, как полуголый молодой человек пришел с подносом имбирного пива. Малькольм взглянул на него опять: теперь свет падал на юношу таким образом, что Малькольм был почти убежден – на юноше не было ничего.

А еще Кермит в утреннем свете выглядел гораздо старше и злее: на вид ему было около двадцати двух.

Раздетый молодой человек, казалось, не умел говорить, однако он налил пиво в стаканы и наполнил их льдом профессионально и умело.

Кермит раздраженно переводил взгляд с Малькольма на молодого слугу, со слуги на Малькольма. Наконец лилипут сказал:

– Ваш отец верно не одобрил бы вашего знакомства с утренней прислугой, но мне кажется, что вашему образованию это не повредит, и профессор Кокс того же мнения, поэтому я представляю вас О'Рейли Моргану. О'Рейли – Малькольм.

О'Рейли Морган, утренний слуга, поклонился вежливо и вымолвил: *очень приятно и доброе утро*. Малькольм начал подниматься, чтобы пожать ему руку, но Кермит покачал ему головой, показывая, что в этом нет необходимости, и что он просит оставаться на месте.

– Не хочет ли О'Рейли Морган выпить с нами имбирного пива? – спросил Малькольм, когда слуга покинул комнату.

Кермит очень быстро проглотил глоток пива и немного закашлялся. Затем, свирепо нахмурившись, он коротко сказал:

– Может быть, в другой раз. Сейчас я должен вам рассказать очень плохие новости о Лорин. И я не хочу, чтобы *он* слышал, – и Кермит сделал знак в сторону кухни и О'Рейли.

Кермит шумно задвигался в своем кресле, поскольку внимание Малькольма начало рассеиваться.

– Я вам говорю: я хочу, чтобы вы предоставили мне безраздельное внимание, – настаивал Кермит. – Мне нужно донести до вас очень важную вещь, и я не желаю кричать.

– Что же? – Малькольм подался вперед. Он почувствовал, что его жизнь начинается.

– Я должен рассказать вам, как от меня ушла Лорин, – выкрикнул Кермит и побледнел; побледнел так, словно признался, что убил ее. – В прошлый раз вы видели ее, так сказать, прямо перед актом. Мне казалось тогда, что она любит меня сильнее, чем всегда. Она предавала меня с самого начала, понимаете, и в итоге предала окончательно – ушла.

– Значит, она обнаружила, кто вы такой? – спросил Малькольм, жадно пытаясь разобраться.

– Кто я *такой*? – голос Кермита задрожал.

– Я хотел сказать... я... – Малькольм запнулся.

– Скажите в точности то, что собирались сказать, – закричал Кермит. Он вскочил и Малькольм заметил, как еще большему смятению, что стоя Кермит едва ли выше ростом, чем сидя. Удивленный взгляд Малькольма привел к тому, что раздражение Кермита усилилось.

– Скажите в точности, о чем вы думали. Я приказываю! – сказал Кермит.

– Я только хотел сказать, – заметался Малькольм, – что она, в конце концов, обнаружила... ну, и мистер ведь Кокс говорит, что вы...

– Лилипут! Лилипут! – прорычал Кермит. – Вот что говорит обо мне за спиной этот старый педераст!

– Старый кто? – воскликнул Малькольм, но его вопрос утонул в грохоте. Кермит сбросил на пол поднос с бутылками из-под имбирного пива.

О'Рейли быстро вошел в комнату, но так же быстро отступил.

Кермит все-таки сел и начал тихо плакать, хотя и с толикой самообладания.

Малькольм подошел к месту, где сидел карлик, но тот возопил:

– Не трогайте меня! Я не желаю жалости от моих *преследователей!*

– Какие сложные слова вы говорите сегодня, – посетовал Малькольм, сам чуть не плача.

Вдруг Кермит схватил Малькольма за руку и сказал просительно:

– Почему она ушла, Малькольм? Она – это все, что у меня было.

Малькольм хотел чем-нибудь его утешить, но испугался, что опять неверно выразится в такой драматический момент.

О'Рейли опять вошел в комнату, на этот раз в кимоно. Он нес небольшой поднос с лекарствами. О'Рейли подал Кермиту маленькую пилюлю, которую карлик механически принял и проглотил, отказавшись от предложенной воды. О'Рейли немедленно вышел.

– Я не любил Лорин уже несколько месяцев, – продолжил Кермит увереннее. – Ее изюминка пропала; иногда Лорин была мне отвратительна. Но я привык к ней и к тому, как она обихаживает меня. Я не стану притворяться. Я стал зависим от ее помощи, Малькольм. Ее уход имеет значение и в экономическом смысле.

Малькольм трезво кивнул. Затем, желая как-то подбодрить Кермита, мальчик сказал:

– Кермит, у вас голос не лилипутский. У вас голос очень молодого человека.

Кермит медленно открыл и закрыл рот, но, кажется, не услышал комплимента. Он продолжил:

– Когда Лорин уходила от меня вчера ночью, то я будто стал совершеннолетним. Я осознал, что наконец начинаю жизнь. Начинаю одиноким, как и все.

– Довольно жутко, – поддакнул Малькольм.

Кермит изучающе осмотрел мальчика, медленно, как будто видел его впервые.

– Мы оба одиноки, – задумался Кермит. – Как удачно, в конце концов, что на свете есть профессор Кокс и что он свел нас. Мы оба в невозможной ситуации.

– Я-то определенно, – подтвердил Малькольм.

– Почему это вы больше, чем я? – мальчик вывел Кермита из себя.

– У вас хоть что-то есть, – объяснил ему Малькольм. – Таланты. Посмотрите на свои картины, на свой стулья. И ваш брак: он ведь значит, что вы знаете женщин. У меня нет ничего. Я ничего не умею делать. Все, что есть у меня, это память об отце. Мой отец...

– Да насрать мне на твоего отца! – завизжал на него Кермит.

Малькольм машинально поднялся, белый от ужаса, дрожащий.

В комнате установилась мертвая тишина.

Кермит медленно встал и подошел к Малькольму. Его голова достигала лишь талии мальчика, и это унижительным образом мешало карлику смотреть Малькольму в глаза. Слова Кермита направлялись мальчику в пупок. Кермит только и мог что тянуть высокого юнца за штанину брюк.

– Малькольм, – прокричал он, – ты должен навсегда забыть, что я сказал.

Малькольм отодвинулся от него и сел на стул с прямой спинкой в нескольких футах от точки, где остался стоять одинокий карлик.

– Ты должен выслушать меня и простить меня, – голос лилипута, полый и далекий, доносился словно звук, подслушанный на заброшенной станции подземки.

Малькольм постучал по деревянной ручке стула указательным пальцем.

– Ты должен выслушать мои извинения, дорогой Малькольм, – взмолился Кермит. Он перестал плакать.

– Как я смогу слушать вас теперь? – наконец вымолвил Малькольм. – И как я могу простить вас? Сказать *такое* о моем отце. Во всем, что случилось со мной, это последняя капля. Я должен сложить вещи и уехать из города сегодня же. Не знаю, почему я задержался здесь так надолго. Да еще и на скамье.

– Выслушай хотя бы мои извинения, – попросил Кермит и подбежал к углу, где сидел застывший Малькольм, и яростно потянул мальчика за пиджак. – Ты не имеешь права оставлять меня, – запротестовал Кермит. – Мы под одной звездой!

– Это что, астрология мистера Кокса? – горько поинтересовался Малькольм.

– Малькольм, постарайся поставить себя на мое место. Я только что потерял весь свой мир; я даже признался себе, кто я такой. Я так от тебя завишу. Мне не от кого больше зависеть!

– Неудивительно слышать это от человека, который оскорбляет мертвых, – ответил Малькольм.

– Я прошу прощения. Я прошу прощения от всего сердца. Разве я не могу судить по сыну, что твой отец был королевских кровей. Разве я не вижу породу и воспитание в каждой линии твоего лица.

Малькольм легко кивнул.

– Так не мучай меня больше, прости меня.

– Я не знаю, смогу ли я простить вас, Кермит. Я не знаю, что сделал бы мой отец в таких обстоятельствах.

Если б вы сказали «провались он» или «ну его к черту», и это было б чересчур! – И Малькольм опять затрясся от ужаса.

– Я ничего не имел в виду, кроме раздражения; и раздражен я не тобой, и определенно не твоим отцом.

– Хорошо, Кермит, на этот раз я прощаю вас, – сказал Малькольм.

Кермит пожал плечо мальчику в знак признательности.

– Лорин! Лорин! – Кермит начал бормотать, прохаживаясь по мастерской. Время от времени он бил себя по лбу. – Сказал ли я тебе, с кем она сбежала? – вдруг спросил Кермит.

– Она с кем-то сбежала? – удивился Малькольм.

– Как еще ей было уйти! – прогремел Кермит, и старый гнев отчасти вернулся к нему. – Она сбежала с японским борцом...

Малькольм склонил голову; он слишком устал, чтобы вобрать в себя еще несколько событий этого сложного мира. Но через минуту он нашел в себе силы поинтересоваться:

– Он... этот японский борец... он тоже – карлик?

Кермит смотрел на Малькольма бесконечную меру времени, прежде чем ответить:

– У него обычный для мужчины размер, – сказал Кермит с великой сухостью и сдержанностью.

– Но ведь Лорин вернется к вам, *в конце концов*, – предложил слабое утешение Малькольм.

– Только не Лорин, – сказал Кермит. – Нет, я был ее пред-мужем, ее первопроходцем. Сейчас она ушла к настоящему мужу. Так и сказала. Она ушла (зачем молчать об этом при детях), – Кермит словно говорил сам с собой. – Она ушла к настоящей снасти!

И Кермит погрузился в глубочайшее отчаяние.

АДРЕС № 3

Третий адрес от профессора Кокса был написан с расчерком, который выскочил на поле бледно-зеленой страницы, будто предостерегающе поднятый палец. На бумаге значилось просто:

М А Д А М Ж Е Р А Р
З А М О К

– Но здесь же не сказано, где это, – закричал Малькольм в номере отеля.

На улице он подозвал кэб и посоветовался с водителем насчет адреса. Водитель, к облегчению Малькольма, немедленно опознал адрес и сказал мальчику, что это *лучший* адрес, возможно, единственный *стоящий* адрес в этом городе и уж точно единственный для тех, кто живет на широкую ногу, так сказал водитель Малькольму с тяжелой ноткой в голосе.

В Замке лакей открыл перед мальчиком белую дверь, и зеленый с золотом лифт, резко пахнувший пачулями и розовой водой, повез Малькольма наверх.

Лакей направил Малькольма, когда тот вышел из лифта, к очень узкой и высокой двери, которая больше походила на отверстие мусоропровода, чем на вход. На двери висело безошибочное указание, записка на толстой писчей бумаге:

МАЛЬКОЛЬМ: ВАС ОЖИДАЮТ: МАДАМ ЖЕРАР

Лакей пожелал доброй ночи и исчез в лифте.

Малькольм открыл дверь и столкнулся лицом к лицу с человеком в тexasской шляпе.

– Вы *Малькольм!* – сказал молодой человек с очень красным лицом. Он держал в руках высокий стакан с ледяным напитком.

– Откуда вы меня знаете? – подивился Малькольм, но молодой человек, не ответив на вопрос, потянул мальчика наверх к еще одному лестничному пролету.

– Мадам Жерар требует у мужа отступного, – осведомил Малькольма молодой человек, позвякивая льдинками в стакане. – Вы как раз успели на вечернее представление.

Малькольм и молодой человек вошли в зал – огромный, как собор.

Их встретила сама мадам Жерар. На ней был костюм наездницы, у ног валялся кнут и несколько бутылок, пустых и полупустых. Ее лицо покрывали царапины, будто она скакала сквозь заросли ежевики. Макияж был размазан по ее лицу и рту так неровно, что она больше походила на клоуна, чем на женщину. Малькольму тут же захотелось, чтобы прекрасный наряд амазонки, который носила мадам Жерар, достался Кермиту; мальчик был уверен, что лилипут смотрелся бы в нем лучше мадам Жерар.

– Кто впустил этого ребенка? – требовательно спросила мадам Жерар, поднимая стакан с чистой водкой.

Мистер Жерар, ее муж, невысокий мужчина средних лет с выдающимся лбом, выступил вперед, чтобы объяснить жене:

– Профессор Кокс звонил и спрашивал, не можем ли мы принять этого молодого человека.

Мистер Жерар поклонился Малькольму и, подступив, протянул ему руку. Однако обе руки Малькольма так туго запутались в карманах его штанов – на Малькольме был старый, тесноватый костюм, который отец выбрал для него некоторое время назад, – что мальчик не смог принять приветствие и рукопожатие мистера Жерара.

– Кто дал вам свободу, сэр, принимать приглашения от моего имени? – потребовала мадам Жерар от мужа. –

Я в высшей степени настроена возбудить против вас иск по вопросу, который мы обсуждали сегодня вечером!

– Пожалуйста, Додди, будь гостеприимней, – обратился мистер Жерар к жене.

– Не зови меня домашним именем при посторонних, – пригрозила мадам Жерар мужу.

– Пожалуйста, сядьте на минуту, – велела мадам Жерар Малькольму и подошла к нему поближе, чтобы лучше рассмотреть.

Пока Малькольм поспешно оглядывал огромный зал из стекла, за которым виднелся океан и городские огни, он заметил, по меньшей мере, десяток молодых людей, рассаженных на одинаковых стульях с прямой спинкой. Все они были обращены лицом к мадам Жерар, единственной в зале представительнице своего пола, и молчали, как немой хор.

– Эти джентльмены – друзья мистера Кокса? – громко произнес Малькольм, поскольку вовсе не чувствовал себя уютно в такой наэлектризованной атмосфере. Все засмеялись в ответ на его реплику (десять молодых людей хохотали тоже хором): все, кроме мистера Жерара, который вперился в ковер.

– Почему вы не проникаетесь духом вечеринки? – спросила мадам Жерар мужа. – Вы хотите, чтобы я сейчас же возбудила против вас иск?

Мистер Жерар поместил в рот трубку, не отрывая взгляда от ковра.

Малькольм продолжил тем же громким голосом:

– Я не думал, что это так будет выглядеть.

– Что *это*? – потребовала ответа мадам Жерар.

– Ваше сборище, или вечеринка, или как вы это называете, – ответил Малькольм. Его не впечатлила ни мадам Жерар, ни ее гости, молодые люди, и Малькольм этого не скрывал.

– Мы собрались здесь для единственной цели: обсудить иск против моего мужа, – произнесла мадам Жерар с расстановкой, – и я думаю, что вполне смогу приступить к этому без комментариев со стороны ново-прибывших.

– Может быть, мистер Жерар и сам хочет начать с развода, – сказал Малькольм, и смешки хором донеслись от молодых людей на стульях. На этот раз даже мистер Жерар улыбнулся позади трубки.

– Вероятно, вы не знаете, – начал Малькольм, обращаясь все так же громко к каждому из присутствующих, – что мистер Кокс, известный астролог, представляет меня в этом году всем своим друзьям в надежде, что я стану несколько менее подвержен одиночеству.

– Оно и видно, – мадам Жерар громко отхлебнула водки.

– Вы, должно быть, *очень* много пьете, мадам Жерар, – заметил Малькольм с нотой искреннего беспокойства. Всплески смеха раздались и на этот раз, но сильно приглушенные, а мистер Жерар прикусил трубку и посмотрел в сторону, на череду ваз со свежими гранатовыми розами.

– Что вы сказали? – переспросила мадам Жерар потрясенно и лукаво, как человек, обнаруживший мелочь, которая изобличит его врага.

– Мне кажется, что вы пьяны, мадам, – произнес Малькольм.

Смех со стороны молодых людей становился безудержным.

– Осознаете ли вы, в чьем доме находитесь? – задыхнулась мадам Жерар. И еще тише, – осознаете ли вы, *кто я?*

Малькольм кивнул и ответил:

– Это третье место, куда я прихожу по просьбе мистера Кокса, – и мальчик повернулся, чтобы видеть всех в комнате, – но я не могу сказать, чтобы оно было самым приятным или уютным из этих трех.

– Слышите его? – выкрикнула мадам Жерар, вставая. – Он критик, а не гость. Не только критик, но и шпион! Шпион мистера Кокса... Вышвырнуть его! *Вышвырнуть* его!

– Додди, милая, – взмолился мистер Жерар, подошел к ней и нежно положил руку ей на предплечье.

Мадам Жерар быстро села, скорее оттого, что начала терять равновесие, а не оттого, что послушалась мужа.

– Кажется, я слышал упоминания о вашем отце, – мистер Жерар сменил тему беседы, обратившись прямо к Малькольму.

– Он шпион старого мистера Кокса! – опять завела мадам Жерар, поскольку не любила, когда тема разговора менялась без ее знака.

Блеклое хихиканье донеслось от молодых людей и исчезло.

– Вы правда знали моего отца? – Малькольм был весь внимание, но в словах его не было того энтузиазма, который он показал бы несколькими днями раньше. Малькольм внезапно почувствовал, беседуя с мистером Жераром, что образ отца немного затуманился в его памяти, и мальчик пригубил водку в стакане, который ему как раз подал слуга.

– Я не думаю, что ваш отец существует, – выкрикнула мадам Жерар, вновь поднимая стакан. – *Я никогда* не думала, что он существовал.

Малькольм громко сглотнул, затем открыл рот для ответа.

– И более того, – продолжала выступать мадам Жерар, – *никто* здесь не считает, что он существует или когда-либо существовал.

– Это... это... кощунство... хуже кощунства! – закричал Малькольм, поднимаясь. Тем временем мистер Жерар подошел к нему и попытался что-то тихо сказать мальчику на ухо. – Впервые я участвую в... в собрании, – Малькольм подобрал слово, глядя на молодых людей на стульях, – где хозяйка... пьяна.

И Малькольм опять перевел все внимание на мадам Жерар, словно умоляя ее объяснить ему происходящее.

– Как я заявляла сегодня вечером, – мадам Жерар сейчас обращалась только к молодым людям на стульях, – я лишена выбора. Я вынуждена возбудить бракоразводный иск против мистера Жерара.

– Додди, милая, – упрашивал мистер Жерар, – тебе необязательно возбуждать иск сегодня...

Он забрал у нее стакан с водкой и передал слуге, который в тот момент проходил мимо.

– Враг! Муж! – прокомментировала мадам Жерар, сузив глаза.

Неожиданно она начала плакать, и все молодые люди, кроме Малькольма, почувствовали крайнее неудобство, в то время как мальчик, наоборот, придвинул свой стул поближе к хозяйке, чтобы лучше изучить черты мадам Жерар.

– Вы мои молодые *красавчики* на неуютных прямых стульях – видите, как я страдаю! – заклинала гостей мадам Жерар. – Придите и утешьте меня, красавчики, – прорыдала она, простирая руки в сторону молодых людей.

– Какое, должно быть, приятное лицо у нее под всей этой растопленной косметикой, – заметил Малькольм мистери Жерару.

Мадам Жерар тотчас перестала плакать, а потом спросила мужа, нет ли у того платка. Он немедленно вынул платок из нагрудного кармана и протянул ей.

– Очисти мое лицо от всякого изъяна, – приказала она ему.

– Ох, как много я перенесла, – сообщила мадам Жерар залу, пока мистер Жерар начисто вытирал ее лицо от туши и румян. – Никто не знает, сколько я выстрадала! Вот почему мне так часто кажется, что я должна подать иск. Такое страдание должно закончиться расплатой.

– Додди, – мягко сказал мистер Жерар жене.

– Еще этот шпион от мистера Кокса, – она опять начала хныкать. – Он вернется прямо к старому мошеннику и расскажет ему *все* об этом вечере, а потом Кокс, будь он проклят, позвонит всем своим клиентам и поведает им, что этим вечером я была не в лучшей форме.

– Но зачем, – Малькольм внезапно встал и подошел к мадам Жерар, которая, казалось, была удивлена и возможно напугана тем, как близко он стоял к ней, – зачем мистер Кокс послал меня сюда?

– Зачем? – прогрохотала в ответ мадам Жерар. – Вы хотите сказать, что и в самом деле так глупы, как все о вас говорят! *Зачем?* Разве я не назвала вам причину множество раз? Да, правду о вас говорят, у вас нет мозгов. Но все одно, вы – шпион мистера Кокса, знаете вы об этом или нет. Ему нужны сведения любой ценой... Только подумайте, я не в лучшей форме!

Теперь она рыдала неудержимо.

Мистер Жерар был так взволнован, что в качестве особой уступки мадам Жерар принес ей невысокий бокал французского шампанского, который она и цедила, пока муж старательно вытирал платком ее слезы.

Мистер Жерар тем временем подал знак юным «красавчикам» покинуть прямые стулья и собраться вокруг хозяйки, чтобы развеселить ее.

Мадам Жерар бледно улыбнулась, когда увидела, что молодые люди обступили ее кругом, в центре которого теперь стоял Малькольм.

– Почему? Почему? – мадам Жерар обернулась к мужу, – вы испортили этот прекрасный вечер, пригласив в наше общество шпиона, – и она опять указала на Малькольма.

– Вы ведь не велите мне уйти, как Эстель Бланк? – спросил Малькольм с отчаянием и унынием.

– Эстель Бланк, – взвизгнула мадам Жерар, задетая за живое. – Боже правый! – и она опять разразилась рыданиями.

– Вы не должны упоминать при ней этого имени, – мистер Жерар одновременно упрекал и извинялся. – Она боится его больше, чем кого-либо другого.

– Видите, – пояснила мадам Жерар, как только оправилась от нового приступа рыданий, – это дитя знает лишь худших людей, моих врагов. О, пусть он уйдет, Жерар, ради святого, пусть он уйдет.

– Додди, вспомни о своем положении, – упрасивал ее мистер Жерар. – Вспомни об *обществе*, если не помнишь о положении.

– Ох, иногда мне тяжело нести свое бремя, – сказала она, отпив еще шампанского. – И он нам не нужен, – она показала на Малькольма. – Разве нет у меня моих красавчиков? – она отметила властным кивком молодых людей. – Почему их недостаточно? Почему нам нужно держать при себе наемного доносчика в виде этого безмозглого, бессмысленного, но и... – тут мадам Жерар остановилась, точно увидела Малькольма впервые, – очень *красивого* молодого мальчика?

– Мы все должны выпить за мадам Жерар! – провозгласил Малькольм, пораженный молниеносной переменой отношения к нему. Он поднял бокал, и по этому движению все увидели, что сам он изрядно пьян.

– Мой милый, милый юный друг, – ответила мадам Жерар. – Благодарю тебя.

Все молодые люди и мистер Жерар подняли бокалы, и Малькольм тоже, с некоторым затруднением, поднес бокал к губам и осушил его. Слуга моментально наполнил стакан по знаку мадам Жерар.

– Оставьте мистера Кокса, – обратилась мадам Жерар к Малькольму. – Будьте моим, а не его.

– Давайте снова выпьем за мадам Жерар, – нервно выкрикнул мистер Жерар, и молодые люди собрались вокруг него, а некоторые стали хлопать его по спине, успокоенные тем, что напряжение в зале пошло на убыль.

– Знаете ли вы, мой юный, мой очень юный милый друг, с кем вы водите компанию? – мадам Жерар встала, схватила в вазе одну из гранатовых роз и в мгновение ока вонзила ее в не занятую ранее петлицу на костюме Малькольма.

Малькольм легко поцеловал мадам Жерар в щеку, покачнувшись в ее сторону.

– Ответьте на мой вопрос, чудный молодой человек, – потребовала мадам Жерар. Она выглядела почти трезвой. – Знаете ли вы, с кем вы водите компанию? Знаете ли вы, милый мальчик, кто таков мистер Кокс?

– Ну как же, старый педераст, конечно, – Малькольм пошатнулся, его голос стал ломким и тонким.

– Что! – выкрикнули все разом, и молодые люди уставились друг на друга со ртами, открытыми от изумления и неверия.

– Что за слово я сейчас услышала? – воскликнула мадам Жерар, и щеки ее поднялись в пораженной улыбке.

– Повторять я не намерен! – прокричал Малькольм, осушив свой стакан. – Мой отец никогда не повторял дважды!... Ура! – проревел он и внезапно упал на пол в сидящей позе.

Мадам Жерар встала с кресла, растолкала по сторонам десятерых «красавчиков» и мужа, споро подошла к Малькольму, который медленно утопал в ее толстом ковре, и, как женщина, решившая наконец смириться с новым решением, низко склонилась над мальчиком. Воля и душа полностью переменялись на ее лице. Она остановилась вновь, будто разглядела его впервые, и поднесла руки к груди, чтобы перемена в ее рассудке отметилась теперь в сердце.

– Ты настоящий принц, Малькольм, – объявила она. – Прости меня. Настоящая...

Следующие слова мадам Жерар бормотала, звучно целуя Малькольма в волосы, пока он взирал на нее лежа.

– Королевская особа! – провозгласила она, указывая на Малькольма другим гостям, жадно глядящим на них. – Королевская особа.

ВИЗИТ МАГНАТА

Малькольм провел несколько дней, разговаривая иногда с мистером Коксом, – который, как и прежде, предпочитал стоять перед сидящим на скамье мальчиком. Еще Малькольм записывал свои «беседы» с персонажами из адресов.

Мистер Кокс был согласен с тем, что Малькольму не следует давать адрес № 4, пока тот не усвоит полностью события и смысл первых трех адресов.

Вскоре после того разговора, одним поздним вечером, когда Малькольм лежал в большой кровати с пологом и слушал разнообразные раковины, купленные отцом в разъездах, он удивленно расслышал за раковинным шумом диковинный звук звонящего телефона.

Он ответил на звонок и был удивлен еще больше тем, что услышал голос мистера Жерара, который телефонировал ему из холла отеля.

– Могу ли я видеть вас, Малькольм?

Мистер Жерар был трезв и собран, как всегда; хотя ему случалось поглощать алкоголя не меньше, чем мадам Жерар, его сильная воля противостояла всем стимулянтам.

Неловко было Малькольму; с тех пор, как отец неожиданно сообщал о возвращении из Денвера или Сан-Франциско после коммерческой сделки, впервые кто-то звонил в этот номер просить о встрече. Беспомощно слушая голос мистера Жерара в трубке, Малькольм не сумел сразу ответить из-за смятения.

Мистер Жерар услышал лишь дыхание Малькольма на другом конце провода и, не дождавшись никакого ответа на свою просьбу, еще раз извинился за поздний звонок, но повторил желание видеть мальчика.

– Не вижу, почему бы нам не повидаться, если вас не смущает то, что я в одном халате, – наконец ответил Малькольм.

– Я поднимаюсь сейчас же, – сказал ему мистер Жерар.

В номере мистер Жерар показался моложе и красивее, но, как ни странно, озабоченней и измученней, чем тогда в Замке.

Видно было, что он чувствует себя как дома в усохшем изяществе большого гостиничного номера, и Малькольм немедленно предложил ему стакан воды со льдом.

– Мне отчего-то показалось, что мы с вами – люди одного положения, – начал мистер Жерар и занял место на диване, – хотя я настолько вас старше. Сколько вам лет, Малькольм? – поинтересовался он.

Малькольм сглотнул и принялся загибать пальцы, словно считая.

– Пятнадцать, сэр.

Мистер Жерар посмотрел на мальчика с сомнением.

– То есть, сэр, в декабре будет, кажется, – добавил Малькольм.

– Ясно, – произнес мистер Жерар. – А сейчас июнь, не так ли?.. Что ж, мне тридцать семь, так что я достаточно стар, чтобы быть вашим отцом.

– Да, так и есть, – ответил Малькольм. – Мой отец, тем не менее, выглядел старше, и кажется сильнее, вас. Он выглядел на все сорок.

– Я надеюсь, что не потревожил вас, – продолжил мистер Жерар. – Но мой приход продиктован чрезвычайной необходимостью.

– Ничего серьезного? – Малькольм выразил тревогу. – Мадам Жерар не больна, не умирает?

– Мадам Жерар дома, спит в своем крыле Замка, – ответил мистер Жерар. – Я же пришел сюда, чтобы сделать вам очень необычное предложение, и, надеюсь, вы выслушаете меня. Я пришел – это следует разъяснить – по собственной воле, несмотря на то, что и мадам Жерар велела мне пойти к вам.

Мистер Жерар вытер лоб носовым платком.

– Вы, Малькольм, кажется, так близки мне по происхождению и взглядам. И мадам Жерар увлеклась вами так быстро и неистово, что мы решили осведомиться, – при этих словах мистер Жерар вынул маленькую серебряную коробку с несколькими пастилками и поспешно сунул одну из них в рот, – мы хотели осведомиться, не желали бы вы поехать с нами на лето в наш загородный дом. Разумеется, мы обо всем позаботимся, и вам не придется отказываться от вашего номера. Я буду рад взять на себя всю ответственность на этот счет...

– Я так удивлен вашей щедростью, что у меня нет слов, – воскликнул Малькольм. Он поднялся и минуту или две ходил по комнате.

– Не хотите ли послушать мои раковины? – Малькольм предложил одну из крупных раковин.

– Уделили ли вы должное внимание тому, что я предлагаю вам, Малькольм? – в этот момент мистер Жерар помрачнел и отказался от протянутой раковины.

– О да, сэр, должное внимание, – ответил Малькольм. – Меня никто никогда никуда не приглашал, понимаете, разве только отец. Я не выходил из этого отеля, разве что иногда в другие отели... то есть, пока не встретил мистера Кокса.

Мистер Жерар несколько нетерпеливо забарабанил пальцами по деревянной оконечности дивана.

– Я и моя жена были бы очень счастливы, если бы вы приехали, – произнес мистер Жерар, будто подводя итог соглашению. – Можем ли мы ожидать вас?

– Но мне придется оставить всех новых друзей! – выкрикнул Малькольм.

– Ваших новых друзей? – ответил мистер Жерар с удивлением, как человек, услышавший нечто совершенно непредвиденное и к тому же незаслуженное.

– В особенности, Кермита и мистера Кокса, – проинформировал его Малькольм. – Я не считаю Эстеля Бланка – он мне не друг – хотя через двадцать лет, как он сам сказал, и такое возможно.

– Я не знаком с этими людьми, кроме как по имени, – мистер Жерар стал несколько замкнут. – Понимаете, Малькольм, я часто в отъезде и не всегда знаком с друзьями моей жены. На деле я часто даже не знаю их имен и, возвращаясь в Замок из долгой поездки, впервые встречаюсь с ними лицом к лицу. Зачастую я никогда больше не вижу их после этого первого знакомства.

– Вам не слишком-то нравятся чужие друзья, – заметил Малькольм.

– Дорогой Малькольм, я не стану отрицать, что никогда не любил ни одного из друзей моей жены. Вы – первый.

– Вы хотите сказать, что вы говорите обо мне всерьез? – Малькольм был удивлен.

– Конечно, всерьез! – ответил мистер Жерар горячо. – Я всегда говорю всерьез.

– Но вы не понимаете, мистер Жерар, сэр, – заверил его Малькольм. – Прежде, чем я встретил мистера Кокса на скамье, этот гостиничный номер был вся моя жизнь. Ничего особенного. А потом вдруг: приглашения отовсюду, звонки в полночь. Всего стало чуть ли не *слишком* много.

И Малькольм подошел и пожал руку мистеру Жерару, который не был вполне готов к такому проявлению этикета. Мистер Жерар начал подниматься и случайным движением коленей оттолкнул мальчика от себя, так что Малькольм едва не потерял равновесие.

Мистер Жерар так и застыл в этой неуклюжей позе.

– Я чувствую, мистер Жерар, сэр, – сказал Малькольм, восстанавливая равновесие, – что жизнь *начинается*.

– Я чувствую почти то же, что и вы, – ответил мистер Жерар, – и хотя моя жизнь далека от начала, я вижу, как все заново рождается в вас. Может быть, потому, что вы мне как сын. Но, как я уже сказал, мне кажется, что вы одного со мной положения и происхождения.

– Благодаря отцу, – сказал Малькольм.

– Нет, не благодаря отцу, – убедил его мистер Жерар. – Благодаря вам. Мы же видим вас, а не вашего отца.

– В это мне очень тяжело поверить, – произнес Малькольм.

– Что тяжело? – спросил мистер Жерар. На его лице была написана тревога.

– Что вы даете мне такую высокую оценку, сэр. Видите, затруднение мое в том, что я едва ли могу оценить себя. Я и сам-то не уверен, что существую.

– Вам кажется, будто вы не существуете? – мистер Жерар взвесил слова мальчика.

– Верно. И когда другие люди вдруг обращают на меня такое внимание, мне кажется, что здесь что-то не так...

– Вы всем по душе, – сказал мистер Жерар. – По крайней мере, нам, и я уверен, что все остальные считают так же.

– Благодарю вас, мистер Жерар, сэр, – и Малькольм уставился на золотую вышивку своего халата.

– Так вы примете приглашение, Малькольм?

– Я буду счастлив *принять* его, мистер Жерар.

– Пожалуйста, называйте меня по имени, хотя я старше вас на двадцать с лишним лет.

– Как ваше имя? – спросил Малькольм несколько застенчиво, сомневаясь, можно ли задавать такой вопрос великому человеку.

– Жерар, – ответил мистер Жерар.

– Но ведь это ваша фамилия, сэр?

– У меня одинаковые имя и фамилия.

– Вы хотите сказать, что вы...

– *Жерар Жерар*, именно так. Когда я был молодым человеком, это было очень трудно сносить, но сейчас я постарел и люблю свое имя.

– Вы очень милый старик, – подтвердил Малькольм.

– Мне и показалось, что вы восхищаетесь мной. Поэтому, в частности, я хотел, чтоб вы ехали с нами. Моя жена, тем не менее, большой ваш адепт.

– Правда? – Малькольм сглотнул, размышляя над словом «адепт». – Поблагодарите ее, пожалуйста.

– Так когда вы думаете нанести нам маленький визит? – спросил Жерар.

– О нет, я не могу ехать, – твердо ответил Малькольм.

– Что? – произнес Жерар с нотой властного гнева. Едва переменив выражение на лице, он полностью вошел в роль миллиардера и магната.

– Вы здесь не при чем, – спокойно ответил Малькольм, прохаживаясь взад-вперед по комнате.

Мистер Жерар выпил всю воду в стакане, открыл щелчком коробку с пастилками, заглянул в нее, не вынул ни одной, и щелчком закупорил коробку.

Малькольм был слегка ошеломлен тем, как свирепо выглядел Жерар в тот момент.

– Я не могу уйти со скамьи, – сказал ему Малькольм, – И я не думаю, чтоб я смог так просто покинуть Кермита и мистера Кокса.

– А, ну возьмите их с собой, – мистер Жерар выразил некоторое облегчение, – если в этом дело!

– Я даже не знаю, могу ли я называть вас Жерар, сэр, – продолжил Малькольм.

– Из-за моего преклонного возраста? – поинтересовался Жерар.

– Не знаю из-за чего, сэр, – ответил Малькольм. – Может быть, потому что обращаться к вам по имени было бы, как говорится, нарушением субординации.

Жерар Жерар остановился, а потом сказал:

– Кому есть дело до того, как вы называете меня? Зовите меня как хотите, или вообще не зовите, только приезжайте!

Мистер Жерар попытался улыбнуться и вернуть себе обходительный облик.

– Видите, – продолжил Малькольм, – я ужасно боюсь уйти отсюда, где я всегда одинок и жду, и поехать туда, где люди могут потребовать меня в любую минуту...

– Никто не потребует от вас того, чего вы не захотите, – терпеливо ответил мистер Жерар, и Малькольм почувствовал, что терпение великого человека быстро иссякает.

– Я должен отклонить ваше любезное приглашение, – Малькольм собрал все свое мужество.

– Должна быть еще причина, которой вы не называете.

– Нет, Жерар, – Малькольм с усилием произнес его имя, – причины нет. Я не могу объяснить причину, кроме того, что она имеет отношение к скамье, инструкциям мистера Кокса, да еще к моему новому другу, Кермиту, который, кстати сказать, должно быть, очень задет тем, что ни разу не был приглашен в Замок познакомиться с мадам Жерар и, конечно, с вами, сэр...

– Понятно, – сказал Жерар, пропустив почти все сказанное Малькольмом. Тем не менее, он не сделал движения, чтобы уйти.

– Я очень хочу угодить вам, – сказал Малькольм после долгого молчания. – И мадам Жерар тоже, хотя я не знаю, почему мне хочется угождать ей, но все-таки хочется.

– Так вы еще подумаете? – громко выкрикнул мистер Жерар.

– Я *хочу* ехать, – ответил Малькольм. – Но я боюсь, что не смогу.

– Чего же вы боитесь? – прогремел мистер Жерар.

– По-моему, я сказал вам, сэр: оставить скамью.

– Не называйте меня *сэр*! – приказал Жерар с холодной свирепостью. – И что это к черту за скамья...

– Скамья, где я получаю адреса. Где, собственно, я получил ваш адрес, Жерар Жерар!

Жерар нахмурил бровь.

– У меня кружится голова от всех этих адресов, от прошлых и от будущих... Их еще десятки впереди. Может быть, сотни. Вы должны дать мне время, Жерар Жерар.

– Но что же это за скамья, провалилась она? – гнев Жерара ослабевал.

– Она рядом с отелем. Я там всегда жду, когда отец вернется домой.

Рот мистера Жерара открылся и закрылся.

– Я почти ни с кем не разговаривал со времени исчезновения или смерти моего отца. Тогда-то мистер Кокс попытался ввести меня в жизнь и в людской круг.

– Мистер Кокс! – Жерар вскинул руки.

– Смерть отца оставила меня...

– Именно! – перебил Жерар. – Поездка с нами за город – это как раз то, что вам нужно.

Но в голосе миллиардера не было уже убеждения или чувства. Взамен слышались колебание и грусть.

– Мы будем вам за отца и за друзей, – наконец сказал Жерар. Он подошел к Малькольму и хотел было положить руку на плечо мальчику, но передумал и дал руке упасть благословляющим жестом.

– По крайней мере, подумайте об этом, – попросил Жерар.

– Я подумую, – обещал Малькольм.

– И не будьте таким печальным, – посоветовал ему Жерар. – Я, конечно, ничего не знал о скамье, иначе я подбирал бы слова осторожнее.

– Не нужно извиняться, Жерар Жерар, сэр.

– Спасибо, – ответил старший собеседник.

– Я вам так благодарен за визит, – подхватил Малькольм. – Пожалуйста, не говорите никому, что я вам

сказал здесь. Понимаете, мистер Кокс знает обо мне все, хотя я не говорил ему ни слова. Он просто знает. Как астролог, понимаете...

Жерар на это не ответил, и стал говорить о возможном визите Малькольма.

– Вы должны дать знать мадам Жерар как можно скорее. Мы надеемся уехать очень скоро, и нам нужно включить вас в свои расчеты.

– Я посвящу этому вопросу безраздельное внимание, – пообещал Малькольм.

– Именно так вы и должны поступить, – ответил Жерар. – Утро вечера мудренее, как говорится.

Малькольм зевнул.

– Доброй ночи, – пожелал Жерар, – и помните, вы – наш.

Малькольм сказал «Спокойной ночи» и открыл Жерару дверь в длинный коридор с серым ковром. – Спасибо, сэръ, и доброй ночи.

МОИ ДЕЛА ОКОНЧЕНЫ

Малькольм проспал до двух часов дня из-за позднего визита Жерара Жерара, так что встреча с мистером Коксом представлялась невозможной. Малькольм добрался до скамьи только около четырех и понял, что астролог был здесь раньше и уже ушел.

Тогда Малькольм решительно зашагал к Кермиту, репетируя по пути, как он опишет лилипуту историю о вчерашнем посетителе.

Малькольм не был всерьез удивлен, когда, войдя в мастерскую, застал там Кермита и мистера Кокса, поглощенных крайне интимным tête-à-tête. Они оба выглядели несколько виновато, когда увидели Малькольма, – вероятно, потому что говорили о нем.

– Где вы были в назначенный час? – мистер Кокс накинудся на Малькольма. – Я ждал вас чуть ли не десять минут!

– Вы о том, что меня не было на скамье? – переспросил Малькольм несколько безразлично; он чувствовал себя гораздо крепче после приглашений Жерара Жерара.

– У кого здесь еще есть скамья? – выкрикнул мистер Кокс.

– Я не помню, чтобы я придерживался регулярных часов или назначал встречи *кому бы то ни было*, – сказал Малькольм и вспомнил в этот момент, что лишь несколько дней назад мадам Жерар назвала его «принцем». Он вообразил, будто его речь и манера должны были показаться Кермиту и мистеру Коксу истинно королевскими.

Но мистер Кокс и Кермит смотрели на него холодно и даже критически.

– Вчера у меня был поздний посетитель, – Малькольм обращался сейчас к Кермиту. – На этот раз я позаботился и о тебе, Кермит, – добавил он.

– Занятый малый, – отреагировал Кермит все еще прохладно, но без настоящей иронии.

– Уж не хотите ли вы показать нам этими жестами и речами, что более в нас не нуждается? – процедил мистер Кокс, игнорируя новости о позднем посетителе Малькольма. Он полностью проник в психологию мальчика.

Малькольм был удивлен неприятным тоном мистера Кокса. Он знал, что мистер Кокс был субъектом нелегким, но не подозревал, что его голос может стать так омерзителен.

– Кому ты рекомендовал меня? – Кермит пропустил мимо ушей вопрос мистера Кокса и вернул разговор к посетителю Малькольма. – Не могу дождаться.

– Как я сказал, у меня был необычный посетитель, – снова начал Малькольм. – Точнее, мне следовало сказать, что у меня был первый посетитель с тех пор, как мой отец пропал или умер. Раньше единственным моим посетителем был отец, не считая чистильщиков обуви и хозяев гостиниц.

– Как вы повторяетесь, дорогой Малькольм, – мистер Кокс перевел взгляд на потолок, а Кермит деликатно откашлялся.

– Каким холодным презрительным человеком вы умеете быть иногда, мистер Кокс, – отметил Малькольм.

– Так! Так! – выкрикнул мистер Кокс. Кермит широко улыбнулся: мистера Кокса впервые критиковали в глаза, пусть за спиной он не достаивался ничего, кроме критики.

– А еще несколько дней назад мистера Кокса осудили в Замке. Мадам Жерар, – уведомил их Малькольм.

– Что меня осуждает мадам Жерар, это для меня не новость, – подхватил мистер Кокс. – Женщина, которая обязана мне своим успехом, конечно, должна часто порочить меня, хотя бы ради того, чтобы чувствовать, будто ее жизнь – это только ее заслуга.

– Разве это не ее заслуга? – встревожился Малькольм.

– А как *вам* показалась мадам Жерар, дорогой Малькольм? – поставил вопрос мистер Кокс.

– Но я не хотел рассказывать вам сегодня о вечере у мадам Жерар, – перебил Малькольм. – Это было бы к месту утром, на скамье, но...

– Тогда о чем же вы хотите рассказать? – спросил мистер Кокс.

– Как о чем? О посетителе, старый вы... – Кермит осекся, прежде чем произнести известное слово, и

рассмеялся, потому что нашел наконец в Малькольме поддержку против долгой тирании мистера Кокса.

– Возможно, мне стоит отложить эту историю до того времени, когда мы с Кермитом останемся наедине, – отважился сказать Малькольм.

– Вы скажете все, что вам есть сказать, здесь и сейчас. И не надо нам этих юношеских соплей и уловок, – приказал мистер Кокс.

– Ваши манеры меня не пугают нисколько, – храбро ответил мальчик мистеру Коксу.

– Всем, что у вас есть, всем, что мы обсуждаем сейчас целыми днями, – начал мистер Кокс, – вы обязаны мне. Постарайтесь помнить об этом, когда чувствуете себя особенно горделиво и привольно!

– Мы будем слушать приключение Малькольма, или мы будем обсуждать наши обязательства перед вами, сэр? – обратился Кермит к мистеру Коксу.

– Вот что произошло, – доложил Малькольм без дальнейших проволочек, – вчера в полночь меня посетил Жерар Жерар, лично.

Мистер Кокс и Кермит были слишком ошеломлены, чтобы отреагировать сразу.

Когда *сам* мистер Кокс не смог собраться и прокомментировать сообщение мальчика, Кермит, после некоторой внутренней борьбы, промолвил:

– Полностью ли ты отдаешь себе отчет в том, какая честь тебе оказана, Малькольм?

– Честь? – повторил Малькольм, всерьез попытаюсь понять Кермита.

– Какой он вообще может дать отчет! Какое там полностью! – пробурчал мистер Кокс, красный и раздраженный.

– Малькольм! – воскликнул Кермит, подойдя к сидящему мальчику. Он с силой схватил его за руку, будто

разговаривая с глухонемым. – Жерар Жерар – миллиардер, творец президентов, друг королей, МАГНАТ!

– Друг королей? – Малькольм ухватился за одну эту фразу.

– Он сотрапезник коронованных особ, исследователь Африки и поэт!

– Поэт? – Малькольм был этим озадачен и не слишком заинтригован.

– Первый человек нашего времени, – заключил Кермит.

Затем, повернувшись к астрологу, лилипут безнадежно констатировал:

– Профессор Кокс, он не впечатлен.

– Чего вы от него ожидали, – мистер Кокс был вне себя. – У него было всего три адреса, и я совсем не ожидал от него сейчас такого рывка. А может быть, никогда... Жерар Жерар!... это так преждевременно...

– Вы злитесь оттого, что Жерар приходил ко мне, – закричал Малькольм, поднимаясь. Он внезапно почувствовал, что его предали.

– Почему он называет Жерара по имени? – остолебенело отметил Кермит.

– Не смешите нас, Малькольм, – отругал его мистер Кокс за предположение, что они сердятся. – Злы на вас! Сядьте сейчас же, – и астролог издал звук вроде хрюка.

– Ради Бога, расскажите нам, что произошло, – попросил Кермит. Неверие все еще боролось в нем с удивлением.

– Ну... ничего не произошло, – ответил Малькольм. Мальчик почти согласился теперь, что мистер Кокс, вероятно, прав, и что сам он ничего не понял, и что визит Жерара если не приснился ему, то свелся к тому, что магнат вошел в его комнату и вышел.

– Вы хотите сказать, что Жерар Жерар просто заглянул к вам без всякой цели? – возопил мистер Кокс.

– Была полночь, – начал Малькольм, – и я лежал в халате и слушал свои раковины из южных морей.

– Гм, – произнес мистер Кокс.

– И вдруг Жерар Жерар позвонил сказать, что он хочет увидеть меня.

– Я бы отдал десять лет жизни за такую честь, – пообещал Кермит.

– Я все рассказал о тебе Жерар Жерару, – сейчас Малькольм обращался к Кермиту, – хотя, конечно, я не описывал тебя *детально*, а просто сказал, что ты неприкаянный молодой человек и мой лучший друг.

Кермит ударил в ладоши.

– За это тебя ждет награда, – сказал лилипут Малькольму.

– Ты недоумок, – мистер Кокс обернулся к Кермиту. – Ты выглядишь... оба вы выглядите... как пара школьниц... возбужденных визитом... обыкновенного биржевого деляги.

Кермит высунул язык в сторону мистера Кокса и опять обернулся к Малькольму.

– Кажется, и мадам Жерар, и Жерар Жерар считают, что я должен всегда быть с ними, – продолжил Малькольм. Он почувствовал, что этим предложением он целиком исчерпал свою интересную историю, и поэтому сложил руки на коленях и замолчал, ожидая, что его слушатели подхватят разговор.

Ни мистер Кокс, ни Кермит не добавили ни слова и только сидели выжидающе. Малькольм продолжил, словно в качестве пояснения:

– Похоже, они любят меня, эти Жерары.

– Совершенно невероятно... вся эта история! – мистер Кокс заворочался в кресле.

– Вы знаете, что Малькольм не лжет, – ответил Кермит астрологу. – Но вы терпеть не можете слушать о

чужих удачах, особенно, разумеется, когда речь идет об одном из ваших друзей. Чужой успех для вас все равно, что ад для правоверного. Успех рушит все ваши планы на друзей.

– Я не верю, что Жерары могут полюбить кого-либо, кроме самих себя, – мистер Кокс проигнорировал Кермита. – Мадам Жерар не способна долее пяти минут думать о ком-либо, кроме своей персоны, без того, чтоб впасть в панику.

– Они, – продолжил Малькольм раздумчиво, – или вернее, мадам Жерар через Жерар Жерара пригласила меня провести с ними время за городом.

– В их загородном доме? – вскрикнул Кермит.

– Да, там, – ответил Малькольм.

Это заявление убедило даже мистер Кокса, и он медленно стал оседать, заваливаясь назад, пока его руки не коснулись пола. Все кончено, он знал это. Он сделал все. Он пропустил этот шарик катиться, и тот укатился дальше, чем астролог мог мечтать или предполагать. Теперь Малькольм определенно «вхож», задолго до того, как к этому был подготовлен, и задолго до того, как мистер Кокс увидел малейшее астрологическое показание к тому, что мальчик близок к цели. Малькольм прибыл на место, даже не ступив ногой на первую ступеньку лестницы. Он стал протееже – после одного ночного разговора – самого могущественного человека в стране.

– Но вы хоть знаете, что с вами произошло? – спросил Кермит мальчика.

– Конечно, не знает, – мистер Кокс все еще язвил. – Но как ты и сказал, Кермит, он не мог бы так солгать. Никто не может изобрести событие такого размаха. Нет, Малькольм попросту все закончил.

– Но что же я закончил? – закричал Малькольм.

– Ты *их* пленил, – заверещал Кермит. – Разве этого мало для одной жизни?

Тогда, припомнив свой разговор с Жераром Жераром, Малькольм произнес медленно и громко:

– Но я отклонил приглашение.

– Что? – Кермит вскочил на ноги, оттолкнувшись от стула. Малькольм загородился. Лицо карлика стало таким грозным, что мальчик испугался, что на него сейчас нападут. Но Кермит застыл от досады на Малькольма.

Мистер Кокс закрыл руками глаза и легко поклонился, а потом покачал головой.

– Но Жерар Жерар убедил меня в конечном счете, что однажды я *обязан* согласиться, – вяло добавил Малькольм, и Кермит с мистером Коксом издали вздохи частичного облегчения при мысли, что плоды победы не были добыты лишь для того, чтобы отвергнуть их с таким безрассудством.

– Малькольму нужен присмотр, – сказал мистер Кокс Кермиту. – Как он умудрился прожить так долго – несомненная загадка.

– Я не поеду в их загородный дом без тебя, Кермит, – теперь пришла пора Малькольму встать и обратиться к собеседникам. – Я так и сказал Жерар Жерару, точно в таких выражениях.

Кермит ничего не ответил, но страшно побледнел и отвернулся от мистера Кокса, который тем временем стал пристально наблюдать за карликом.

– Я думаю, мне здесь делать больше нечего, – внезапно сказал мистер Кокс, поднимаясь. Он не мог дольше скрывать, что оказался не готов к сюрпризу Малькольма и ничто в его собственной науке не предупредило его об этом событии.

– Сядьте, профессор Кокс, – взорвался Кермит. – Вы слишком долго играли в Бога. Сейчас ведите себя как простой смертный...

И Кермит ударил в маленький гонг утреннему слуге, забыв, что уже не утро, и что О'Рейли Морган ушел.

– Так много нужно обдумать, – сказал Кермит, имея в виду, очевидно, посетителя Малькольма. – И так много спланировать.

Но мистер Кокс уже шел к двери. В конце концов, он сделал довольно для обоих молодых людей. Он по-медлил, стоя к ним спиной, потом, взявшись за ручку, открыл дверь, и вышел без единого слова.

ЖЕРАРЫ ВЫЗЫВАЮТ КЕРМИТА

Однажды вечером, после неясного предупреждения о приезде, роллс-ройс подкатил к фасаду мастерской Кермита, и мадам Жерар, Жерар Жерар и Малькольм вышли из машины и встали перед дверью.

Карлик ждал их. Глаза Кермита остановились на задвижке и дверной цепочке: он боялся, что те не выдержат совместного натиска троих посетителей.

Они, разумеется, приехали, чтобы забрать его в загородное имение. Он согласился ехать – в неопределенном будущем – но теперь, увидев неожиданное великолепие мадам Жерар, царственное спокойствие и повелительность Жерара Жерара и невероятную молодость Малькольма, признался себе, что не сможет открыть им дверь. Он знал, что не сможет быть счастлив. Вид такого богатства и блеска слепил его. Он, конечно, имел намерение открыть дверь, чтобы принять их. О'Рейли Морган уже сделал чай, особый сорт, купленный только этим утром. Вся мастерская была отмыта аммиаком, а затем маслом из пачулей и розовой водой (*sine qua non* для всех обиталищ мадам Жерар) и находилась в безупречном порядке. Кермит рассчитывал принять мадам Жерар в стиле, которого она ожидала повсеместно. Затем, в самом конце

приема, Кермит собирался сказать мадам Жерар спокойно, даже несколько величественно, что другие обязательства препятствуют тому, чтобы он принял ее любезное приглашение. Она, разумеется, станет протестовать, но в конечном счете с сожалением сдастся и уедет с большим интересом к карлику, чем если б он согласился и отправился с ней.

Появление трех посетителей у порога убогой, ветхой мастерской пронзило его грудь с такой силой, что он почувствовал, что упадет без чувств, если они сейчас же не уедут. И потом, даже если б он того хотел, у него не было сил поднять задвижку и крюк и впустить их.

Через несколько мгновений унижительная мысль пронеслась в голове Кермита. Он постепенно понял, что Малькольм с самого начала опознал его «контур» на фоне стеклянной двери. Малькольм узнал его, но не подал вида перед чужими. Конечно, для мадам Жерар было бы великим оскорблением узнать, что карлик прячется за дверь, потому мальчик хранил молчание.

Кермит не мог сдвинуться с места, не мог даже показать Малькольму, что знает о том, что мальчик видит его. Он стоял как каторжник в колодках, беспомощный, не способный даже сбежать и скрыться от своего срама. Он обманул их и стоял теперь, отбрасывая на гостей тень вероломства и обмана. Он сказал, что поедет с ними за город, а теперь замкнул перед ними дверь и по сути оскорбил своим небрежением.

Кермит видел горячую и сосредоточенную насупленность Малькольма. Вдруг он услышал голос мальчика, который говорил мадам Жерар:

– Он *должен* быть внутри, я уверен!

– Он *предпочел* с нами не видеться, – ответила мадам Жерар с навязчивым страхом, что все, кого она действительно хотела бы знать, боятся ее и избегают.

– Может быть, с ним что-то случилось, – предположил Жерар Жерар, подошел к двери и громко постучал по старому ломкому стеклу.

Кермит быстро отпрянул. Звук, с такой силой извлекаемый из его двери одной из влиятельнейших особ, слишком расстроил его и без того истрепанные чувства. Карлик стал понемногу отступать назад, в комнату, оставленную котам.

Он знал теперь, что никогда не сможет поехать с ними. Он слишком привык к нищете, к рутине лишений, к маленькой пустой жизни из жалоб и раздражений, к последней бессмысленности дня, когда он сам себя укладывает в постель. Внезапно перенестись в автомобиль с монограммой, который смотрелся как транспортное средство иной цивилизации, оказаться окруженным теми, кто ровня королям, видеть, как Малькольма фаворитом возносят на престол: он не мог принять этого. Кермит отступил еще глубже и открыл спиной дверь. Все коты, увидев, что их темница открыта, ринулись с криками бешенства и облегчения в переднюю комнату, и начали скрести и мяукать в стеклянный проем высокой двери, где стояла мадам Жерар.

При виде котов мадам Жерар издала крик восторга.

Малькольм прижался лицом к стеклу и только успел приглядеться к темной передней, как входной замок пружинно открылся, и все они были впущены в мастерскую.

Кермит, неразличимый в темной задней части мастерской, ясно видел посетителей. Он видел, что Малькольм едва не плачет и кричит:

– Я не могу ехать один, Кермит, ты не знаешь, что со мной случится! Я не могу ехать один! Выходи, не будь трусом.

Мадам Жерар подняла голос:

– Выходите сию же минуту, Кермит. Я приказываю вам, слышите? *Приказываю.*

После властного повеления Кермит почувствовал, что не может больше терпеть неопределенность и напряжение, и выкрикнул:

– Уходите! Я не могу вынести вашего великолепия!

– Что вы не можете вынести? – воскликнула мадам Жерар, вглядываясь в чернильную мглу мастерской, чтобы хотя бы кратко увидеть лилипута.

– Я не могу вынести вашего великолепного присутствия! – повторил Кермит.

– Нашего великолепного *присутствия!* – промолвила мадам Жерар. Она с испугом решила, что слух изменил ей.

– Откройте дверь шкафа и выходите немедленно, я вам приказываю! – провозгласила она.

– Я не могу, не могу... – провыл Кермит. Он прижал голову к узкой двери задней комнаты.

– Малыш стонет, – прокомментировала мадам Жерар. После ее слов плач Кермита стал еще слышнее.

– Открой дверь и выходи, – крикнул Малькольм Кермиту.

Жерар Жерар добавил свой голос к другим, с таким самообладанием и достоинством, каких Кермит и ожидал от столь известного человека.

Измотанный смятением, Кермит медленно упал на колени, и стоял коленапреклоненный за тонкой деревянной дверью, отделявшей его от посетителей.

Мадам Жерар продолжала стучать руками в мягких перчатках по дверному стеклу, мистер Жерар предлагал свой совет, а Малькольм побуждал Кермита выйти хотя бы *ради него*, если уж не ради себя.

Кермит попытался несколько раз ответить на тот или другой велеречивый призыв, но его голос срывался, и слова не выходили.

После ожидания трое визитеров медленно вышли и сели в роллс, надеясь, вероятно, что лилипут переменит решение.

Троица оставалась ждать, как показалось Кермиту, несколько часов, он же не покидал своей позы на коленях. Наступили сумерки. Наконец, когда ночь показала себя в черной городской полноте, двигатель роллса завелся, и его великолепные визитеры укатили в пустоту.

– Кермит отверг меня, – сказала мадам Жерар, когда они отъехали.

– Боюсь, что он отверг *меня*, – ответил Малькольм. На заднем сидении роллс-ройса он казался почти таким же маленьким, как Кермит. Посреди тяжелой, густо пахнущей кожи и строгих линий автомобиля он чувствовал себя так, будто ехал на собственные похороны. Ему не терпелось выпрыгнуть и воссоединиться с Кермитом в мастерской. Он знал, что на место среди «коронованных особ» у него прав не больше, чем у Кермита.

Вскоре Малькольм начал всхлипывать по-настоящему.

– О нет, нет, – воскликнула мадам Жерар, обращаясь к мальчику с переднего сидения, где она чопорно сидела поодаль от ведущего автомобиль Жерара.

– Вы, наверное, считаете, что я не очень мужественный? – Малькольм высморкался в рукав.

– *Я не выношу* эмоциональных кризисов у других, – мадам Жерар объяснила свою позицию. – Этим нужно заняться, Жерар, – она повернулась к мужу. – Сделай что-то и немедленно.

– Мы будем ехать и думать, – произнес муж в ответ.

– Думать здесь не о чем, – подхватила мадам Жерар. – Кермит всех нас отверг. Он стоял там и, наверное, рассматривал нас, будто мы причудливо оперенные птицы из заповедника.

– Это было ужаснее всего, – согласился Малькольм. – Видеть его маленькую тень за стеклянной дверью, пока он глядел на нас. Он был слишком напуган, чтобы выдать свое присутствие.

– Чего же ему бояться; когда я пришла к нему с любовью? – поразилась мадам Жерар.

– Вероятно, мы могли бы позвонить ему и сообщить, что собственно хотим от него, – предложил Жерар. – Люди часто не умеют отказать просьбе, когда она сообщена по телефону.

– Еще мне необходимо выпить, – добавила мадам Жерар самым низким тоном, на какой была способна.

– Что выпить? – переспросил Малькольм довольно громко и сухо.

Мадам Жерар зашелестела и надолго задумалась. Наконец, она сказала так быстро, что все подскочили:

– Темный ром.

– Совершенно исключено, – заверил ее Жерар.

– Объясни смысл этого замечания, – обратилась мадам Жерар к мужу.

– Твоей выпивке пришел конец. По крайней мере, в моем присутствии. Я знаю, что по ночам ты будешь сбегать и добывать себе бутылку, или твои красавчики тайком принесут тебе, но в общем и целом твоей выпивке пришел конец.

– Он произносит мой приговор с хладнокровием обезьяны, – сказала мадам Жерар. – Ты обезьяна. Твое пагубное присутствие испугало карлика.

– Никогда не говорите это слово! – воскликнул Малькольм.

– Что такое? – выкрикнула мадам Жерар, оборачиваясь, чтобы взглянуть на Малькольма.

– Кермит не считает себя карликом, – объяснил ей Малькольм. – Однажды он чуть не ударил меня за то, что я смел подумать о нем такое.

– Как примечательно! – мадам Жерар временно отвлеклась от желания выпить. – Как значительно!

Все еще размышляя, мадам Жерар спросила:

– А кем он себя считает?

– Я боялся, что вы спросите об этом, – признался Малькольм.

Мадам Жерар понимающе кивнула.

– Мне кажется, он не решил окончательно, что думать о себе, – предположил Малькольм.

– Тем не менее, – подал голос Жерар, – если б мы знали, что он думает о себе, мы могли бы убедить его ехать с нами.

– Ты никого не способен убедить... *ни в чем!* – взорвалась мадам Жерар, и муж слегка согнулся под напором ее атаки.

– Я вижу, вы держите Жерара под каблуком, – прокомментировал Малькольм.

Горящие, подведенные тушью глаза мадам Жерар, под которыми набухали фиолетовые мешки, уставились прямо в сверкающую линию зубов Малькольма.

– Каким же образом? – поинтересовалась она, скорее с любопытством, чем воинственно.

– Вы оставляете ему меньше места, чем он заслуживает, – осмелился Малькольм.

– Меньше не меньше, но я – человек весьма сильный, – рассмеялся Жерар.

– Он очень сильный, – согласилась мадам Жерар, глядя на мужа. – Но мы отошли от темы, – напомнила она попутчикам. – Мы должны заполучить Кермита или отправиться домой. Если мы поедем за город сейчас, то Малькольм будет рыдать так, что окажется в больнице.

– Мы обязаны ехать за город, – отрезал Жерар. – Мои легкие нуждаются в чистом воздухе.

– Ты сделаешь, как тебе скажут, – заявила мадам Жерар. – Поезжай к Храмовой аллее.

– Но это огромный крюк! – запротестовал Жерар.

– Ты слышал, что я сказала? – потребовала мадам Жерар. – Я сказала, к Храмам!

– Кажется, я уже несколько дней не был у своей скамьи, – выдохнул Малькольм, точно говоря с самим собой.

– Я настаиваю на том, что нам необходимо звонить Кермиту, – мистер Жерар вернулся к изначальной идее.

– Что ж, у Храмов есть телефоны, – мадам Жерар брюзгливо поддалась.

– Что станется с Кермитом? – посетовал Малькольм. Он в один миг осознал, какой жизнью живет этот лилипут.

– Прекрасные малыши, вроде Кермита, умеют справляться с жизнью, – уверила его мадам Жерар.

– Как вы узнали, что он прекрасен? – удивился Малькольм.

– Мне все сказал его силуэт, – ответила она.

– Его голос показался мне изысканным, – добавил Жерар.

– В нем все изысканно, – мадам Жерар подытожила события вечера. – И какая чудесная мастерская. Я желаю купить ее как можно скорее.

– *Купить?* – сказал Жерар.

– Ты слышал меня, – мадам Жерар стала холодна. – Я должна владеть этой мастерской.

– Я не думаю, что она продается, – проинформировал ее Малькольм.

– О, разумеется, эта мастерская прекрасна, но она продается, если я этого хочу, должна продаваться!

– Вот твои Храмы, – сказал Жерар, показывая движением руки в перчатке на развалины старого здания в японском стиле.

Развалины пронзили каждого из них каким-то осенним ознобом.

– Где же телефоны? – первым нарушил молчание Малькольм.

– Неподалеку, – успокоил его Жерар. – Я позвоню ему.

– Храмы приносят мне столько воспоминаний, – сказала мадам Жерар изменившимся голосом, и закрыла глаза рукой в перчатке. Малькольм принялся изучать женщину крайне внимательно.

– Возьмешь свою вуаль? – необъяснимо спросил ее Жерар, глядя вниз, на дно автомобиля.

– Мадам Жерар носит... *дорожную вуаль*? – удивился Малькольм, слишком пораженный, чтобы оставаться вежливым.

– Вот она, – продолжил Жерар, проигнорировав замечание Малькольма, и протянул мадам Жерар голубовато-фиолетовую материю, которую быстро достал из какого-то отделения в автомобиле. Она немедленно поместила материю на лицо.

– Дорожная вуаль, должно быть, привлечет всеобщее внимание в такой час, – сказал Малькольм мадам Жерар.

– Эта вуаль, разумеется, привлекает внимание, где бы она ни показалась, – ответила она.

Она осторожно коснулась материи.

– Вы как всадник без головы, – заметил ей Малькольм.

– Текстура – это все, – ответила мадам Жерар, – вещь – ничто.

– Звонить ли мне Кермиту? – Жерар вернул их к делам и к прошлой неудаче.

– Непременно, используй все средства, чтобы убедить его, – согласилась мадам Жерар.

– Прошу простить мое отсутствие, – сказал Жерар.

И Малькольм, и мадам Жерар поклонились ему, и он ушел в направлении японских храмов.

Жерар Жерар ушел так ненадолго, что мадам Жерар едва успела сказать Малькольму десяток слов сквозь голубую вуаль, которая отрезала ее от мира. Малькольм, тем не менее, решил, что ее облик в вуали очень подходил к Храмам и меланхолическому освещению. Он собрался было сказать об этом мадам Жерар, как Жерар Жерар вернулся с видом более довольным, чем прежде. Он, как показалось Малькольму, выглядел умиротворенным.

– Я принес хорошие вести, – объявил Жерар.

– Позволь *нам* решать, какого они качества, – парировала мадам Жерар. – Зайди в автомобиль и расскажи *исключительно* то, что произошло. Если понадобится добавить комментарии или эпитеты, мы это сделаем за тебя.

– Ясно, – ответил Жерар и, улыбаясь, занял свое место за рулем.

– Долго ли я отсутствовал? – неожиданно поинтересовался Жерар.

– Как обычно, – ответила мадам Жерар.

– Мне показалось, что долго, – объяснил он.

– Нет, недолго, – добавил Малькольм.

– Наверное, разговор показался мне долгим, потому что мне пришлось беседовать с человеком по имени профессор Кокс.

– Нет! – вырвалось у Малькольма и мадам Жерар.

– Вездесущий мистер Кокс, – сказала мадам Жерар, качая головой, и на мгновение подняла вуаль. Малькольм решил, что мадам Жерар ему больше нравится с вуалью, чем без, и решил сказать ей об этом, но Жерар продолжил:

– Профессор Кокс был очень уклончив.

– Как же ему быть откровенным? – отметила мадам Жерар.

– Он, во всяком случае, был тверд, – признал Жерар.

– Скажем так, он был тверд в своей уклончивости, – прокомментировала мадам Жерар.

– Я естественно спросил Кермита, поскольку не мог узнать голоса, ответившего на звонок.

– Продолжай, – приказала мадам Жерар мужу.

– «Это мистер Кокс», – назвал себя голос. Я спросил: «Не могли бы вы, в таком случае, позвать к телефону Кермита, поскольку именно с ним я хочу говорить». Мистер Кокс ответил, однако, что он этого делать не намерен, потому что Кермит пребывает сейчас в муках полного коллапса. «В муках коллапса?» – переспросил я, разыгрывая удивление, хотя, конечно, не был удивлен...

– Конечно, не был! – кивнула мадам Жерар.

– В муках? – Малькольм удивился и нахмурился.

– «Карлик не может говорить с вами ни при каких обстоятельствах, Жерар Жерар», – сказал тогда мистер Кокс. «Но я прошу вас, – я ответил мистеру Коксу, – нижайше. Мы готовы ехать в наш загородный дом, и нам крайне важно, чтобы он присоединился, иначе Малькольм не сможет сопровождать нас. Три человека ждут вашего ответа». – «Вот вам ответ», – сказал мне мистер Кокс, – «НЕТ!».

– Нет! – выкрикнул Малькольм, молотя кулаком по голове.

– «Нет на какой срок, мистер Кокс?» – спросил я его. «Нет навсегда», – ответил мистер Кокс.

– Навсегда, – повторил Малькольм.

– Он отказал человеку твоего масштаба в разговоре с Кермитом, – мадам Жерар побледнела от негодования.

– Мистер Кокс сказал, что отныне Кермит никому не сможет сказать «да», – закончил заявлением Жерар Жерар.

– Нет! – Малькольм закричал, но мадам Жерар подняла руку, прося тишины.

– «И не звоните Кермиту впредь», – приказал мне мистер Кокс. «Я позвоню вам сам, если он когда-либо согласится».

– Так какого черта ты так веселился, когда вернулся к автомобилю? – потребовала мадам Жерар у мужа.

– Я всего лишь смеялся над тиранией мистера Кокса, – ответил Жерар Жерар. – Он не только тиран, а еще и хлыщ.

– Хлыщ? – Малькольм задумался над словом.

– Хлыщи с тиранами всегда идут парой! – мадам Жерар отбросила в сторону смятение Малькольма.

– Только подумать, что я почти доверил свою жизнь мистеру Коксу, – произнес Малькольм почти шепотом.

– Именно, – Жерар Жерар был тверд.

– Теперь у него такая власть над Кермитом! – отметил Малькольм.

– Он ничего не может сделать с Кермитом, – мадам Жерар проговорила с убеждением.

– Из-за того, что он хлыщ, или из-за того, что он тиран? – осведомился Малькольм.

– Что общего у хлыща с властью? – ответила вопросом мадам Жерар. – То, что он хлыщ, это вопрос его манер. Власть мистера Кокса происходит из другого источника. Но с Кермитом он лишь растратит ее.

– Понимаю, – сказал Малькольм.

– Ему никогда не победить Кермита, – сказал Жерар Жерар.

– Никогда, – согласилась мадам Жерар.

Все трое сидели, думая о том, что мистер Кокс, тем не менее, заполучил Кермита целиком, и все нити, так сказать, разорваны, или находятся в руках астролога.

Затем Жерар завел мотор.

– Куда ты везешь нас? – воскликнула мадам Жерар.

– Проедемся вдоль воды.

– Но не в загородное имение! – предупредил Малькольм.

– Вы думаете, мы могли бы ехать туда сегодня, после этих сокрушительных событий? – усмехнулась мадам Жерар. – Нет, даже если бы там меня ждала целая пещера с темным ромом!

– Мы поедем за город завтра, – установил Жерар. – Моим легким необходим чистый воздух!

– Мы поедем, когда я прикажу, и не раньше, – сказала мадам Жерар и внезапно сняла вуаль. Малькольм задохнулся, увидев вновь ее прекрасные, хотя и измученные глаза.

– Ты говоришь о своих легких! – усмехнулась мадам Жерар. – Но никогда не думаешь о моей жажде!

Жерар Жерар открыл рот, чтобы ответить.

– Молчать! – опередила его мадам Жерар.

– Думаешь ли ты о моей жажде? – возопила она вновь.

Но опять, как только Жерар Жерар попытаться ответить, мадам Жерар выкрикнула первой: «Не открывать рта! Молчать!»

Малькольм сжал голову руками.

– Жерар Жерар, – сказала мадам Жерар, – обращали ли вы когда-либо хоть сколько-нибудь серьезное внимание на мою жажду? Серьезное, в сравнении, скажем, с мистером Коксом (в тех редких случаях, когда ему вообще представлялся случай обращать на меня внимание)? Вы можете ответить на этот вопрос.

– Обращал, – ответил Жерар Жерар несколько заспешиво, как показалось Малькольму.

– Вы лжете! – завизжала она. – Вы лжете перед этим невинным юным свидетелем.

Они проехали минуту в тишине.

– Это истинный ад, когда ты чувствуешь жажду, и тебе не дают ее утолить, – прошептала мадам Жерар. Она немного всплакнула, затем взяла себя в руки и прокричала: – Чтоб твои легкие сгнили! Слышишь? Чтоб они сгнили!

АДРЕС № 4

– Да, это вы, – произнес мистер Кокс без особенного удивления, хотя тон его был кислее, чем когда-либо. – В то время, как все считают, будто вы живете в загородном доме мадам Жерар, вы сидите здесь, на скамье, словно после смерти отца с вами ничего не произошло.

– Я не мог ехать без Кермита, – ответил Малькольм без убежденности. – Жерары были слишком... импозантными (мальчик позаимствовал это слово), слишком импозантными, чтоб оставаться с ними наедине.

– Отговорки! Уловки! Я вас знаю! – мистер Кокс покачал головой. Сегодня он держал во рту вычурную зубочистку, и его голос казался еще более резким и высокомерным, чем обычно.

– Все у Жераров говорили о вас с презрением, – сообщил Малькольм мистеру Коксу с таким выражением, будто просто отчитывался о фактах.

– О тех, кто знает правду, редко говорят хорошо, – мистер Кокс ответил довольно хладнокровно.

– Вы... знаете... ? – Малькольм быстро вскочил, но так же быстро сел по знаку ментора.

– Я думал, вам все известно, – мистер Кокс ответил спокойно, и его лицо немного просветлело.

– Кажется, я не хочу знать никакой правды, – наконец, произнес Малькольм, опять принимая безутешный вид.

– Что ж, милый мальчик, – размышлял мистер Кокс. – Я думаю, вы и без этого достигли очень многого.

Так иногда случается. Но в вашем случае беспокоиться не о чем, вы ничего и не узнаете!

– Вы говорите, будто я многого достиг. Вы, наверное, имеете в виду, что я покорил мадам и мистера Жерар? – спросил Малькольм.

– Кого же еще? – кивнул астролог.

– Мадам Жерар очень зависима от вас, – Малькольм рассуждал вслух. – При этом она постоянно проклинает вас, как и Жерар Жерар.

Мистер Кокс вынул зубочистку изо рта, но ничего не ответил.

– Вы колдун и, по их словам, еще и астролог, – Малькольм покачал головой, поражаясь сложности этих материй.

Мистер Кокс не потрудился ответить на заявление мальчика, но поспешно продолжил:

– Все, кого я подталкиваю к действиям (а таких людей очень много, скажу я вам), почему-то терпят поражение.

– Но к каким же действиям вы их подталкиваете? – жалобно спросил Малькольм, поскольку, как обычно, ничего не понял.

– Запомните, – продолжил мистер Кокс, – мне все равно, *что* они говорят обо мне, все равно, *сколько* они говорят друг с другом. Главные разговоры поведу я. Но я хотел бы, чтоб они играли те роли, которые им назначено играть друг с другом!

– Что же это за роли такие? – поинтересовался Малькольм и не смог погасить широкий зевок.

Мистер Кокс дождался, пока Малькольм закроет рот.

– Я подготовил все ситуации, – мистер Кокс говорил сейчас без обычного оптимизма. – Почему *они* бездействуют? Я подвел правильных людей к правильным

ситуациям. Я не такой дурак, чтоб не узнавать *правильных людей* и *правильные ситуации*, когда они совпадают. Но ничего не происходит. Совершенно ничего.

– Вы ведь могли ошибиться! – смело предположил Малькольм.

– Нет, нет, Малькольм, – астролог заговорил почти нежно. – Это звезды. – В голосе мистера Кокса появилась смиренная нота. – Как еще их назовешь? От этого не уйти. Все доиграно до конца.

– Значит, я покинул скамью без всякой причины?

– Нет, Малькольм, мы не сдадимся, со звездами или против звезд. Возможно, позже я заплачу за свои слова, – и мистер Кокс присвистнул, изображая высших духов. – Если Жерары не склонили силы на свою сторону, – астролог украдкой посмотрел вдаль, на горизонт, – то вдруг нам поможет вот это отчаянное средство, – и он вынул небольшую карточку и всунул в руку юного друга.

– Новый адрес! – возликовал Малькольм.

– Радоваться будете после, – мистер Кокс опять стал суров. – И избавьтесь от энтузиазма, мой мальчик. Он приведет вас к обязательствам, и не к одному, а к целому легиону. Бойтесь этого... Теперь идите. Мы, может быть, встретимся, а если нет, значит нет. Удачи вам.

Вынув зубочистку изо рта и отвесив Малькольму энергичный прощальный поклон, мистер Кокс ушел так же обыденно и быстро, как всегда.

– Ты новый мальчик? – спросила Элоиза Брейс, разглядывая Малькольма из-за подвальной двери своего трехэтажного дома. Дверь она ему пока не открывала.

Малькольм прислушался к звуку альт-саксофона, доносившемуся с верхних этажей, но сильный подбородок и свирепые голубые глаза Элоизы Брейс его

остановили. Он никогда не видел такой могучей женщины. Мальчик не смог бы определить ее возраст, так внушительно она выглядела. Ее светлые волосы были длинными, густыми и закрывали лоб.

– Малькольм? – переспросила Элоиза Брейс. – Это ты?
Он кивнул.

– Окей, или заходи, или иди за дверь. Нечего стоять здесь просто так, окей. Я даю концерт.

Элоиза Брейс сказала окей еще несколько раз. Она вставляла это выражение после каждого нескольких слов.

– Мистер Кокс... – начал Малькольм.

– Да, да, окей, – прервала Элоиза Брейс. Раздражение и нетерпение разгорелись в ней снова.

– Вы сегодня ужасно не в духе, правда? – спросил ее Малькольм.

Элоиза наконец открыла дверь в подвал, и Малькольм зашел в комнату.

– Это новый мальчик? – раздался требовательный мужской голос, и молодой человек с бородой и толстыми очками сбежал вниз по задней лестнице, которая спускалась из концертного зала в подвал, где стояли Малькольм и Элоиза.

– Займись им, пожалуйста, окей? – Элоиза Брейс повернулась к молодому человеку. – Ты знаешь, я не выношу детей. И музыканты ждут.

Элоиза издала вздох облегчения и исчезла на ступеньках, по которым только что сошел молодой бородач.

– Моя жена немного нервничает, когда у нас концерты, – он объяснил Малькольму.

– Элоиза Брейс – *ваша* жена? – спросил Малькольм. Молодой человек кивнул.

– Но что же ты не заходишь в комнату? Не стой у двери, – попросил он мальчика.

Малькольм вошел и был немедленно поглощен обстановкой. Она чем-то походила на жилище Эстеля Бланка, хотя, пожалуй, была помрачнее. Как у Эстеля, все стены украшали картины, но кроме того здесь была целая выставка птичьих чучел: всё больше совы, сидящие на лакированных жердочках. Мебель выглядела крайне старой и ветхой; такую скорее ожидаешь увидеть в фермерском доме.

– Да, – молодой человек сказал Малькольму, – ты точно такой, каким тебя описывал мистер Кокс, – и он поправил очки, чтобы яснее разглядеть мальчика.

Мужчина был очень дружелюбен, хотя и на докторский манер. Малькольма рассмешило его внимание. Он подумал, что этот молодой человек, вероятно, самый дружелюбный из всех, кого ему доводилось встречать.

– Вина, Малькольм? – мужчина протянул ему надтреснутую колбу, наполненную красным напитком.

– Я обычно не пью, – ответил Малькольм.

– Выпей вина, – убеждал его новый друг.

– Вы так... вежливы, – заметил мальчик.

– А ты гораздо приятнее, чем мальчики твоего класса, – сказал бородач. – Кстати, меня зовут Джером.

Малькольм принял протянутую руку Джерома и улыбнулся.

– Ты ведь, наверное, ничего не слышал обо мне, – спросил Джером. Его голос выдал смутную надежду.

– Только как о муже Элоизы Брейс, – ответил Малькольм.

– Конечно, в настоящее время Элоиза несколько более известна, чем я, – признал Джером. – Она художник, понимаешь? – Он обвел жестом стены, на которых висели картины, принадлежавшие Элоизе.

Малькольм снова взглянул на картины. То были портреты женщины, странствующей в ночи, женщины

в длинном плывущем одеянии, с длинными волосами и сильным подбородком, но и с мягким, милым, даже немного лунным выражением лица. Женщины на картинах одновременно были и не были похожи на Элоизу, решил Малькольм. Настоящая Элоиза была гораздо злее и старше.

– Разве мистер Кокс не сказал тебе, чем я знаменит?

– Нет, – ответил Малькольм, – только сказал, что вы – муж Элоизы.

– Как это похоже на мистера Кокса, – заметил Джером и продолжил:

– Видишь ли, я сидел в тюрьме.

– Понятно, – Малькольм пригубил вино и кивнул.

– За кражу со взломом, – проинформировал мальчика Джером.

– Как же вы попали сюда в таком случае? – удивился Малькольм и показал на комнату, где они сидели.

– Какой ты милый, – рассмеялся Джером. Он налил Малькольму еще вина.

– Я все знаю про тебя и про твою *скамью!*

– Но... – удивленный Малькольм начал было объясняться.

– Не нужно ничего говорить, – выкрикнул Джером, подняв ладонь. – Здесь все позволено. Здесь всем все позволено.

– Но вы сказали, что вы – взломщик, – выкрутился Малькольм.

Джером пил вино длинными размеренными глотками. Наконец он сказал:

– Так точно. Сел на десять лет. Федеральная тюрьма.

– Вы, наверное, украли целую кучу, – решил Малькольм.

Джером рассмеялся.

– Почему-то тебе простительно даже такое, – ответил он Малькольму. – Да, Малькольм, я украл чертову кучу всего.

В этот момент Джером будто забыл о Малькольме и вперил взгляд в темные внутренности соседней комнаты. Наконец, он вернулся к гостю и сказал:

– Да, Малькольм, перед тобой не кто иной, как бывший зэк.

– Я горд знакомством с вами, – ответил Малькольм и покончил со вторым бокалом.

– Знаешь ли ты, о чем я говорю, Малькольм? – спросил Джером с большей серьезностью, но все еще очень дружелюбно.

– Да, – ответил Малькольм задумчиво. – Мне вот что интересно: не был ли случайно Эстель Бланк, может быть, не на десять лет, но все-таки, не был ли он тоже зэком?

– Эстель Бланк! – Джером сменил улыбку на взгляд обиженный и шокированный. – Но он человек не нашего класса! Во-первых, он совершенный сноб. С чего ты взял, что он – бывший зэк?

Солнечное спокойствие Малькольма вернуло Джерома в хорошее расположение духа.

Малькольм все же продолжил.

– Понимаете, я совершенно не представляю, как должен выглядеть бывший зэк. Вы, по-моему, ничем не отличаетесь от других приятных людей.

– Других приятных людей? – Джером улыбнулся.

– Ну, может быть, вы не так грандиозно милы, как, скажем, Жерар Жерар, – передумал Малькольм, – но в чем-то вы гораздо милее, чем он.

– *Милее...* окей, спасибо, Малькольм, – сказал Джером. Без сомнения в эту минуту он был очень мил и улыбался, думая, вероятно, о том, какой он милый.

– Мы с тобой, Малькольм, люди довольно разные во всем, во всех смыслах, но мы нравимся друг другу и мы похожи, – произнес Джером. – Ну, что же ты не пьешь до дна? – заметил он.

Он налил Малькольму еще вина.

– Видите ли, я не пью, – напомнил ему Малькольм. Джером снова звучно потянул из своего наполненного бокала.

– Джером, что такое – бывший зэк? – внезапно спросил Малькольм.

Джером перестал пить. Он замер.

– Это человек, который был в тюрьме. Бывший заключенный, понимаешь? – ответил Джером, не глядя на мальчика.

– А вы и вправду были в тюрьме, – Малькольм задумался над этим фактом.

– Я написал об этом книгу, – заметил Джером.

– Это должно быть так *тяжело*, – заключил Малькольм.

– Хочешь прочесть мою книгу? – спросил Джером тоном жадного предвкушения.

Малькольм собирался сказать Джерому, что он ни разу не прочитал *целой* книги, но Джером, не дожидаясь ответа, поспешил к маленькому шкафу поблизости, где громоздилась груда книг – все с одинаковым заглавием. Оттуда он принес Малькольму экземпляр.

Книга называлась «За мной могли прийти».

– Какое милое название, –отреагировал Малькольм. – Это вы голый на обложке?

Джером улыбнулся и легонько коснулся уха Малькольма.

Сверху донеслись густые, сытые тона саксофона и контрабаса.

– Тебя прикалывает эта музыка, Малькольм? – с этими словами Джером приблизил свои губы к губам мальчика.

Малькольм полу-улыбнулся.

– Я не очень много читаю, – пояснил Малькольм, возвращая книгу Джерому.

Малькольм медленно поднес руку к тому месту на ухе, которого коснулся Джером.

– А это зачем? – спросил мальчик.

– Послушай, Малькольм, – ответил Джером, – я знаю, ты пытаешься прикинуться дурачком, но ты не такой уж дурачок.

Тут музыка наверху затихла, и Джером поспешно отстранился от Малькольма, сел на пол и стал быстро говорить о том, что он писатель и заканчивает исследование преступности среди малолетних.

На лестничной клетке послышались шаги.

– Джером, ты поднимешься к нам или нет? – голос Элоизы Брейс звучал сурово, но слабо.

– Одну минуту, дорогая, – ответил Джером.

– Послушай, – продолжила жена, – музыканты хотят поговорить с тобой об аранжировке для нового номера. Пожалуйста, хоть раз в жизни подумай о других. Этот мальчик еще здесь?

Не получив ответа ни от Джерома, ни от Малькольма, Элоиза прокричала, – Не заставляй меня ждать, раз уж я привела сюда Грига и Гуди, – и собеседники услышали, как ее шаги поднимаются вверх.

– Моя жена, – Джером улыбнулся нежно и печально и подмигнул Малькольму.

Малькольм перевел взгляд на пустой бокал.

– Еще? – спросил Джером.

Малькольм не сделал попытки отказаться, и Джером до краев налил ему очередной бокал.

– Я хочу, чтобы ты прочел мою книгу, – сказал Джером. Теперь он сидел на полу у кресла Малькольма и легко обнимал мальчика за ногу. – Я хочу этого, потому что, мне кажется, у тебя нет предрассудков ни по какому поводу. Твои глаза широко распахнуты.

Джером потянул Малькольма за штанину.

– Послушай, Малькольм, – он внезапно сказал. – Я не голубой, ничего подобного, поэтому не вздрагивай, когда я тебя трогаю. Ты меня заводишь, потому что в тебе есть такой... жизненный дух, что-то вроде этого. Я никогда в жизни не говорил таких банальностей. Черт, как ты меня заводишь.

– Понятно, – промолвил Малькольм и уставился на руку Джерома, которая разместилась на его ноге.

– Так ты будешь со мной дружить? – спросил Джером Малькольма.

– Конечно, Джером, – вскрикнул Малькольм, словно его разбудили от сна.

– Спасибо тебе, Малькольм.

Они сидели рядом; наверху опять заиграла музыка.

– У нас будет чудесная дружба, – низко проговорил Джером. Его губы прижались к штанине Малькольма. – Но ты должен отказаться от мистера Кокса и Жерар Жерара. Они тебе совсем не подходят. Они не верят в то, во что веришь ты и верю я...

– А во что же мы верим? – спросил Малькольм, и сделал движение, чтобы встать.

– Посиди тихо, – Джером с силой положил руку мальчику на колено. – Просто посиди так, пожалуйста.

Джером запрокинул голову, допивая вино в бокале.

– Во что мы верим, Малькольм? Какой славный, славный вопрос. Я ужасно рад, что ты сказал *мы*. Я долго буду его помнить. Очень долго, Малькольм. Я буду вспоминать этот вопрос, Малькольм: во что же

МЫ верим. Ты, Мальк, возвращаешь меня к чему-то такому...

– Но понимаете, я не знаю, что...

– Не надо, Мальк, не говори ни слова.

– Джером, – голос Малькольма задрожал и затих.

– Не говори ничего! – приказал Джером. Взгляд его полузакрытых глаз смягчился. – Не говори.

В эту минуту бокал выпал из рук Малькольма и, не издав ни единого звука, мальчик обморочно вывалился из своего кресла и упал головой вперед на колени Джерома.

– Господи Боже мой, – вымолвил Джером, открывая глаза.

ПОРТРЕТ НАЧАТ

Малькольм проснулся в узкой кровати, не похожей на его обычное ложе с канапе. Он обнаружил, что с одной стороны у него стена, а с другой – храпящий чернокожий мужчина.

Малькольм подумал, что ни разу после вероятной смерти отца не видел мужчину такой выдающейся внешности.

Все еще в полусне мальчик спросил: «Вы случайно не королевских кровей, сэр?» Это была риторическая фигура, скорее отголоски мадам Жерар, чем вопрос, с которым мальчик собирался обратиться к соседу по кровати. Однако чернокожий мужчина нахмурился и перестал храпеть.

– Сэр, – Малькольм толкнул мужчину и теперь спросил его прямо, – кто вы?

Не услышав ответа, Малькольм огляделся. Он не мог выбраться из кровати, не вытолкнув при этом негра, потому что ложе было слишком узким для двоих.

Оно было слишком узким даже для одной царственной персоны, которая почивала рядом с мальчиком, так что Малькольм, и так приштиленный к стене, не мог пошевелиться без того, чтоб толкнуть незнакомца.

Тут мужчина открыл один глаз, затем другой, и, наконец, широко зевнул.

– Сэр, – Малькольм начал опять, – я впервые ночью не в своей постели, и я удивлен.

Негр кивнул, все еще позевывая, а потом принялся медленно и глубоко почесывать подмышки.

– Кто вы, сэр? – вновь спросил Малькольм.

– А я знаю, кто ты такой, – ответил мужчина. Он имел вид приятный и спокойный, хотя и угрюмый.

– У вас голос гуще, чем у Эстеля Бланка, – отметил Малькольм, но решил тут же поправиться, потому что он опять упомянул непопулярного гробовщика, а ведь между этими двумя не было никакой связи, кроме, разумеется, принадлежности к абиссинской расе.

Мужчина поискал под их общей подушкой и достал симпатичную маленькую расческу. Он начал расчесывать ей волосы, бороду, попутно извиняясь за это занятие.

– Простите, что я спрашиваю, но... вы ведь не королевских кровей, – спросил Малькольм.

– Извини, я забыл представиться, Малькольм. Меня зовут Джордж Лидс, сэр, я – пианист из квартета.

Малькольм пожал руку Джорджа Лидса и сказал, что ему очень приятно с ним познакомиться.

– Все друзья зовут меня Григ, – добавил Джордж Лидс.

– Можно мне посмотреть на ваши руки, Григ? – попросил Малькольм.

– О, я не обманываю тебя насчет профессии, – Джордж Лидс улыбнулся и протянул руки для инспекции.

- Руки пианиста, – заметил Малькольм.
- Да, парень, я не из принцев, – сказал Джордж. – Не из тех принцев, про которых ты говоришь.
- Можно у вас занять расческу, сэр? – осведомился Малькольм, и Джордж передал ему предмет с коротким поклоном.
- Так ты отключился вчера вечером? – спросил Джордж.
- Отключился? – Малькольм удивленно насутился и опустил расческу.
- Джордж Лидс взглянул на него, а потом произнес медленно, по слогам, словно иностранцу:
- НАПИЛСЯ. УПАЛ В ОБ-МО-РОК. К ногам хозяина.
- Джером-взломщик! – вспомнил Малькольм и коротко фыркнул.
- Джордж Лидс улыбнулся и потянулся одним гигантским движением, так что кости хрустнули в позвоночнике.
- Будто сто лет прошло, – Малькольм протянул расческу Джорджу.
- После Джерома?! – поинтересовался Джордж.
- А после отца будто прошла тысяча лет, – сказал ему Малькольм.
- Кстати, что там за история с твоим отцом? Похоже, что все в этой округе только о том и говорят, был он или не было его.
- Уже почти год, как он умер или исчез, – объяснил Малькольм. – Мистер Кокс представлял меня всем адресам, понимаете. Так я и сошелся с Джеромом.
- Сошелся с Джеромом? – Джордж болезненно развернулся в узком пространстве кровати и внимательно взглянул на мальчика.
- Понимаете, мистер Лидс, я почти каждый день получаю новый адрес. Я, можно сказать, начинаю

жить. Вы не поверите, каких людей мне приходится встречать, – взялся объяснять Малькольм, но пределы их спальных удобств были такими тесными, что говорил он прямо в ухо пианисту, как иной раз кричат глухому.

– Вроде бы я тебе верю, – он положил руку мальчику на лоб. – Жара у тебя нет, – добавил он после паузы.

– Спасибо, – ответил Малькольм и немедленно положил свою руку туда, где побывала рука Джорджа Лидса.

Малькольм собирался рассказать Джорджу Лидсу про Кермита и Жераров, но тут Элоиза Брейс вошла в комнату с подносом дымящегося кофе.

– Окей, как сегодня живется моим приятелям? – спросила Элоиза. На ней не было и следа вчерашней раздражительности.

Она легонько поцеловала обоих в лоб и протянула каждому чашку кофе.

– Тесное жилище, – так Элоиза оценила кровать.

– У него это первая ночь в чужой постели, – Джордж Лидс заметил Элоизе и кивнул в сторону Малькольма.

– Мне спалось очень хорошо, – церемонно заявил Малькольм.

– Прекрасно, прекрасно, – ответила Элоиза.

– И, кажется, я знаю почему, – продолжил Малькольм.

Элоиза и Джордж уставились на него.

– Потому что этот пианист пахнет кокосами, – заключил Малькольм с выражением медленного триумфа.

– Кокосы! – воскликнул Джордж Лидс. – Я принимаю это за комплимент, Малькольм.

Малькольм хотел было продолжить, но Элоиза Брейс объявила, что он ей нужен на пару слов, как можно скорее.

– Я только надеюсь, у вас нет ко мне ничего личного или серьезного, – Малькольм разволновался.

– И да, и нет, – сказала ему Элоиза. – Дело в том, – продолжила она, расправляя постельное белье, – что я хотела бы тебя нарисовать.

Малькольм вяло улыбнулся.

– Элоиза хочет написать твой портрет, – пояснил пианист.

Малькольм кивнул.

– Хорошо, – сказала Элоиза. – Этот портрет практически заказной, понимаешь? Есть у меня такая мысль, что мадам Жерар захочет портрет, когда он будет окончен. Так что мы должны начать немедленно, как только ты допьешь кофе...

– Но сегодня утром мне нужно попасть на скамью, – ответил Малькольм.

– Скамью, – повторила Элоиза. Она лишь мельком слышала об этой части жизни Малькольма. – Нет, нет, мы обо всем договорились с управляющим отеля. Ты переедешь сюда, пока не будет готов твой портрет.

– К пианисту? – Малькольм взглянул на Джорджа Лидса.

– Ну не совсем. То есть, у тебя где-то будет комната, хотя сейчас мой дом переполнен. Окей? Хорошо, поторопись, Малькольм, – распорядилась Элоиза. – Мы не можем терять времени.

– Это ничего? – Малькольм обернулся к пианисту.

Джордж Лидс ответил, зевая:

– Понимаешь, Малькольм, я всегда остаюсь при инструменте. Все остальное, даже такие милые люди, как ты... я за них не особо держусь, не в обиду будь сказано.

Элоиза Брейс выжидающе наблюдала за Малькольмом.

– Элоиза начала его портрет! – говорил мистер Кокс Кермиту, который лежал в свирепой простуде, покрытый одеялами, на диване в своей студии.

– Куда Малькольм не ступит, повсюду распускаются цветы, – хрипло отреагировал Кермит.

Мистер Кокс сделал продолжительную паузу, а затем сказал:

– Ему просто повезло, что он нашел нас.

– Вы, разумеется, имеете в виду, что ему повезло найти *нас*, – Кермит быстро сел в кровати. Его ноздри затрепетали от усилия.

– Давайте не будем спорить, пока вы больны, – ответил мистер Кокс.

– Мне никто не может запретить спорить, – напомнил ему Кермит. – Когда я не смогу спорить, я не смогу жить.

Мистер Кокс собрался отпустить какое-то замечание, – скорее всего, метафизического свойства, – но Кермит опередил его.

– Тем не менее, я не могу дождаться, когда Элоиза Брейс закончит портрет Малькольма.

– Но ваши маленькие острые глазки уже наверное видят эту картину как наяву, – возразил мистер Кокс.

– Нет, мои *маленькие* острые глазки не видят ничего! – Кермит окончательно сел на диване и опустил ноги на пол. Он с шумом натянул на себя котелок, который обычно надевал только, когда работал.

– Все портреты Элоизы в точности похожи на нее саму, рисует она себя или кого-то другого, – напомнил ему мистер Кокс.

– Этот будет другим, – настаивал Кермит.

– Вы будто бы хвалите другого художника, – предостерег мистер Кокс, – должен заметить, это для вас новая полоса.

– Разве я похвалил Элоизу Брейс? Мне это и в голову не пришло бы. Она не умеет рисовать, не умеет писать красками, не умеет даже видеть. Но... – и с этими словами Кермит сбросил все покрывала с постели на пол и твердо встал, – у нее есть свой подход к таким молодым людям, как Малькольм, и подход в этот раз возобладает и породит хорошую картину, возможно, шедевр. Такое часто случается с художниками без таланта – они производят одну прекрасную вещь.

– Этим вы только говорите, что немного неравнодушны к Малькольму, – мистер Кокс покачал головой.

– Я могу сказать, что живу, только чтобы увидеть его законченный портрет, – ответил Кермит.

– То, что Малькольм живет там, мне интереснее портрета, – подчеркнул мистер Кокс.

– Жизнь там наверное туже, чем в борделе, – рассудил Кермит. – Я предполагаю, что бедного мальчика уже затащили в десятки постелей.

– Элоиза немного говорила со мной, почти на эту тему, – начал мистер Кокс. – Она сожалеет, что у Малькольма нет своей комнаты, как в отеле. Она заправляет таким полным домом. Все эти бродячие музыканты уходят и приходят, когда придется, так что Малькольму приходится каждую ночь спать с новым человеком, а иногда – если гостит целая толпа – Элоиза переводит его в другую кровать посреди ночи. Частенько они спят даже не вдвоем, а втроем... Малькольм сказал Элоизе, что это похоже на его путешествие по Чехословакии в войну.

– Хорошо, что отца Малькольма нет в живых, – проговорил Кермит и натянул котелок на глаза.

– Опять вы со своими мещанскими предрассудками, – взорвался мистер Кокс. – Каждому приходится когда-то начинать, вот Малькольм и начинает.

Кермит покачал головой, потом спросил:

– Что Элоиза Брейс сделает с портретом?

– Я думал, вы знаете, – мистер Кокс пропустил мимо ушей его мнимую неосведомленность.

– Что я могу знать, когда я лежу здесь вдовцом? – потребовал Кермит. Он подошел к мольберту, на него оттуда выверился пустой холст. Кермит нанес несколько штрихов, а затем опустил карандаш.

– Все знают, что Элоиза продаст портрет мадам Жерар, – уточнил мистер Кокс.

Кермит кивнул с медленной странной улыбкой на губах.

– О, быть желанным, обожаемым, искомым, – заговорил Кермит. Он вернулся к постели, поднял небольшую склянку с камфорой и принюхался к ней. – Мальчик сходит с летней скамьи, – продолжил лилипут, – и его тотчас угощают вином, приглашают к обеду, возят в собственных лимузинах, *рисуют*, пока я, со всеми своими талантами, воспитанием и обаянием... мистер Кокс, если начистоту: у меня не жизнь, а пепельница.

Мистер Кокс, хмыкнув, поднялся.

– Боюсь, что вы упустили свой шанс, – веско добавил астролог.

– Прежде, чем вы уйдете, – сказал Кермит низким голосом, отведя глаза от мистера Кокса, – ответьте мне на один простой вопрос. У Малькольма вообще есть разум?

– Я отвечу на ваш вопрос другим вопросом. Вы думаете, разум ему нужен? – ответил мистер Кокс. Он уже стоял у двери, ведущей на улицу, и сейчас открыл ее, не сказав лилипуту ни слова на прощание.

– Я без джазовых музыкантов, как рыба без воды, – созналась Элоиза Брейс, работая над портретом Малькольма. – Джазовые музыканты – мой хлеб. Почти всегда были для меня как хлеб.

– А Джером не вмешивается? – заинтересовался Малькольм.

– Дружок, сдвинь подборок немного правее, – попросила Элоиза.

Возвращаясь к его вопросу, она улыбнулась и сказала:

– Джером все обо мне знал, когда женился на мне. Мы оба понимали, на какой риск идем.

Малькольм кивнул, но вернул подбородок на место.

– Ради Джерома я отказалась от богатого мужа, – она прекратила рисовать, наверное, припомнив прежний брак и мужа. – Но никогда об этом не жалела. Мы с Джеромом не то чтоб счастливы. У нас не было ни дня покоя. С первым мужем я была счастлива *снаружи*, понимаешь: ничего, кроме покоя. А с Джеромом... у меня нет ни гроша, ни одной по-настоящему счастливой минуты. Каждый день все беднее. Он не может работать из-за того, кто он такой. И мы только и знаем, что браниться. Но, Малькольм, с Джеромом у меня *жизнь*... Вот я все тебе и рассказываю, – закончила она, прищурившись на портрет. Элоиза была серьезно близорука.

– Когда же вы находите время для брака? – спросил Малькольм и добавил, увидев взгляд Элоизы. – Я про то, что у вас так много джазовых концертов и прочего.

– Брак идет себе и идет, он внутри тебя, Малькольм, – ответила Элоиза. – Концерты начинаются и проходят, и музыканты прибывают и убывают, а настоящий брак продолжается.

Сейчас она рисовала медленно и ритмично, с мягкой улыбкой на губах.

Малькольм громко прочистил горло.

– Я вообще-то беспокоился о Джероме, – наконец произнес мальчик.

– О Джероме? – удивилась Элоиза, положила кисть и взяла взамен другую, поменьше. – Почему кому-то приходит в голову беспокоиться о Джероме? – насупилась она. – Впервые в жизни он в безопасности.

– Так грустно, что он все время вспоминает, что он – бывший зэк, – заметил Малькольм.

– Ну, каждый имеет право на пару воспоминаний, когда подкурится. – Элоиза небрежно пожала плечами. – Брак занял место всей этой старой тюремной беды. Просто он любит вспоминать тюрьму, когда подкурится, вот и все. У взрослых людей долгая память, Малькольм, запомни это.

– Бедный, бедный Джером, – тихо воскликнул Малькольм.

Зазвонил телефон. Элоиза замерла, сидя с мрачным и задумчивым видом. Затем, повернувшись к Малькольму, попросила:

– Будь добр, ответь, а потом приди и скажи мне, кто звонил. Но никому не говори, что я здесь.

Малькольм кивнул, подошел к маленькой подставке, где покоился телефон, и снял трубку.

Он замер, прислушиваясь к каскаду звуков на том конце провода, затем посмотрел на Элоизу широкими глазами и прошептал:

– Угадайте, кто звонит. Мадам Жерар!

Элоиза подняла глаза к потолку.

– Вы будете говорить? – спросил Малькольм Элоизу.

– Не думаю, чтоб в этом вопросе у меня был выбор, – ответила художница. И она приняла трубку из рук Малькольма.

– Я знаю, что вы одиноки, дорогая моя, – говорила Элоиза мадам Жерар по телефону, – но вы *не можете*, не можете приезжать сюда. Нет, нет, нет, моя дорогая, не можете!

– Но у вас находится молодой человек по имени Малькольм, – гремел голос мадам Жерар. – И я желаю отвезти его в свой дом – жить. Нет, я пока не рассматривала усыновление. У нас не совсем тот тип отношений, но, конечно, дело может дойти и до этого.

– Мадам Жерар, – взмолилась Элоиза, – вы знаете, что я пишу его портрет. – Элоиза пожалела, что выдала эти сведения так скоро.

– Тогда я обязана его приобрести сейчас же, – воскликнула мадам Жерар. – Вы слышите? Я уже много лет не была так увлечена молодой особой.

Элоиза знаком приказала Малькольму принести поднос с графином бренди и стаканом, который мальчик доставил ей в одно мгновение.

– Что за гортанные звуки я слышу? – спросила мадам Жерар минуту спустя.

– Я прикладываюсь к бренди, – объяснила ей Элоиза.

– В пол-десятого утра? – подозрительно осведомилась мадам Жерар.

– Телефоны всегда меня будоражат, вы ведь знаете, мадам Жерар. А когда телефонный разговор получается долгим, мне помогает глоток бренди.

– Я *ничего* не знаю о ваших привычках, – парировала мадам Жерар. – Все, что я знаю, это что Малькольм у вас, когда он должен быть у меня, и я должна за ним приехать. Я его нашла и заявляю свои права на него.

– Мадам Жерар, прислушайтесь к голосу разума!

– Почему он должен быть вверен вам, людям неимущим и безродным? – напирала мадам Жерар. – Пусть его возьмет, кто сможет.

– Портрет, – прокричала Элоиза. – Вы забываете, что я пишу его портрет, который вы в один прекрасный день собираетесь приобрести.

– Вы можете переехать в Замок и закончить портрет здесь, – объявила мадам Жерар.

– Не могу и не стану, мадам Жерар, – Элоиза твердо стояла на своем.

– Я только требую своего, – сказала мадам Жерар спокойнее. – Я просто прошу вас передать мне Малькольма. Он больше не сидит на скамье, и у меня на него не меньше прав, чем у других. Мы хотим, чтоб он ехал с нами за город, он нужен мне как личный компаньон. Жерар Жерар, как вы знаете, меня больше не утешает. Мне нужно видеть вокруг юность и свежесть. Я умоляю вас, Элоиза.

– Подумайте, сколько бренди я должна выпить, мадам Жерар, чтобы вынести этот телефонный разговор, – воззвала Элоиза.

– Элоиза, я велю Жерар Жерару прислать вам целый ящик за ваши неприятные труды. Какой, говорите, сорт вы употребляете?

– Ну пожалуйста, вы же знаете, что мы только покупаем дешевое местное.

– Вам сегодня пришлют *Наполеон*, – уверила ее мадам Жерар.

– Пожалуйста, без одолжений, – отвергла предложение Элоиза. – Вы знаете, что Джером думает об одолжениях. И Малькольм, безусловно, останется здесь, пока не окончен портрет.

– Нет, нет, вы должны приехать рисовать его здесь. Я, тем временем, готовлюсь нанести вам визит сейчас же.

– Мы заколотим дверь, мадам Жерар. Ваше состояние и положение не смогут впустить вас в частное жилище.

– Вы отвергаете мою дружбу и мою щедрость, – выкрикнула мадам Жерар. – Вы отвергаете *меня*. Когда я только того и хочу, чтобы *делиться*. Почему, почему *вы* не слышите голос разума?

– Малькольм не будет передан вам. Когда его портрет будет окончен, мы позвоним вам: и не раньше.

– Я вижу, вы хотите, чтобы я применила силу, – сказала мадам Жерар с сожалением.

– Подумайте обо мне. Подумайте о Малькольме, – умоляла теперь Элоиза.

– Подумать о вас. Подумать о нем, – мадам Жерар заклокотала. – Вы бедное невинное существо. Что вы знаете о настоящем страдании? Что, если б ваш муж проводил каждый вечер в постели другой бабы, а потом, возвращаясь, наконец, домой, оставлял время только на то, чтобы вести беседы по трансатлантическим кабелям? Поразмыслите над таким страданием.

– Мадам Жерар, я знаю, у вас трудный брак, но подумайте...

– Подумайте о себе! У вас есть ваши джазмены. У вас есть любящий, хотя и идиотский, муж. У вас есть искусство. Теперь у вас есть Малькольм. У меня нет ничего.

– Мадам Жерар, этот телефон висит на мне как гиря. Из-за него я слишком много пью. Я не привыкла пить так много, как вы, и вы знаете, что мой бренди – не импортный. Я не смогу писать, если вы не повесите трубку, и тогда вы не получите портрета.

– Если вы не дадите мне разрешения по крайней мере приехать к вам домой, я клянусь, что наложу на себя руки, – сообщила мадам Жерар.

– Мадам Жерар, – ответила Элоиза, – самоубийство – это ваше решение. Я не стану отвечать на ваши обычные угрозы.

– Элоиза, – закричала мадам Жерар, – будьте щедры, если не можете быть разумны. Я заплачу вам... сколько хотите.

Элоиза вдруг повесила трубку, не ответив.

– На этот раз она может наложить на себя руки, – сказала Элоиза и глотнула еще бренди. – Но боюсь, что прежде она нанесет нам визит.

Малькольм важно кивнул.

– Что бы ни случилось в ближайшие дни или часы, или даже недели, – продолжила Элоиза и подошла к Малькольму поправить галстук, – не уезжай от нас, ты слышишь? Что бы ни случилось. Ни с кем не уезжай. Твой портрет должен быть окончен, ты слышишь?

МАДАМ ЖЕРАР СПОРИТ С ЭЛОИЗОЙ

В этот момент в комнате появился пианист Джордж Лидс во фраке и объявил Элоизе, что концерт вот-вот начнется на третьем этаже и что настоятельно требуется ее присутствие.

Малькольм собирался заговорить с дружелюбно подмигнувшим ему Джорджем – как непохож он был на мужчину, который причесывал волосы в их общей кровати! – когда Элоиза принялась отдавать мальчику распоряжения. Она оставила мальчика с видимым сожалением, прежде предупредив, чтоб он ни при каких обстоятельствах не покидал комнату, и что она вернется, как только концерт окончится.

Затем Элоиза и пианист вышли из комнаты вместе, и несколько минут спустя печальные упорные звуки контрабаса, саксофона, фортепиано, вибратона и ударных стекли к нему.

Малькольм почувствовал себя совершенно одиноким, еще более одиноким, чем на скамье. Уединенная пустота дома; потолки, высокие, как в замке; ковры, что толсто проминались под ногами; автопортреты Элоизы; изображения негров с бледными глазами; картины странных, не существующих, наверное,

животных, что глазели на него отовсюду: все это на-помнило Малькольму о ранних путешествиях с отцом по странам, чьих имен ему уже не воскресить. Но на этот раз его одиночество было еще безнадежней, потому что он совсем не понимал, что происходило вокруг него. В то же время он чувствовал, что его место – в этом доме, с цветными музыкантами, картинами и еженощной переменной кровати.

Из подвала поднялась кошка, окинула мальчика оценивающим взглядом и поднялась на следующий этаж. Все три этажа в этом доме были обставлены одинаковой мебелью и работами Элоизы. И на все этажи время от времени врываются звуки контрабаса, саксофона и фортепиано.

Во всем доме в любой час стояло предвечерье, ранний вечер на пороге сумерек. Здесь стояла прохлада, словно вечная осень, осень, которой не перейти в зиму из-за поломки в космической машинерии. Здесь так и будет осенне, будет прохладно, но мало-помалу все начнет распадаться, одно за другим: немного оползут вниз стены, покоробятся странные картины, мифические звери немного дальше отведут взгляды, прежде чем неразлично исчезнуть, струны контрабаса ослабнут и опадут, наморщатся и сольются с древесиной инструмента фортепианные клавиши, и прекрасный альт-саксофон съежится фольгой.

Малькольм не знал, как долго он спал, но, проснувшись, вдруг увидел кота, который опять смотрел на него, а позади кота – Кермита.

– Крошка, – воскликнул Малькольм. – Ты сбежал! Кермит рассмеялся, озорно скривив губы.

– Я чуть не превратил тебя в кота, – сказал он Малькольму.

– Садись же, – распорядился Малькольм, словно хозяин дома. – Как ты оказался здесь?

– Дверь была открыта, и я зашел сюда с утренней прогулки, – сообщил Кермит.

– Я не знал, что ты... прогуливаешься, – удивленно ответил Малькольм. – Ты не боишься?

– Чего мне бояться: что собака проглотит? – рассмеялся Кермит, на этот раз с горькой ноткой.

– Я за тебя переживаю, только и всего, – Малькольм был серьезен.

– Так великая художница и джазовая королева сумела сделать тебя настоящим узником?

– Может, и сумела, – признал Малькольм. – А может, я и раньше был таким.

– По мне, ты именно узник, – согласился Кермит. – Но со скамьи попасть в... бордель, назовем его так. Что ж...

Кермит рассмеялся немного сердечней, чем надо, а Малькольм сел, держа руки на коленях.

– Видишь, я здесь персона нон грата, – заметил Кермит, отсмеявшись, – или, проще говоря, Элоиза меня ненавидит. Мне понадобилось немало мужества, чтобы придти сюда.

– Чего ради такой преуспевающей женщине ненавидеть тебя? – удивился Малькольм. Его челюсть отвисла, глаза наполнились любопытством.

– Это старая вражда, – ответил карлик, с удовольствием предвкушая будущий рассказ. – Несколько лет назад... вернее, два года назад, я позвонил ей по телефону. Это для нее орудие пытки. И укрепив себя четырьмя-пятью рюмками, я просто сказал ей: «Элоиза, дорогая, почему вы считаете, что я не достоин приглашения на один из ваших soiree?». От эмоций она потеряла дар речи, как только умеют терять дар речи старые шлюхи в отставке, вроде нее. Пока она была скована собственным безмолвием, я продолжил: «Не качество ли моих картин, которые, по признанию критиков, бесконечно

превосходят ваши, препятствует моему включению в ваш список гостей? А, может быть, в моем пригожем и элегантном присутствии ваша тучность и надутое обаяние станут особенно *отвратительны*?»

– Ты ей это сказал? – Малькольм придвинулся ближе.

– Говорю тебе, я был пьян, – едко ответил Кермит и продолжил с прежним наслаждением, – Она, собственно, тогда же извинилась передо мной, сказала, что меня не приглашали по недосмотру, ненамеренно, и пр. Но унять меня было не так-то легко... – «Кажется, есть одна причина, по которой мое имя не попадает в списки приглашенных». – «О какой еще причине вы говорите?» – прокричала она тогда тонким, дрожащим голосом... – «Ваш муж, дорогая Элоиза, большой охотник до моих поцелуев!»

Малькольм вскочил и прошагал в угол комнаты. Он стоял там бездвижно и немо, как получивший наказание ученик, пока Кермит с закрытыми глазами хохотал над своим анекдотом. Наконец, лилипут понял, что его друг отдалился от него.

– Что ты делаешь в углу? – прокричал Кермит, когда оправился от веселья. – Выходи оттуда.

Малькольм не стронулся с места, и Кермит подошел к нему и взял за руку.

– Карлик не сумел развлечь его королевское высочество? – спросил Кермит суховато и вывел Малькольма из угла.

– Сядь, – теперь крошка командовал Малькольмом, и мальчик повиновался с пресным выражением лица.

– Скажи мне, милое дитя, – произнес карлик. – Ты случайно не девственник?

Гортань Малькольма задвигалась, его голосовые мышцы будто повторяли вопрос Кермита.

– Тебе нарисовать картинку? – лилипут выстрелил в мальчика сердитым взглядом.

– Не совсем, – ответил Малькольм.

– Что не совсем? – раздраженно подхватил Кермит.

– Не совсем... девственник, кажется, – сказал Малькольм, и на его губы вползла беспомощная ухмылка.

– Рассказывай. Ну? Видит Бог, я не настолько стар, чтоб годиться тебе в отцы... Но если тебе не хватает элементарных сведений об этой жизни, я, ради дружбы, всегда найду для тебя минуту.

Малькольм кивнул.

– Со сколькими девочками ты был в кровати? – допрашивал карлик.

– Девочки? – Малькольм сглотнул.

– Мы говорим про девочек, – продолжил карлик.

– Понимаешь, мой отец... – начал Малькольм.

– Так и думал, что все этим кончится, – ответил Кермит.

Затем он подошел к Малькольму, встряхнул его и сказал:

– Теперь слушай меня, слушай... – но тут тяжелый звук шагов заставил их обоих обернуться.

– *Petit monstre!* – завопила Элоиза Брейс Кермиту, входя в комнату. – Сейчас же уберите руки от Малькольма.

– Я его ласкаю, дура, – ответил Кермит художнице.

– Прошу прощения, – сказала Элоиза быстро и раскаянно. Видимо, она осознала, какой опасностью грозит ей вражда с Кермитом. – Я не хотела так резко... Сегодня такой нервный день.

Она коротко всхлипнула, но тут же взяла себя в руки.

– Я не хочу быть вам врагом, Кермит, – продолжила Элоиза. – Хотя боюсь, что вы мне враг.

– Я смогу обсудить это гораздо лучше, если нам предложат что-нибудь освежающее и, одновременно, алкогольное. Что-нибудь припасенное для одной из здешних вечеринок, которые я вечно пропускаю.

– Кермит, прошу вас, – Элоиза на мгновение показала характер. Затем, бросив короткий взгляд на Малькольма, она поднялась и заявила, что принесет Кермиту выпивку.

– Я всегда слышал от тех, кого приглашают на ваши вечеринки, – задержал ее Кермит, – что у вас подают прекрасный испанский бренди. А сегодня, дорогая Элоиза?

Элоиза Брейс закрыла лицо правой рукой и вздохнула:

– Так со мной всегда бывает. У меня нет испанского бренди, Кермит, сегодня нет. Пожалуйста, *пожалуйста*, поверьте мне и примите что-нибудь взамен.

– Что же взамен? – осведомился лилипут и поднес указательный палец к виску таким жестом, словно ждал очень важного ответа.

– У меня есть чудесное красное калифорнийское вино, – воскликнула Элоиза с энтузиазмом, немного громче, чем нужно. – Мы с Джеромом недавно его открыли и пьем без удержу.

– Но вы припасли пару глотков для маленьких посетителей, вроде меня? – осведомился Кермит, сощурился глаза.

– Примите все гостеприимство, какое я могу вам предложить, – взмолилась к нему Элоиза.

– Я знаю, Элоиза, что в вашем доме есть вина потоньше, чем ваш калифорнийский эрзац, хотя возможно Джерома он и устраивает, ведь он столько лет обходился вообще без вина...

Элоиза попыталась прервать карлика, но он повелительно хлопнул в ладоши и продолжил:

– Но, поскольку я – особа разумная, и поскольку это мой первый визит в дом, где мне так долго отказывали в приеме, я приму то, что, прямо скажем, в серьезных домах предлагают разве что прислуге.

– Кермит, – начала Элоиза, и Малькольм только сейчас заметил, что на ней вечернее платье, сильно разорванное сзади, – Кермит, давайте не портить этот вечер. Хотя бы ради Малькольма. Он не должен видеть нас такими; это пристало только взрослым.

Кермит готовил ответ, но Элоиза провозгласила довольным голосом:

– А теперь ваше вино, – и вышла из комнаты.

– Она не спросила, чего я хочу! – произнес Малькольм отсутствующе, будто спросонья.

– Что за идея, так вваливаться к нам, без стука, без приветствия, без ничего? И еще в этом смехотворном старом порванном платье, – издевался Кермит. – И как раз, когда ты хотел рассказать мне что-то важное о себе, Малькольм.

– Я? – Малькольм удивленно ткнул себя в грудь.

– Скажи мне, что ты собирался рассказать? – потребовал Кермит.

Малькольм замялся. С тех пор случилось так много, так много. Ему становилось все труднее запоминать, что происходило и когда, не говоря уже о вещах мало-важных, вроде того, что он собирался сказать несколько минут назад.

Он все еще заикался, когда Элоиза вошла в комнату с подносом, на котором стояли три бокала и бутылка красного вина без этикетки.

– Вы простите меня, Кермит, мои руки слишком дрожат, чтобы я могла налить всем вина, – сказала Элоиза. – Малькольм, – она повернулась к мальчику, – не нальешь ли каждому вина из этой бутылки, okay?

– Прежде всего, у вас есть для меня фартук? – спросил Малькольм, с волнением оглядывая свой костюм.

Элоиза и Кермит обменялись взглядами.

– Я всем налью, что бы там ни было в бутылке, – вмешался Кермит с надменным презрением и к Малькольму, и к Элоизе.

– Нет, нет, тогда уж налью я, – ответила Элоиза. – Мои руки больше не дрожат.

– Но Элоиза, дорогая, – заверил ее Малькольм, – я бы с удовольствием налил, но все бармены носят фартук, вот я и спросил...

– Молчать! – заорала Элоиза. – Я больше не потерплю ни единого слова, слышите? Я налью, – она прорычала обоим.

И, дрожа, она в страшной спешке наполнила три стакана красным вином.

– За всех нас! – воскликнула она с большой живостью и подняла бокал.

– За Жерар Жерара! – громко провозгласил Малькольм, но не получил ответа ни от Кермита, ни от Элоизы Брейс.

– Все время, пока я была наверху на джазовой репетиции, – проговорила Элоиза, – я не могла совладать с нервами. Я ощущала – наверное, из-за того, что Малькольм здесь – что скоро произойдет нечто ужасное. Я едва дождалась момента, чтобы придти сюда и убедиться, что все в порядке.

– Будьте довольны тем, что ведете такую жизнь, – ответил Кермит Элоизе. – Принимайте опасности как часть жизненного риска.

– Хватит вам, – отозвалась Элоиза. Впервые за весь вечер она выглядела счастливой.

– Мне не хватает, – парировал Кермит. – Вы пережили почти все, разве только в бою не были под огнем:

замужества, музыканты, искусство, любовь, весь блеск и возбуждение, какие доступны художникам...

– Не травите душу, – Элоиза опять забрюзжала.

– Нет, я говорю от чистого сердца, – заверил ее Кермит. – Вы заслужили свое окружение, и вы заслужили свое положение. Вы покорили то, куда женщины раньше и не ступали.

– Так и знала! – беспомощно проговорила Элоиза. – Вы издеваетесь надо мной.

– Вы изобрели современный джаз, не отрицайте, – лилипут подошел к креслу Элоизы.

– А ваш брак с Джеромом! – продолжил Кермит. – Разве это не брак века?

– Кермит, не трогайте наш брак. Если вы скажете еще слово... – и Элоиза произвела яростный жест. – Я не могу слышать, не могу слышать даже комплименты по поводу моего брака. И без того мой брак слишком близок к...

– Слишком близок к чему? – пророкотал глубокий женский голос около двери.

На глазах у всех мадам Жерар вышла в центр комнаты с зонтиком от солнца в руках.

Закрыв глаза и ласково подняв зонтик, она сказала:

– Все будут молчать, пока я не подам знака.

Мадам Жерар прочистила горло. Ей не пришлось дожидаться тишины: тишина, глубочайшая, установилась и так.

Теперь она обращалась к слушателям:

– Я пришла сюда за тем, что мое по праву. Мое требование – разумно. Я – разумная женщина. Прошу не прерывать! – мадам Жерар обернулась к Малькольму, который, собственно, поднялся ради того, чтобы лучше слышать ее, но она расценила движение мальчика как попытку вмешаться.

– Сядьте, – приказала Малькольму мадам Жерар *sotto voce*.

Она продолжила, закрыв глаза:

– Почему весь мир знает изобилие, счастье, домашние радости, любовь, когда я ко всему этому не допущена, лишена женского, человеческого места в этой жизни; когда все мои уловки обращаются против меня; когда я оседлана, – здесь она отворила глаза, резко и прямо направила взгляд на поднос с винной бутылкой и закрыла глаза снова, – *оседлана* мужем, который не ведает, жива я или нет, а интересуется – да, *милейшая* Элоиза, я чувствую, что вы качаете головой, прекратите! – а интересуется этим еще меньше?

– Мадам Жерар, – ухитрилась вставить Элоиза.

– Я велела молчать, – мадам Жерар коротко обратилась к Элоизе. – Я знаю, что вы дама с талантом, возможно, с гением, но ваши слова, ваши советы, все, что вы ни предложите сегодня, в моих глазах не ценнее вчерашней воды для мытья...

Кермит вжался в кресло. Его недавняя бравада испарилась совершенно. Он остекленело смотрел на даму, которую так давно страшился встретить, но покуда она держала глаза закрытыми, он смотрел на нее безнаказанно.

Малькольм принял сонный вид, а Элоиза, ослабленная дневной долей бренди, вина, страха и смятения, принялась тихо хныкать.

– Глупцы называли меня *неразумной*, – продолжала мадам Жерар. Ее ресницы все еще были плотно сомкнуты; она дрожала как медиум при виде духа, которого не мечтала поймать. – Я – разумнейшая из женщин, добрейшая, щедрейшая, готовая отдать всю свою любовь. Да, всю!

С этими словами мадам Жерар широко распахнула глаза и, когда ее взгляд упал на Элоизу, та вскрикнула:

– Остановите ее кто-нибудь, остановите!

Мадам Жерар закрыла глаза опять, но, передумав, открыла их и сказала:

– Леди, вы будете молчать, пока я произношу речь. Ради чего я здесь, по-вашему, если не ради того, чтобы заставить вас прислушаться к разуму! следовать разуму! видеть разум!

– Разум! – прокричала Элоиза. – Ради всего святого, почему этот дом не обрушится на нас, когда здесь произносятся такие слова.

Кермит поднес Элоизе ее бокал с вином, который, при появлении мадам Жерар, Элоиза поставила на пол и забыла.

– Меня оклеветали, – продолжила мадам Жерар. Она подняла зонтик несколько неосмотрительно, и его острие подцепило одно из совиных чучел, которое покоилось на плаще. Чучело слетело на ковер, где внезапно разобралось на кучку пыли и перьев.

– Не трогать, – предупредила мадам Жерар, увидев движение со стороны Элоизы. – Ущерб будет вам возмещен – тройне!

– Вернемся, – сказала она. – Я *оклеветана*, не только этим сатиром, Жерар Жераром, который делит время жизни между страстью к деньгам и похотью к молоденьким служанкам...

– Нет, нет, мадам Жерар, вы клеветаете на него, – воскликнул Малькольм, поднимаясь.

– Вы способны следить за тем, чтобы незрелые эфебы сидели молча, или мне позвать кого-то, кто сделает это за вас? – мадам Жерар перевела гнев на Элоизу Брейс. Она собралась продолжить, но ее вниманием завладел крайний ужас, написанный на лице лилипута.

Она быстро прогуляла зонтик до угла, где подобострастно сидел Кермит. Как потом описывала мадам

Жерар, карлик смотрел на нее как кинкажу на Луну. Мадам Жерар изучала его минуту, а затем, склонившись над его ртом, нанесла ему громкий поцелуй.

Она немедленно вернулась в центр комнаты, чтобы продолжить речь.

Но Кермит, касаясь губ рукой, воскликнул:

– Значит, я освящен.

– Всего только признаны, не освящены, – уведомила его мадам Жерар, говоря в сторону.

– Мадам Жерар, мой дорогой друг, – выговорила Элоиза из последних сил и, поднявшись, взяла ее за руку, – вы должны подняться наверх и прилечь. Я вызову вашего мужа. Вам будет очень дурно, если вы не слушаете меня сейчас.

– Идите прочь, дражайшая, – посоветовала мадам Жерар Элоизе, – вы вечно *de trop*. Я прежде всего обращалась к *ним*, – и она указала на двоих мужчин. – Вы же, с другой стороны, должны идти работать, рисовать, показывать миру свой гений, а не появляться на публике. Вы слишком уродливы, чтобы появляться на публике, даже такой маленькой, как эта. Пусть мир услаждает взор молодыми красавцами, вроде них, – и она простерла руки к Малькольму и Кермиту, – а обыденные гении, вроде вас, пусть запрутся в мастерских. В мастерскую, гений! В мастерскую!

– Разве вы не видите, милая, – Элоиза все еще держала мадам Жерар за руку, – вы накликаете *crise*.

– Тогда идите в постель, дражайшая. Я свежа как ромашка. Кто не будет свеж в такой компании?

– Из-за вас моя голова раскалывается от боли, – пожаловалась Элоиза.

– Тогда в мастерскую. Работа – действенное средство от головной боли. Вы знаете об этом. Ах, какой вы *были* красивой, – мягко рассуждала мадам Жерар,

глядя Элоизе прямо в лицо. – Какой вы были красивой до вашего второго брака. Ваши волосы были как зрелая пшеница, нет, не отрицайте. Наслаждение для глаза и для руки. А сейчас, посмотрите на них. Посмотрите на себя. Вы позволили этому взломщику замарать вас, опростить вас, вот что! Даже ваша речь утратила благородство, эти океи льются дребезжащим потоком. У вас брюшко, от выпивки. Как мое сердце болело за вас, Элоиза, не скрою. Но мои чувства к вам не должны препятствовать моему же совету, который мудр и верен: покиньте эту комнату! Идите к своей работе! Вы не пригодны ни для чего, кроме труда. Оставьте мне этих прекрасных молодых людей. Вы думали, что я приехала смотреть на вас? Никогда! Идите! Уходите! Мы в вас больше не нуждаемся, правда, милашки?

Малькольм и Кермит оба таращились на мадам Жерар, слишком увлеченные услышанным, чтобы ответить ей хотя бы кивком.

Элоиза заходила по комнате, плача и отпивая прямо из бутылки.

– Эта женщина называет себя моим другом, – слабо промолвила Элоиза.

– Дружбы здесь нет, – ответила мадам Жерар. – Вы запятнали дружбу со мной, когда вышли за этого сидельца. Если б вы обо мне заботились, то никогда не пошли бы на этот брак. Я сегодня здесь, что отдать дань двум молодым людям, и я заклинаю вас в последний раз покинуть комнату. Я умоляю и требую.

– Вы мне не оставляете выбора, – сказала Элоиза Брейс с великим самообладанием и поставила бутылку.

– Какого еще выбора? – спросила мадам Жерар с легким опасением в голосе.

– Я собираюсь вызвать Жерар Жерара, – предупредила ее Элоиза.

– Он в Айове, делает четыре миллиона долларов.

– Тогда я вызову полицию, – сказала Элоиза не своим голосом.

– Полицию, тоже мне! – фыркнула мадам Жерар и подошла к столу, где стоял более чем наполовину полный винный бокал Малькольма. Она осушила бокал одним глотком. – Они вызывали ко мне полицию тысячи раз, – обрадовала она всех. – Вы думаете, они *посмеют* забрать меня? Зная, кто я такая? Никогда. А сказать вам, почему они не посмеют забрать меня? – она оглядела всех в комнате. Все, замерев, ждали каждого ее слова. – Конечно, вы не догадываетесь, почему! Откуда вам. Они не заберут меня, потому что я *знаю* все! И они видят это знание на моем лице! По этой причине они не тронут меня, даже если их вызвать...

Сказав это, мадам Жерар немедленно подошла к Малькольму и начала целовать его в виски, перемещаясь от одного к другому в быстром порядке.

– Ради тебя одного, – объясняла мадам Жерар, – я проделала эту сложную поездку, я приехала увидеть твоё прекрасное лицо... живое *и* написанное маслом...

Мадам Жерар внезапно осеклась, будто услышав сигнал к началу.

– Где портрет, вы, мошенница? – обратилась она к Элоизе.

– Малькольм! Кермит! – свирепо ответила Элоиза, – мы должны ее связать, или она начнет все крушить.

– *Они* вам не помогут, – набросилась мадам Жерар на Элоизу.

– Держите ее, – приказала Элоиза мальчикам.

Ни один из молодых людей не пошевелился.

– Видите? – захохотала мадам Жерар. – Вы ничего не можете сделать. Зовите вашу полицию.

Все же мадам Жерар забыла об одном свойстве Элоизы Брейс: о ее атлетической удали.

Элоиза закрыла глаза и собралась для предельного усилия. Тем временем мадам Жерар, уже покачиваясь на ногах, безумно хохотала над своей воображаемой победой.

– Я не уйду никогда, – прокричала она, как вдруг Элоиза Брейс, поразительно похожая на вернувшегося на ринг боксера, приблизилась к великой женщине и провела два удара: могучий левый, а потом правый в подбородок. Мадам Жерар заколебалась, молча упала на пол с печальной улыбкой на устах, и улеглась там в позе каменной принцессы, спящей во все века.

– Поднимите ее и несите в восточную комнату, – негромко скомандовала Элоиза мужчинам, и Малькольм с Кермитом поспешили подчиниться ей.

СПИЧ МАДАМ ЖЕРАР

– Но почему я должна покинуть ваш дом, если вы меня любите? – говорила мадам Жерар Джерому Брейсу на следующий день, лежа в самой просторной кровати в доме, куда ее принесли – с большим трудом и дважды уронив по дороге – Малькольм и Кермит.

Мадам Жерар прижимала руку к шишке, которую ей наставила Элоиза, и к глазу, чернейшему из всех, какие Джерому приходилось видеть за всю свою нерядовую карьеру.

Мадам Жерар была горда тем, что Джером оценил ее шишку, но скоро возобновила жалобы на обращение с ней – не столько на «жестокость» Элоизы (напротив, мадам Жерар восхитило дерзкое нападение художницы) – сколько на настойчивое требование Джерома, чтобы она покинула дом.

Мадам Жерар отрицала, что Джером все еще любит ее.

– Мы вас любим, мадам Жерар. Вы даже не знаете, насколько.

– Моя мать говорила мне ту же фразу. Именно она и погубила мою жизнь своей неразборчивой привязанностью.

– Я люблю вас, мадам Жерар, – произнес Джером и взял ее маленькую руку.

– Но все равно велите уйти из этого дома, – она покачала головой.

– Только потому, что мы любим вас.

– Как вы не понимаете, что требуете отказаться от того единственного, чего мне хочется больше всего в жизни, – противилась мадам Жерар.

Джером наблюдал за ней.

– Ведь я сейчас с теми, кого люблю, – продолжила мадам Жерар. – Крошка Кермит, – она внезапно сбилась на детское сюсюканье, – Малькольм, Элоиза, Джордж Лидс и музыканты, и вы такой чудесный. – Она протянула к нему руки, и Джером снова медленно поцеловал ее, на этот раз в волосы.

– Это же не значит, – Джером присел на кровать рядом с ней, – что вы не сможете когда-нибудь навесить нас.

– Значит, – ответила она. – Именно, что значит, и вам это известно.

– Мадам Жерар, немного благоразумия, пожалуйста.

– Я должна остаться, потому что здесь моя любовь.

– Если вы останетесь, то любви убудет и сильно! – предупредил мужчина.

Она метнула быстрый взгляд и прошептала ему на ухо:

– Я буду паинькой, ради вас.

– Вы никогда в жизни не были паинькой, мадам Жерар. Вся ваша жизнь посвящена тому, чтобы вести

себя плохо. И вас любят за это качество: вы не способны быть паинькой.

– Не способна? – спросила она с лукавством и паточкой в голосе.

– НЕ СПОСОБНЫ, – повторил ей Джером.

– Но на этот раз я сумею. Я прикажу себе.

– Мадам Жерар, вспомните, кто ваш собеседник.

– Джером-взломщик, – ответила она, безнадежно оценивая свое положение.

– Как грубо изъясняются люди с положением, – заметил Джером. – Сопереживание встречаешь только среди униженных.

– Я слишком много пережила, чтобы заботиться об утонченности, – сказала она, повернувшись к стене.

– Что я хотел вам сказать, – продолжил Джером, – я видел мужчин и женщин в тюрьме. Я знаю, что обещания еще никого не исправляли. Кроме того, исправляться у вас нет никаких намерений. Вы хотите быть испорченной девчонкой.

– Разве? – она задумалась.

– Это единственная роль, на которую вы сейчас способны.

– Вы имеете в виду, что я ограничена? – мадам Жерар потянулась к одной из бриошей, которые принесли по ее настоянию.

– Подумайте, – толковал Джером, – вы играли эту роль столько лет, сколько были замужем за Жерар Жераром. Он же вас боготворит, или, во всяком случае, боготворил.

– Не надо о том, сколько лет моему браку и каков мой возраст, – предупредила она. – Я знаю, сколько мне лет и не нуждаюсь в летописях.

– Я не имел в виду намекать на ваш возраст. Но вы играли в испорченную девочку очень много лет.

– Джером, – ответила она, критически жуя бриошь, – ваша беда в том, что вы перестали жить и ушли в религию.

Он свысока рассмеялся над ее замечанием.

– В вас произошла, – напирала мадам Жерар, – худшая из перемен. Вы стали реформатором, благодетелем человечества. Вы думаете, что побывали во взломщиках и отсидели срок, и потому держите в руках ключ ко всякому человеку. Вы самый отъявленный проповедник и миссионер, какие только бывают.

– Расскажите мне, какие они.

– Они как будто знают ответ прежде, чем слышали вопрос. Да, да, вы из этих правдолюбивых юнцов, и хотя у вас меда на устах побольше, чем у многих... мне этого не надо, Джером, спасибо, не надо. Вы погубили Элоизу, но не трогайте моей души.

– Мадам Жерар, вы со мной довольно свирепы.

– И не называйте меня полным именем.

– Как же мне к вам обращаться?

– Пока просто обращайтесь ко мне взглядом. Потом я решу, как вам быть.

Джером улыбнулся, и его взгляд скользнул вниз, к свеженакрашенным ногтям на обнаженных ногах мадам Жерар.

– Значит, мы с Элоизой ничего не можем сделать в теперешней ситуации, кроме того, что уже сделали? – спросил он поднимаясь.

– Вы хотите снова вызвать Жерар Жерара или на этот раз только полицию? – полюбопытствовала она.

– Сначала, разумеется, Жерара, а затем, если понадобится, полицию.

– Подумать только, что я говорю с бывшим заключенным, – посетовала мадам Жерар. – Вы тупы и злы, как те чертовы судейские, к которым думаете прибегнуть.

– Мы должны жить своей жизнью, мадам Жерар, – сказал Джером.

– А вы еще говорите о любви, – задумчиво протянула она, смахивая с пальцев крошки от выпечки.

– Между прочим, – добавила она, – бриошь была черствой.

Джером поклонился.

– Вы думаете, мне есть дело, Джером, черствая у вас бриошь или нет? Нисколько.

– Зачем же об этом говорить?

– Мы всё должны говорить. Иначе невозможна ни дружба, ни любовь. Вы сами меня этому учили, и теперь вы «исцелены».

Джером прочистил горло.

– Мы от вас не требуем ничего невозможного, – продолжил Джером в своей *пасторской* манере, которой и он не мог теперь не заметить. – Мы просим вас вернуться в ваш прекрасный дом к своему мужу.

– Знаете, что творится в моем прекрасном доме в эту минуту? – потребовала мадам Жерар, поднимая руку.

Джером подождал, пока она ответит.

– Жерар Жерар сейчас в постели у прачки.

– И вы, конечно, свободны от всякой ответственности за это?

– Наверное, я ответственна за все, – ответила она. – Но зачем идти домой, чтобы увидеть плоды моей безответственности? Я спрашиваю вас, Джером, и на этот раз ответьте мне как старый взломщик, не как мой пастырь.

– Мадам Жерар, – неуверенно заговорил Джером, и его голос безошибочно выдал, что он теряет терпение.

– И не говорите мне, что любите меня, – предостерегла она, – иначе из меня выйдет эта черствая бриошь. – Она поднесла руку к груди.

– Боюсь, у нас не выбора, иначе как принять против вас меры, – сказал он сбивчиво, возможно, цитируя то, что однажды говорили ему.

– Это все?

– Почему вы в нас не верите?

– Почему вы не любите меня настолько, чтоб позволить мне остаться и насладиться моими «красавчиками», Малькольмом и Кермитом, и моим восхищением Элоизой?

– Во-первых, сейчас пишут портрет Малькольма, а вы нарушите весь порядок и покой.

– Я буду нема, как могила, – взмолилась мадам Жерар.

– Вы захотите посмотреть; знаете ведь, что захотите. А потом вы начнете критиковать то, что увидите, или взъерошите волосы Малькольму, или начнете дразнить кошку.

– Я никогда в жизни не дразнила кошек, и я начала воспитывать кошек раньше, чем вы стали задумываться о пути уголовного.

– Мадам Жерар!

Она тихо зарыдала.

– Если б хоть одному человеку было до меня дело, – проговорила она, – но таких нет. Кроме, может быть, мистера Кокса. Он-то слушает все, что я хочу сказать. Он не говорит мне, что любит меня, даже когда велит мне делать что-то нелепое.

– Думаете, мистер Кокс позволил бы вам угощаться бриошью в своей постели? – поинтересовался Джером.

– Мистер Кокс никогда не отказывал мне от дома, – она защитила астролога.

– Только потому, что вы никогда там не были, – ядовито заключил Джером.

– Мистер Кокс дает мне все, что может, и не делает вид, что готов ради меня на многое. Вы, как все

проповедники, делаете вид, что припасли для меня целый мир.

– Вы обвиняете нас в злокозненности?

– Вы говорите больше, чем на самом деле чувствуете.

– Значит, мы лицемеры?

– Вы все говорите о любви гораздо больше, чем обо всем прочем. Особенно вы. Нет, особенно Элоиза, – мадам Жерар задумалась. – Нет, оба вы особенно. Вы профессиональные «любовники», вроде прежних христиан.

– Не надо нас так называть.

– Я не помнила, как ведут себя старомодные христиане, пока не встретила вас. – Мадам Жерар была тверда. – Я видела, конечно, что в вашем ладане мухи плавают, но мне казалось, что просто ваш рассудок немного помутился после тюрьмы. Но теперь я знаю, в чем дело! – воскликнула она триумфально.

– Мадам Жерар, я прошу вас... – закричал Джером.

– Вы – старомодный христианин в поисках паствы.

– Пожалуйста, – вставил покрасневший Джером, – попрошу без вульгарностей и оскорблений.

Мадам Жерар высоко села в кровати и с силой хлопнула его по губам.

– Сядьте, – приказала она. – Я не дам вам представить дело так, будто я потеряла контроль над собой, чтобы вы могли меня избить. Разве в вас не виден садист? Сядьте сейчас же.

Джером сел, лицо его было таким же пунцовым.

– Я видела вас насквозь в тот день, когда Элоиза выходила за вас, – сказала мадам Жерар. – Ваши медоточивые слова, ваша приторная любовь. Под этим медом бьет источник яда.

– Я не стану слушать ваши бредни.

– Такие, как вы, все твердят и твердят про любовь, – мадам Жерар проигнорировала его вмешательство. –

Вы среди них худший. Если б вы любили, вам не пришлось бы об этом талдычить. Держу пари, что стоит мне предложить вам прямо сейчас миллион долларов, как вы выйдете из этой комнаты и оставите Элоизу сидеть на заднице. Как будто я не знаю, почему вы хотите заполучить Малькольма и Кермита.

Джером ответил ей улыбкой с такой терпеливой снисходительностью, с таким непревзойденным превосходством, что мадам Жерар переменялась в лице и снова заплакала.

– Вы не любите никого, – всхлипывала она. – Не любите Элоизу, не любите меня, не любите Малькольма. И вы еще утверждаете, что «исцелились». От чего? Исцелились от всего, кроме болтовни. Вот оно, вот ваше лечение. Исцелились ради себялюбивой проповеднической жизни; исцелились, чтобы чувствовать превосходство над другими людьми, чтоб гордиться, что вы были чертовым взломщиком, а теперь можете сидеть кружком с менее удачливыми обывателями и помыкать ими, потому что у них хватает глупости признаться, что они не знают ответов на все ваши благочестивые вопросы. Да, все-то вы знаете, но дайте срок... – с этими словами мадам Жерар встала в кровати и наставила на Джерома палец с такой суровостью, что улыбка медленно стерлась с его лица.

– Я предсказываю вам: вашему исцелению – конец! Слышите. Вы больше не исцелены. Вас ждет долгий рецидив, и вы выучите урок, который забыли со своих разбойных дней: любовь – это действие, а не приторная болтовня.

– А сейчас, мадам Жерар, – ответил ей Джером, – прошу вас, спуститесь и приготовьтесь уйти, как хорошая девочка. – И он наклонился, чтобы целомудренно поцеловать ее в лоб.

– Снисхождение! Снисхождение, – возопила мадам Жерар. – Последнее орудие!

Жерар Жерар приехал, вызванный пьяной и обезумевшей Элоизой Брейс, и ждал теперь, хмурый, в сером красивом плаще, пока мадам Жерар болезненно спускалась на два лестничных пролета из гостевой комнаты, где только что окончился ее долгий разговор с Джеромом.

Мадам Жерар остановилась на площадке второго пролета, чтобы посмотреть на мужа.

– Вероятно, я оторвала тебя от какого-нибудь *амура* с кухонной прислугой? – мадам Жерар пошла в атаку.

Жерар Жерар едва взглянул на нее, стоя по-прежнему посреди нижней комнаты.

– Мой муж со мной не разговаривает, – заметила мадам Жерар Элоизе Брейс, которая стояла у входа в комнату, скуля и икая.

– Брошенная собственным мужем, изгнанная из дома взломщиком, поколоченная ближайшей подружкой, покинутая моими красавчиками, – она указала рукой в перчатке на каждого по порядку, – кто сможет отрицать, что моя империя – в руинах?

– Мадам Жерар, – выкрикнула Элоиза, пройдя часть пути к ней.

– Стоять! – прошептала мадам Жерар и схватила пучок зелени, свисавший из тяжелой вазы.

– Я отказываюсь вновь слышать о том, как меня любят, – провозгласила мадам Жерар. – Вы все, да, все вы – профессиональные полубовные болтуны. Жерар Жерар, Элоиза, взломщик Джером: все вы говорите о ваших больших, бьющихся, полных любви сердцах. Но при этом вы не можете вынести моего присутствия даже несколько часов. Вы отрываете меня от единственного наслаждения, которое остается моим зрелым годам, – с

этими словами она швырнула зеленым пучком в Жерара Жерара, на которого побег упал легко, как воздух.

– Вы зовете людей забрать меня, когда устаете от моих повторений, когда я раздражаю ваш покой, когда моя тоска выплескивается на вас из бездонной глубины...

– Она дает спич, – простонал Жерар Жерар безнадежным голосом.

– Но сами вы, – мадам Жерар указала на мужа и Элоизу Брейс, – не отказываете себе ни в каком удовольствии. Что бы вы делали, если б меня не было: о ком говорили бы, над кем чувствовали бы превосходство? Какое удовольствие я отняла бы у вас? Воистину, какое удовольствие!

Она немного поплакала, но вскоре глаза ее высохли, и она заговорила довольно беспощадно:

– Без меня ваша жизнь была бы лишена воображения. Хоть вы не можете терпеть меня во плоти, но вами единственно движет мой дух и моя воля. Все ваши жизни зависят от меня.

– Господи помилуй! – воскликнул Жерар.

– Кто украл мой зонтик? – вдруг спросила мадам Жерар низким голосом, как старая актриса, прервавшая репетицию.

– Ваш зонтик здесь, милая, – откликнулась Элоиза, протягивая зонтик с почти неприличной поспешностью.

– Ах, – проворковала мадам Жерар, – так вы и вправду подготовились... Вы не теряли времени и полностью приготовили мое изгнание.

Мадам Жерар вплотную подошла к Элоизе, словно собралась изучить ее как редкий камень. Пока Элоиза обменивалась устрешенными и нерешительными взглядами с Жераром Жераром, мадам Жерар медленно прижала губы ко лбу Элоизы и поцеловала ее еще несколько раз.

Затем, глядя на Элоизу внимательно и критично, мадам Жерар сказала:

– В вас не осталось красоты. Ваша кожа никогда не была особенно приятной, но сейчас она как будто принадлежит женщине без возраста и без юности. Вас подхватили безымянные волны средних лет.

Элоиза тихо всхлипывала.

– Какой муж может испытывать любовь, видя эту кожу? – воззвала мадам Жерар ко всей комнате.

Установилась долгая тишина.

– Отвечайте на мой вопрос, – потребовала мадам Жерар у Элоизы. – Как художник вы обязаны ответить.

Элоиза села на диван рядом с Жераром Жераром и подняла стакан с бренди, оставленный там вчера.

– Какой мужчина увидит любовь или даже женщину в вашем лице? Ответ прост, моя дорогая Элоиза, такого мужчины нет. Вы больше не женщина. Да и художник ли вы? Это мы увидим, когда будет окончен портрет Малькольма. Соединено ли ваше художественное могущество с могуществом женским? Если да, то вы исчерпались, выдохлись, кончились навсегда.

– Мадам Жерар, – прокричала Элоиза с великим страданием, – вы должны уйти немедленно.

Гальванизированный выкриком Элоизы, Жерар Жерар подступил к жене.

– Не трогайте меня, вы оба, – предупредила мадам Жерар. – Я пройду к машине одна и сяду в нее без чьей-либо помощи. Этот дом я, разумеется, покидаю навсегда.

– Нет, нет, – возразила Элоиза, – вы не уйдете, пока не пообещаете вернуться в лучшие дни.

– Элоиза вдруг вспомнила, как мы оба богаты, – мадам Жерар обратилась к мужу. Она поправила шарф на горле.

Элоиза попыталась что-то сказать, но бренди недостаточно смочил ее гортань.

– Сколько стоит портрет? – затребовала мадам Жерар.

– Но он не окончен! И вы еще не видели, как я окончу его! – воскликнула Элоиза.

– Сколько он будет стоить, когда окончите? – поинтересовался Жерар Жерар.

Элоиза задумалась.

– Не будет ли чересчур попросить *пять* тысяч? – наконец осмелилась Элоиза.

– Пять тысяч? – сказала мадам Жерар, ударяя зонтиком об пол. – Пять тысяч – это не моя цена.

Жерар Жерар и Элоиза напряженно ждали ее дальнейших разъяснений.

– Значит, эта цена тебя не устраивает? – спросил Жерар Жерар у жены.

– Я повторяю, пять тысяч – это не та цена, которую я плачу за что бы то ни было, – провозгласила мадам Жерар. – Дай ей десять тысяч или ничего.

– Цена в десять тысяч устроит вас, моя дорогая Элоиза? – осведомился Жерар, глядя на художницу тепло и с симпатией.

– Десять тысяч, – Элоиза задохнулась от удивления, искреннего удивления.

Жерар Жерар уже вынимал чековую книжку.

– Но вы не видели портрет, – слабо проговорила Элоиза. – Что если он вам не понравится?

Тем временем Жерар Жерар с большой скоростью и росчерками выписал чек на договоренную сумму и вручил его художнице.

– Я никогда не платила *пяти* тысяч за то, что я хочу, – мадам Жерар предупредила всех в комнате.

Быстро хлопнув в ладоши, мадам Жерар объявила (возможно, для того, чтобы оборвать теплые взгляды между Жераром Жераром и Элоизой Брейс): «Мы уезжаем».

Быстро подойдя к Элоизе, мадам Жерар влажно поцеловала ее в губы и добавила:

– Несмотря ни на что, вы всегда будете мне дороги, Элоиза.

И мадам Жерар с Жераром Жераром покинули дом, не сказав больше ни слова.

ОТРЕЧЕНИЕ ЭЛОИЗЫ

– *Я обогатилась!* – кричала Элоиза Брейс. – Скажем так, меня уже не назовешь нищей.

Джером, Малькольм и Кермит (из-за суматохи последний все еще оставался в доме Брейсов): все трое подступили к ней, как праздничная делегация, хотя ее заявление было почти таким частным, как монолог, да и вид чека как будто отдалил ее от всякого человеческого общения.

– Десять тысяч монет! – стонала она.

Выделив Кермита, Элоиза Брейс склонилась низко и поцеловала его в голову.

– Вы на вершине карьеры, – хладнокровно заметил Кермит.

– Благодарю вас, – ответила Элоиза. Вся ее обида на коротышку пропала.

– Я – муж богатой дамы, – сказал Джером. Он стал очень бледен. Джером сел на невысокий деревянный стул, который кратко занимал Жерар Жерар в ожидании мадам Жерар.

– Почему ты так побелел? – спросила Элоиза мужа и повернулась взглянуть на лица Малькольма и Кермита, словно искала в них объяснения мужней бледности. Двое молодых людей предъявили розовые ровные лица; из этой пары Малькольм выказывал меньше эмоций. Деньги, в конечном счете, не значили для него ничего

особенного, хотя в последнее время он сильно потратился: скажи Элоиза, что она получила миллион долларов, Малькольм был бы одинаково впечатлен или невпечатлен.

Но Джером знал, что такое деньги, поэтому Элоиза перевела все внимание на него.

– Джером, милый, ты должен объяснить это отношение и эту бледность.

– Правда, должен? – ответил он со странной зловещей горечью в голосе.

– Что на тебя нашло? – Элоиза умоляла. Малькольм увидел, как ее прежнее превосходство, которое он испытал в первую ночь в их доме, сменилось повинованием, почти паникой.

Никто не произнес ни слова. Малькольм начал есть яблоко-делишес: его чавканье заполнило тишину.

Элоиза сперва изучала чек Жерара Жерара, восторгалась подписью и достоинством, а затем подошла к бюро, сняла коробку фиолетового бархата и вложила чек внутрь.

– Я хочу, чтобы ты сказал, – Элоиза внезапно обратилась к Джерому, стоя к нему спиной.

– Что мне сказать? – отвечал Джером отчужденно, так отчужденно, как ей еще не приходилось слышать.

Чавканье Малькольма продолжалось.

– Последние два дня были такими наполненными, – проговорила Элоиза после долгой паузы.

– И закончились для одного из нас богатством, – прокомментировал Джером с упорной сварливостью.

– Для одного из нас? – выкрикнула Элоиза рассеянно и повернулась к мужу. – Что значит *для одного*?

– Ты слышала, что я сказал, для одного. Так и есть, – Джером повысил голос, а потом подскочил и, неожиданно обернувшись к Малькольму, выхватил у него яблоко чуть ли не изо рта и швырнул в камин.

– Ненавижу этих капиталистов Жераров, – воскликнул он.

Элоиза Брейс принялась заламывать руки, а Малькольм смотрел на все с открытым ртом. На его полувысунутом языке лежали непрожеванные куски яблока.

Кермит смотрел из угла, мрачный, как туча.

– Но ты же всегда хотел денег, – увещевала Элоиза. – И они заплатили за картину.

– Не за картину, и ты прекрасно это знаешь, – прогремел Джером.

– Милый мой, – проговорила Элоиза и, подойдя к мужу, положила ему голову на плечо.

Джером грубо стряхнул ее со словами:

– Пойди встань там с мальчиками, не надо изображать чувство.

Элоиза покорно прошла в ту часть комнаты, где размещались мальчики. Малькольм подобрал свое яблоко, обдул его и снова зачавкал. Элоиза не смогла удержаться и прижала палец к его рту как предостережение.

– Мне хотелось бы, чтобы ты все мне объяснил, милый, – Элоиза попыталась умаслить его издалека.

– Почему я должен объяснять то, что прозрачно, – напряженно ответил Джером. – Мадам Жерар невысокого мнения о тебе, как о художнице.

– Но она отдала мне дань, – Элоиза осеклась, она больше не хотела ничего слышать.

– Мне объяснить тебе простыми словами? – прокричал Джером.

– Да, тут потребуются простые слова, – сказала она, минуту подумав.

– Кажется, ты ждешь от меня безжалостности, – подчеркнул Джером.

– Я хочу, чтобы все слова были сказаны, – ответила Элоиза с большей силой, чем раньше.

– Мадам Жерар, как и многие в нашем кругу, ослеплена Малькольмом, – тут Джером указал на мальчика, и Малькольм привстал, легко поклонился и проглотил остатки яблока.

– Но Джером, – взмолилась Элоиза, – ведь это будет картина. Кто бы ни был моделью, важна картина!

– Конечно, картина будет, – продолжил Джером со зловещей лаской.

– Значит, все решено. Все решено, и все в порядке, – Элоиза напирала на мужа.

– Ничего не решено, и ничто между нами уже не будет в порядке, – накричал на нее Джером, сизый от гнева.

– Как все это знакомо и закончено, – промолвил Кермит, вдруг выступив из угла.

– Хоть раз помолчите, Кермит, не участвуйте в этом, – Элоиза повернулась к карлику.

Кермит обнажил зубы в своей привычной сардонической немой улыбке.

– Почему не решено? – Элоиза вернулась к спору с мужем.

– Эти деньги – взятка, и больше ничего. Приняв эти деньги, – Джером надсадно кричал, и слюна его кропила лицо жены, – приняв эти деньги, ты не только провозгласила всему миру, что перестала быть серьезным художником (как мадам Жерар считает и без того); ты дала ей, говоря ее же словами, *carte blanche* заходить в этот дом во всякое время, когда она избежит надзора мужа. И она, вероятно, считает, что купила Малькольма тоже – хотя почем мне знать, может, он так же отвратительно богат, как она и ее бесчестный финансист.

Теперь Малькольм вышел вперед, чтобы что-то сказать, но Элоиза грубо (как ему показалось) оттолкнула его в угол к Кермиту.

– Значит, как обычно, все, что я сделала, все, к чему я стремилась, – это ошибка, – Элоиза подытожила их беседу.

– Я говорю о ситуации. До тебя я еще не дошел, – ответил Джером.

– Но ситуацию создала я. Где твоя честность? Ты делаешь вид, что я ни в чем не повинна?

– Ты приняла деньги на ложных основаниях.

– Что же ты желаешь? Что ты решил в таком случае?

Элоиза покорно протянула руки.

– Может быть только одно решение, – сказал ей Джером.

Элоиза стояла и смотрела на него. Она побелела, как муж. Не дождавшись от него продолжения, она повернулась к нему спиной, подошла к буфету, сняла бутылку с бренди и налила себе щедрую мерку.

– Не пей... сейчас, – попросил ее Джером.

– Я должна выпить, чтобы выслушать, что ты мне скажешь.

– Ты не знаешь, что я тебе собираюсь сказать, – Джером опять рассвирепел.

– В этой комнате нет таких недоумков, чтобы не знать, что же ты мне собираешься сказать.

– Вот, что я хотел сказать тебе, Элоиза... ты пьешь, как мадам Жерар, – ответил ей муж.

– А ты морализируешь больше, чем сам мистер Кокс, – парировала Элоиза.

– Они вспомнили мистера Кокса, – крикнул Малькольм Кермиту.

– Молчать, – Элоиза вновь обернулась к мальчику. – Молчите или выйдите из комнаты.

– Ты можешь держать себя в руках? – проорал Джером, подошел к жене и забрал стакан с бренди из ее рук.

– Значит, ты мне даже не позволишь принять болеутоляющее перед тем, что случится, – проговорила Элоиза.

– Ты не просто предала себя, – сказал Джером, – ты унизила наш брак.

– Да, это я, всегда я низкая, а ты, ты со своими годами страданий, всегда благородный.

Кермит рассмеялся вслух из своего угла, но никто не подумал одернуть его.

– Скажи мне тогда, какой несусветности ты хочешь? – сказала Элоиза мужу задушенным голосом. – Скажи мне или замолчи.

– Элоиза, – произнес Джером ровным твердым голосом, тем же тоном, каким он убеждал мадам Жерар покинуть их дом, – ты прекрасно знаешь, что это *ты* мне все должна сказать.

– Я знала, что ты так и поступишь, – Элоиза сложила руки на груди.

– Я сейчас сяду, – Джером был спокоен, – и буду ждать твоего решения.

– В один прекрасный день я сломаюсь под давлением, и тогда ты кое о чем пожалеешь, – предупредила его Элоиза, но без уверенности. Она вновь подошла к бутылке с бренди и на этот раз отпила прямо из нее.

– Амазонка, попавшая в чужой век, – Кермит громко выкрикнул Малькольму, который, кажется, опять перешел в сонную стадию и был не слишком чуток к происходящему.

– Значит, я должна сказать тебе, что я должна сделать, – повторила Элоиза.

– Я не открою рта, пока не будет принято правильное решение, – Джером был непоколебим.

– Почему моя жизнь всегда должна быть героической? – подхватила Элоиза с рутинной горечью. – Неужели мне нигде нет покоя, нет оазиса в...

Она снова протянула руки к Джерому, но он угрюмо отвернулся.

– Как я могу сказать то, чего ты от меня ждешь? – она вновь воззвала к мужу.

– Ты должна выбрать между мной и богачами. Решение простое, – он нарушил тишину.

– Моя природа сложнее твоего решения, – сказала Элоиза.

– Все же тебе нужно сделать выбор, – предупредил он жену.

– Почему это должно быть так? Почему я должна *видеть* деньги, знать их наслаждение, только чтоб от него отказать?

– Вы что, правда откажетесь от денег? – спросил Малькольм, распахнув глаза посреди полудремы, в которую он было впал.

При этом замечании Элоиза издала стон боли, и Джером дал Малькольму знак молчать.

Но Малькольм зашептался с Кермитом, и Кермит кивнул и мягко рассмеялся.

– У меня еще не было двух таких мучительных дней, – прокричала Элоиза. Она быстро и дико взглянула в направлении мальчиков, а потом, подойдя прямо к бархатной коробочке, вынула из нее чек, который Жерар Жерар подписал с росчерками всего час назад.

Она секунду подержала бумажку перед собой, будто увидела в ней больше, чем обнаружилось поначалу, а затем, разорвав ее целиком прямо перед мужчинами, бросила клочки в рот и начала жевать.

– Элоиза! – крикнул Малькольм, подступив к ней.

Джером поднялся и приказал:

– Оставьте ее. Пусть сделает то, что должна сделать. – Его прежний оскал сменялся сейчас милостивым выражением.

Она проглотила еще один уголок чека, а потом, увидев Джерома так близко, увесисто дала ему в челюсть. Он промолчал, как человек, внимательно изучающий силу удара.

Кермит разразился приступом неудержимого смеха.

– Все вы одна свора! – внезапно выкрикнула Элоиза, глядя на них. – Все вы пидарасы, вот что. Свора пидарасов. Заставляете женщину тащить всю тяжесть, а сами языком молотите. Горите вы! Пидарасы! Пидарасы! – проорала она, плача, и, схватив бутылку с бренди, убежала из комнаты.

ОСТАВЬ МНЕ «МАДАМ ЖЕРАР»

В пору ухаживаний, много лет назад, Жерару Жерару и мадам Жерар часто доводилось сидеть в темном лесу на другой стороне лагуны, что напротив японских Храмов, но и недалеко от скамьи, на которой позже сживал Малькольм. Здесь Жерар Жерар предложил ей выйти за него замуж, и она, разумеется, отказалась.

Прошло еще несколько дней, и осень стряхивала последние листья. Он спросил ее вновь. На этот раз, немо оплакивая свою уходящую молодость, она не смогла ответить, но кивнула довольно энергично для дамы ее темперамента. Жерар Жерар, как настоящий фокусник, уже держал в ладони кольцо. Он больно напялил кольцо ей на палец и тяжело поцеловал ее в губы. (Ловушка открылась и захлопнулась, как она позже говорила мистеру Коксу, и брак заместил все, что ей дорого и привычно.)

– Значит, вы торжествуете, – сказала мадам Жерар своему будущему мужу.

– Мы оба торжествуем, – ответил он с чрезмерной гордостью.

– Что это за торжество? – пораженно воскликнула она. – Что это за победа, которую торжествуют оба?

Тогда-то Жерар Жерар узнал (если не понял этого раньше), что брак с ней будет непрерывным противоборством.

– Должны быть победы и для двоих, – продолжил он, – если есть победы для одного.

– Победа должна быть только моей, – возразила она, – безраздельной. Разделенная, она принадлежит кому-то другому.

Теперь она с удивлением смотрела на кольцо.

Он ждал, пока его не осенит ответ, и шаркал ногами по дубовым листьям, что служили их беседе ковром.

– В торжестве я всегда одинока, – воскликнула она, испуганная переменами, которые подступили к ней со всех сторон, как разломы по льдине.

– Вы больше не беззащитны, не одиноки, вот и все, – Жерар Жерар опять поцеловал ее губы.

– Мои настоящие победы неделимы, – настаивала она. – Никто не понимает моих побед.

– Вы не можете запретить мне радоваться вашим успехам, – ответил Жерар и коснулся пальца, на который он поместил кольцо.

– Я могу запретить вам притворяться, будто вы радуетесь моим успехам, но не стану, – пояснила она. – Я буду щедра.

– Благодарю, – ответил он с кивком.

Они оба встали, и он обнял ее. Она не подала знака, что согласна или что довольна.

– Теперь мы вместе, – проговорил он скорее просительно, чем утвердительно.

Она молчала.

– Могу ли я теперь называть вас мадам Жерар? Вы запрещали мне до тех пор, пока не согласитесь.

Она с усилием отвела его руки вниз и, глядя мимо него, туда, где почти голые деревья стояли над лагуной, сказала:

– Отныне я буду мадам Жерар для всего мира. И никем больше.

Никто с тех пор не называл ее иначе, как этим именем.

Мадам Жерар вспоминала, почти вслух, весь долгий вчерашний день, временами прислушиваясь к фортепианной игре, которой Жерар Жерар развлекал ее. Он сносно играл Скарлатти, чем и успокаивал ее сейчас.

– Скоро ты вернешься к своим адюльтерам, – сказала она ему поверх музыки. – Пока ты обнимаешь прачек и горничных, – она не была уверена, слышит ее муж или нет, – я лишена Малькольма, на которого мне хочется молиться. Все мои любви были такого свойства. Молельного.

Мадам Жерар, никогда не любившая и, возможно, никогда не уважавшая Жерара Жерара, недавно ощутила, что его бесконечная неверность разжигает ее интерес. В последнее время она иногда следовала за ним в такси, разыгрывая внимание и желание. И стоило ей увидеть, как Жерар встречает какую-нибудь женщину и быстро уезжает с ней во второсортный отель, как она чувствовала медленное, отдаленное подобие любви, которая должна была полнокровно прийти к ней в тот давний вечер, когда он надел ей на руку кольцо.

Она обратила внимание на животную мощь, приливающую к его рукам на клавишах.

– Музыка, как и все, чего он касается, – произнесла она вслух, но так чтоб он не слышал, – всего лишь увертюра к его мужскому совершенству.

Но одна мысль, которая приходила к ней на ум и прежде того вечера в лагуне, вернулась к ней сейчас с

таким пернатым проворством, как у отравленной стрелы, которая на этот раз оставит смертельную метку.

Она никогда не любила Жерара Жерара, а Жерар, разумеется, никогда не любил ее как женщину. Он боготворил ее, утоляя свои аппетиты цветущими телами обычных женщин, но (здесь оперенная стрела страшно просвистела у ее уха) его преклонение лишь росло с годами. Покуда она ставила свечи за молодых людей вроде Малькольма, он всегда держал для нее целый освещенный алтарь. Но с этого дня (тут она почувствовала, как яд стрелы поразил ее) он больше не зажжет в ее здравие ни одной свечи. Последняя спичка уже поднесена к последнему фитилю.

Жерар Жерар больше не любил мадам Жерар.

И в течение считанных дней, или часов, или месяцев, он заберет ее титул: она знала это. У нее не будет имени. Ее заменит другая мадам Жерар.

– Стой! – вдруг провизжала она и запустила в него, еще сидящего за фортепиано, подсвечником.

Он ждал, покраснев от какого-то нового чувства. Подсвечник пролетел в нескольких дюймах от него.

– Ты взял неверную ноту, – объяснила она. Они оба знали, что она лжет, хотя он и правда взял неверную ноту.

Он поднялся без слов, и тогда ее потрясенный распад впервые понял, что это наконец произошло.

Он надел пальто, которое носил только по очень важным или коммерческим делам.

– Нет, Жерар, – взмолилась она, и в этот момент оба осознали, что победа навсегда перешла к нему.

– Жерар Жерар! – прокричала она, подойдя к нему.

Теперь он взял ее руки и отвел от себя.

– Не рассчитывай на меня, – произнес эти слова, он задрожал, потрясенный могуществом собственного отлучения.

– В этот раз я убью себя, – сказала она.

– Это, дитя мое, твой выбор. – Он стоял перед ней как камень и не отрывал глубокого пристального взгляда. Она видела, что он стал гранитом, человеком с новым характером, с новой и полной победой.

– Тебе придется смотреть на то, как я лежу разбитая и окровавленная, – угрожала она, но почти беззвучно; она знала, что он уходит из ее жизни совершенно.

– Мадам Жерар, один раз в жизни вы должны прислушаться к голосу разума, – в конце концов, проговорил он и на мгновение, только на мгновение, отбросил свое тяжелое пальто с цветной шелковой подкладкой, украшенной его именем как гербом.

Ее взгляд упал на яркие золотые буквы его имени. Может быть, она в последний раз увидела, как ее личность растапливается в матрицах этих букв.

– Жерар Жерар, – умоляла она, – я собираюсь закончить с собой.

– Помнишь, твои победы должны оставаться твоими, – он припомнил ей лагуну.

– Это было *тогда*, – настаивала она с такой женской страстью, какой он еще не видел.

– И сейчас, – повелительным голосом сказал Жерар.

– Само собой, я наложу на себя руки не для твоего удовольствия, – начала она.

– Вы вольны делать, что хотите и что должны. Когда я уйду отсюда сегодня, я уйду навсегда.

– Но ведь я всегда побеждаю, – она пусто повторила за ним. – Ты не узнаешь меня? – спросила она с новым отчаянием на лице. – Я – мадам Жерар.

Он шагнул вперед, как актер в затагнутой неудачной пьесе, готовящийся произнести речь, с последними слогами которой стремительно упадет занавес.

– Вы больше не мадам Жерар, – сказал он.

Она смотрела на него беззащитно, бессловно, с выражением на лице, какое увидишь у почти всякой женщины, у прачки, уборщицы.

– Вас больше не существует, – сказал он ей.

– Я не... мадам Жерар? – прошептала она.

– Когда я выйду из этого дома, я не вернусь. Я сейчас уйду, чтобы жениться.

– Вы не можете знать брака, – прокричала она. – Я запрещаю вам, вы все равно не знаете, что это такое.

Она неровно засмеялась, подошла к закрытому бюро, открыла дверцу и, обернувшись с мягким вызовом, выудила маленький пистолет.

Он не сделал движения, чтобы остановить ее.

– Я всегда буду мадам Жерар. Ваши приказы не могут уничтожить моей сути.

– Я не отдаю в этом случае никаких приказов, как вы и сами видите, – ответил он ей.

Она посмотрела на пистолет.

– Это вы, милая, перестали быть мадам Жерар. Я к вам не прикоснулся, – наконец заметил он.

– Как я могу перестать быть ей! Разве я не была ей прошлой ночью, когда вы выписали десяти тысячный чек Элоизе Брейс?

– Это была последняя ночь вашего существования, – пояснил он.

Она полунацелила пистолет на него.

– Я развожусь с вами, чтобы жениться на Лорин Рафаэльсон.

Мадам Жерар подняла руку с пистолетом, как человек, готовый приказать целой армии самоистребиться, но затем дала руке упасть, не окончив все сильного жеста. Она воскликнула слабо и без усмешки:

– Жена лилипута.

– Мы нашли друг друга, – сказал он, подобрал пистолет, которому она дала выпасть на пол, и положил на крышку журнального столика.

– Я не позволю вам принижать себя, – начала она. – Вы можете жениться на *ком угодно* другом. Я даже настаиваю, чтобы вы женились на женщине своего класса. Но я не позволю вам... ее.

Внезапно к ней пришла мысль:

– И *она* станет мадам Жерар?

– Именно так, – ответил он.

– Но вам настолько легче сменить ваши имена, чем мне мое, – упрасивала она.

– Вы забываете, кто дал вам ваше имя. И еще вы не понимали, что *все это время*, – сейчас Жерар почти угрожающе подошел к ней, – победу торжествовал я. Я есть победа.

Она согнулась от его слов.

– Вы сейчас торжествуете, – признала она. – Но я погублю вас...

– Как же?

– С помощью одного прекрасного молодого человека.

Он рассмеялся.

– Я – мадам Жерар, – продолжала она. – Целый мир знает меня под этим именем, целому миру не так легко потерять память.

– Мир помнит только то, что ему говорят власть и деньги.

Он говорил с ней так, будто зачитывал какой-то документ.

– И моя власть и деньги постанавливают, что вас не существует.

– Я всегда побеждаю, – повторила она бессвязно.

– Так было в лагуне, в дни, когда я чувствовал к вам странную любовь. Какой странной она была, – засмеялся он.

– Жерар Жерар! Потерпите, пожалуйста. Я могу измениться!

– Времени и удаче есть предел, – сказал он. – Теперь вы в прошлом.

– Без имени, без состояния, – прокричала она.

– Дорогая, – он расписался в воздухе, – вы по-прежнему будете обеспечены. – К его голосу примешалась холодная жалость. – Вы будете жить в достатке, будете широко развлекаться. Сможете видеть своих «красавчиков».

– Но мое имя! – завопила она. – Я повсюду известна как мадам Жерар.

– Это имя будет у вас забрано. Оно *уже* забрано.

– Значит, вы хотите уничтожить мою личность?

– Ваши друзья, ваши молодые люди будут приходить к вам, к той, кто вы есть. Ваша незамутненная победа, как вы ее всегда называли, достигнута. Вы совершенно свободны – разве вы не видите?

– Но мне нужно имя. Это имя – мое.

– Слишком поздно, – проговорил он. – Лорин ждет меня. Нам так много нужно обсудить. И так мало времени на счастье, которое у меня с ней будет.

– Мое имя! Вы не можете забрать его. Возьмите деньги, победу, но оставьте меня мадам Жерар.

– Судьба уже переменялась. Вы говорите, как должна была говорить много лет назад та молодая меланхолическая женщина у лагуны.

– Жерар Жерар, – взмолилась она и упала на колени перед ним.

– Целая неделя мелодрамы, – сказал он утомленно. – Целая жизнь мелодрамы.

Он застегнул пальто.

– Ваши ботинки так прекрасно начищены, – прорыдала она.

Она вдруг поцеловала его ботинки.

– Оставьте меня той, кто я есть, – умоляла она. – Оставьте мне *мадам Жерар*.

Она увидела, как ботинки выступают из ее объятий, а через минуту услышала, как закрылась массивная входная дверь.

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

Ранним-ранним утром Малькольм, крепко спящий в большой кровати с тремя музыкантами, был разбужен Элоизой Брейс.

– Жерар Жерар просит, чтобы ты немедленно приехал увидеться с ним в ботаническом саду, – провозгласила она.

Малькольм медленно открыл глаза и уставился на нее.

Она повторила новости под ворчание и жалобы трех музыкантов, один из которых носил на голове шелковый чулок вместо чепца. Вообще все они улеглись несколько минут назад и только-только успели сладко заснуть.

– Это очень важно для твоего будущего, Малькольм, – продолжила Элоиза Брейс. – Ты ОБЯЗАН поехать к нему.

Малькольм непонимающе смотрел на нее.

– Вспомни, твои деньги расходятся, ты отказался от номера в отеле, а отца из мертвых не вернешь.

– А мой портрет! – воскликнул Малькольм.

– Никакого портрета больше нет, малыш, – веско ответила Элоиза. – Помнишь?

– Вы меня выставляете со всеми пожитками? – закричал мальчик.

– Ради всего святого! – музыкант с шелковым чулком на голове поднялся, разгневанный беспокойством.

– Ш-ш-ш, пойдем сейчас же, Малькольм, – сказала Элоиза. – У тебя нет выбора, окей? Никакого выбора в этом вопросе.

Она потащила его в ванную, где он оделся, а потом вниз, на кухню в подвале. Там она поспешно подала ему кружку кофе с молоком, потом подвела к тротуару и крикнула кэб.

Она поцеловала его на прощанье.

– А скамья и все прочее, – увещевал Малькольм, пока его сажали в кэб. – Кермит... мистер Кокс... и даже Эстель Бланк...

– Ты увидишь их снова, Малькольм, когда ко всем нам придут лучшие дни, – сказала ему Элоиза из-за машинного стекла.

– Прощай и будь удачлив, это тебе понадобится, – прокричала она. – Мы – люди не твоего класса, – повторила она, когда машина тронулась.

Кэб с мальчиком пропал из виду, она вздохнула, и в ее глаза вернулись облегчение и надежда.

– Куда? – спросил шофер, но Малькольм на заднем сиденье стонал от сонливости, смятения и отчаяния, поэтому не ответил.

– Вы что-то сказали? – Малькольм наконец сам обратился к водителю.

Шофер повторил вопрос.

– Кажется, – Малькольм немного подумал, – она сказала, в ботанический сад. Вы не слышали, что сказала эта дама?

– Вроде слышал, сэр, – ответил водитель.

– Я все оставляю позади! – рассказал Малькольм шоферу. – И я совсем не знаю эту часть города... Мой

отель, моя скамья, мистер Кокс, Кермит, Джером, пианист – все позади! – он безутешно плакал.

Жерар Жерар вышел из ворот ботанического сада, услышав приближение кэба, заплатил шоферу и помог Малькольму спуститься с пещеристого заднего сиденья.

Он проводил мальчика в первое отделение теплицы, отданное тропическим растениям.

– Я вызвал тебя, Малькольм, – проговорил Жерар Жерар, – только потому, что я знаю – ты мой друг. Я надеюсь, что и ты считаешь меня своим другом, несмотря на невероятную разницу в возрасте и положении.

Жерар Жерар жестом велел мальчику сесть на каменный стул, единственный, кажется, предмет обстановки в тропическом саду.

– Поэтому я зываю к тебе, Малькольм, – провозгласил Жерар Жерар.

Из-за тяжелого спертого зноя ботанического сада, а, может быть, потрясенный, что жизнь его преломилась, Малькольм не спешил выказать симпатию старшему собеседнику или ответить на его приветственную речь. Мальчик не сказал ничего и, в конце концов, попытавшись подавить зевоту, громко икнул в моховом молчании садов.

– Неужели ты тоже откажешь мне, Малькольм?

Малькольм вперился во впалые круги под глазами Жерара, которые добавляли к его возрасту лет десять. Он выглядел, как прекрасный, но повергнутый ангел.

– Откажу, сэр?

– Малькольм, – без промедлений сказал мужчина, – я оставил мадам Жерар.

– Как оставили? – мальчик снова икнул.

– Мне послать служителя за водой? – спросил Жерар несколько раздраженно.

Малькольм покачал головой.

– Двадцать лет нашей жизни вместе – моей и мадам Жерар – подошли к концу, – внушал мальчику Жерар.

Малькольм кивнул, а затем улыбнулся.

– Малькольм, – промолвил Жерар, искательно заглядывая мальчику в глаза, – понимаешь ли ты, что я тебе говорю? Ты такой обаятельный, – почти пожаловался мужчина. – Но *понимаешь* ли ты, *слышишь* ли ты, *осознаешь* ли ты, что я тебе говорю? О, как ты мне нужен сейчас. Мне кто-то нужен. Я совсем, совсем одинок, – прокричал он.

– Сэр, – начал Малькольм.

– Нет, не говори ничего, – сказал Жерар. – Я это говорю не от гнева, а от отчаяния. Малькольм, ты НЕ понимаешь...

– Я понимаю, сэр, понимаю... я стараюсь!

– Ты не понимаешь, Малькольм, и, может быть, поэтому ты мне нужен больше, чем кто-либо другой. Хотя я собираюсь жениться – и почти сразу же – ты мне нужен, и я хочу, чтобы ты был со мной... Ты не должен достаться мадам Жерар!

Малькольм открыл рот, чтобы ответить, но Жерар заговорил опять:

– Я собираюсь жениться на Лорин Рафаэльсон, Малькольм.

– На Лорин... на женщине лилипута?

Малькольм икнул.

– *На женщине?* – Жерар Жерар покраснел.

– Простите меня, сэр, – сказал Малькольм, – я один только раз видел Лорин, понимаете, и это было за день до того, когда она ушла с японским борцом.

– А... это старая история. Изобретение мистера Кокса.

– Само собой, я знаю только то, что люди мне рассказывают, – сказал Малькольм.

– Малькольм, ты человек моего класса, и ты должен понять один мужской принцип: на женщине не женишься только потому, что она девственница.

Мальчик согласился с рассудительным видом.

– Пойми, Малькольм, с Лорин я буду отцом: от меня пойдут сыновья, которые будут носить мое имя. А с мадам Жерар наше будущее было нашим настоящим, наше будущее было... мадам Жерар! Но ты предпочитаешь мне мадам Жерар, так? – спросил Жерар, пристально глядя в глаза мальчику.

– Нет, – ответил Малькольм задуманным и каким-то старым голосом. – Я предпочитаю вас, Жерар Жерар. Вы были моим любимым адресом. Вот только... я думаю о вас и мадам Жерар вместе, а вы будете порознь... Я еще не знаю, что сказать.

– Видишь, Малькольм, ты должен это знать, мадам Жерар раньше всех выразила желание завладеть тобой. Мои желания, я готов признать, вторичны. Но я привел тебя сюда, чтобы нижайше просить, чтобы ты... выбрал *меня* вместо нее.

– Выбрать для чего, сэр?

– Быть моим... Лорин и моим.

– О, сэр!

– Я буду твоим *отцом*, если необходимо, хотя и знаю, что это нелегко.

– Нет, нет, – мальчик вскочил. – У меня был только один отец, – Малькольм сказал это твердо, сверкая глазами. – Вы, может быть, великий человек, но вы не займете место, которое занимал он, первый и единственный.

– Малькольм, у меня в мыслях не было оскорблять память твоего отца.

– О ваших мыслях никто не спрашивает, – сказал Малькольм. – Вы никого не замените.

– Я неловко выразился, Малькольм. Пожалуйста, подумай еще...

Вдруг звук икоты донесся от собеседника Жерара.

– Если нужно, мы начнем опять, все сначала, – Жерар Жерар ходил взад-вперед у каменного стула.

Малькольм что-то процедил сквозь зубы. Напряжение на его лице было в эту минуту настолько невероятным, что Жерар Жерар вынул из нагрудного кармана платок и осторожно вытер ему лицо.

– Нижайше прошу, Малькольм, – снова заговорил старший собеседник, – подумай над моим предложением.

– Каково же ваше предложение, сэр? – Мальчик был свиреп.

– Приходи жить со мной и моей новой женой, прими все, что мы можем предложить, будь с нами в любви и безопасности. Проси у нас всего, чего хочешь.

– Но у меня все было еще несколько дней назад, – прокричал мальчик. – И вдруг я покинул скамью... почему, уже и вспомнить не могу... и у меня нет ничего.

– Но у тебя есть я, есть мы.

– Я потерял все! – сказал мальчик, и его ярость расщепилась на неожиданное спокойствие и даже умиление.

– Так ты не пойдешь со мной? – спросил Жерар Жерар.

Мальчик покачал головой.

– Ты хочешь идти к мадам Жерар? – поинтересовался мужчина несколько оцепенело.

– Нет, нет, – ответил мальчик.

– Куда же ты собираешься идти? Ты не можешь вернуться в номер. Он сдан... А не будучи, так сказать, на пансионе, и скамья тебе недоступна...

Мальчик заерзал на жестком ложе. Может быть, наконец его положение стало ясно ему, потому что, обернувшись к своему будущему хранителю, он потребовал:

– Вы не могли бы повторить то, что сказали сейчас, Жерар Жерар?

– Я могу повторить все, что ты хочешь, – сказал он. – Но я забыл точные слова.

– Кажется, вы сказали, сэр, что мне некуда вернуться!

– Ах да, разумеется. Понимаешь, у меня на уме свадьба, не говоря об утомительном разводном деле. Конечно, я помню... Дело в том, что отель никогда не примет тебя обратно, как я и говорил...

– Мне запрещено там быть?

– Ну, не запрещено, но этот разорительный период твоей жизни прошел, мой милый мальчик. Как прошли и дни, когда твой отец возвращался домой из долгой деловой поездки и укрывал тебя одеялом. Ты почти взрослый!

– Взрослый? Но что же мне делать?

– Ты, конечно, можешь действовать в одиночку, – здесь Жерар Жерар посмотрел на мальчика с сожалением, смешанным с ужасом, – или можешь пойти со мной и позволить мне открыть тебе все двери.

– Все двери, – повторил Малькольм.

Подойдя к Малькольму в не обычной для себя манере, финансист энергично схватил его за плечи и затряс:

– Ты не можешь жить один!

– Но что если мистер Кокс даст мне еще адресов! – выдавил мальчик, пока его трясли.

– Еще адресов! – воскликнул Жерар, отпустив мальчика. – Знаешь ли, о чем ты говоришь? Очевидно, нет. Так слушай: у мистера Кокса *нет* больше адресов...

– Совсем нет?

– Ни одного. Этой старой уловке конец. Кроме того, как бы он давал тебе адреса, когда ты так дружен со мной? И наконец! – но здесь Жерар остановился из-за панического взгляда на лице мальчика.

Но он все же продолжил, несмотря на выражение Малькольма:

– Наконец, – закончил он, – мистер Кокс едва ли даст тебе новый адрес, поскольку ты *не на скамье*.

– Не на скамье! – завопил мальчик, его глаза осветились пониманием.

– Выбери меня, милый Малькольм. Выбери нас.

– Свадьба, – размышлял мальчик. – Столько всего, столько разного.

– Скажи мне, что ты согласен.

Малькольм кивнул, серьезно улыбаясь.

– Я знал, что ты сдашься, – счастливо выкрикнул Жерар. – Говорю тебе, я все тебе возмещу. И я не буду пытаться занять ничье место. Это был мне урок.

Малькольм снова сел на каменный стул.

– Но у меня нет ни минуты, – сказал ему Жерар Жерар. – Важнейшее дело. Я должен уйти немедленно. Но ты оставайся здесь, Малькольм, потому что я вернусь не позже чем через час и подберу тебя. Не уходи, слышишь? Теперь я нашел тебя, я ни за что не хочу потерять тебя снова, видишь.

– Пожалуйста, не уходите без меня, – Малькольм поднялся. Жерар Жерар никогда не слышал, чтобы этот мальчик говорил с такой силой, хотя голос его сейчас был немного ломким от возраста. – Возьмите меня с собой.

– Совершенно исключено, – осадил его Жерар. – У меня дело крайней важности, и ты будешь только мешать. Остайся здесь, как я сказал, и через час я буду обратно. И мы оба начнем жизнь вместе!

Малькольм улыбнулся.

Двое друзей пожали руки, и через мгновение Жерар Жерар оставил Малькольма с его мыслями и надеждами.

МАЛЬКОЛЬМ ВСТРЕЧАЕТ СОВРЕМЕННОГО

Малькольм ждал в ботаническом саду.

Прошел час, потом два. Он проголодался, но не нашёл места, где мог бы поесть.

Малькольм долго ходил по саду, держа в пределах слышимости каменный стул, где его ожидал найти Жерар.

Потом вечерние тени упали на землю, а от его великого, могущественного друга не было и следа.

В пять часов появился служитель и сообщил мальчику, что ботанический сад скоро закроется.

Малькольм ждал теперь снаружи теплицы, но вскоре другой служитель сообщил ему, что это запрещено, поскольку вся территория сейчас закроется, и мальчик должен выйти за ворота и встать у тротуара рядом с магистралью, если он кого-то дожидается.

– Но Жерар Жерар будет ждать меня здесь! – ответил Малькольм служителю.

Служитель, который сразу узнал произнесенное мальчиком имя, задумался на минуту и сказал:

– Он же никогда не вернется! Это не в его правилах. Тебе лучше было сразу пойти к нему домой.

– У него нет теперь дома, он оставил мадам Жерар.

Служитель прищелкнул языком.

Малькольм шел в направлении тротуара и магистрали. Дойдя до тротуара, он услышал, как ворота ботанического сада закрываются сзади, и звук замка.

Ждущий Малькольм удивился тому, как быстро пришла ночь, и холодный ветер с запада напомнил ему, что лето конец.

– Жерар Жерар, – промычал он горько.

Малькольм облокотился о телефонный столб, покрытый плакатами, которые возвещали о приезде в эти

окрестности восходящей поп-звезды. Наверное, он немного задремал. Потом его разбудил звук просвистевшего рядом мотоцикла. Мотоцикл уже миновал его, но остановился, головокруглительно развернулся вокруг собственной оси и подъехал прямо к Малькольму. Водитель, чернее самого Эстея Бланка или даже Джорджа Лидса, остановился, снял очки-консервы и открыл было рот, чтобы заговорить с Малькольмом, но в последний момент затих и только показал ровные зубы цвета слоновой кости.

Малькольму пришлось взять инициативу и пожелать мотоциклисту доброго вечера.

– Ты из современников? – спросил мотоциклист, не отвечая на приветствие Малькольма.

Малькольм, извинившись, переспросил.

– Если ты современник, давай запрыгивай ко мне, и мы покатаем прямо к Мельбе, а если ты не современник, тоже не особо важно, такой уж у тебя вид.

Малькольм собрался сказать мотоциклисту, что он ждет Жерара Жерара, но, услышав приказ «Залезай!», сел за мотоциклистом и скоро обнаружил, что они стремительным вихрем несутся за город.

Временами поток воздуха доносил от говорящего мотоциклиста имя «Мельба». Но остаток речей увлекался прочь порывами ветра и не достигал его. Малькольм был слишком подавлен и даже озлоблен невозвращением Жерара Жерара, чтобы корить себя за то, что он покинул ботанический сад. Как видно, Жерара Жерара больше волновало предстоящее бракосочетание и настоящий развод, чем Малькольм. Когда мистера Кокса, и адреса, и скамью, и Кермита поглотило прошлое, мальчик был в высшей степени рад, что может вот так уехать с кем-то, кто проявил к нему полное дружеское участие и интерес. Еще от нового водителя исходил

приятнейший запах настурций, и голос его был, может, не такой низкий, как глубокий баритон Эстеля Бланка, но гораздо более теплый и дружелюбный.

После очень быстрой езды, проехав много миль по местности, мелькающей мимо них мягкой расплывчатой массой, мотоциклист стремительно остановил машину у бензозаправки, при которой не было ни работника, ни ясного освещения.

Мотоциклист вынул небольшой фонарик из заднего кармана, другой рукой достал ключ от колонки, отпер ее, налил полный бак и, увидев недоуменный взгляд Малькольма, сказал:

– Эта заправка Мельбы и современников.

Прежде, чем Малькольм успел задать вопрос о Мельбе и современниках, они понеслись дальше.

Еще час езды, и они подъехали к придорожному заведению, которое не показывало ни малейшей иллюминации, ни прочих признаков жизни.

– Если хочешь облегчиться, можешь идти туда, – водитель показал на заросли деревьев позади дома.

Малькольм покачал головой.

– Так ты современник? – мотоциклист с внезапной страстью попросил подтверждения.

Малькольм хотел ответить, но мотоциклист уже отвернулся от него и направился к двери дома со словами:

– Мельба все равно узнает, современник ты или нет.

Они открыли тяжелую входную дверь и вошли в маленькую комнату, где сидели и пили десять-двенадцать человек, а юная женщина пела им со сцены.

– Это Мельба поет, – указал мотоциклист Малькольму.

Мельба кратко прекратила пение, чтобы рассмотреть пришедших. Ее взгляд надолго задержался на

Малькольме, затем – вопрошающе – на мотоциклисте. Наконец, она кивнула последнему и сделала рукой быстрый жест.

– Получилось! – мотоциклист мощно шлепнул Малькольма по щеке и пожал ему руку.

– Еще один современник! – водитель объявил людям, которые вновь расселись слушать Мельбу, когда та вернулась на сцену. Мельба начала петь, некоторые слова относил в ту часть помещения, где стояли Малькольм с мотоциклистом:

*Когда ты прощался, мой черный мальчик,
Я еще не успела сказать «Хелло».*

Малькольм и мотоциклист сели за стол, ожидая, когда Мельба закончит номер, после чего, как Малькольму сообщили, она к ним присоединится и даст несколько указаний, что им делать дальше.

К ним тотчас подошел молодой человек с тугим кушаком и спросил, что бы они хотели заказать.

– У тебя есть предпочтения? – спросил мотоциклист Малькольма и когда тот ответил, что нет, он попросил официанта с кушаком принести им обычного.

– Так хорошо, что я не ошибся, когда вытянул тебя, – сказал мотоциклист Малькольму. – А что, если б там ждал кто-то другой? – Он рассмеялся.

Он выглядел теперь настолько радостней и спокойней, что сказал Малькольму свое имя, Гас.

– А ты кто? – поинтересовался Гас.

– Малькольм, – ответил мальчик.

– Какое необычное имя, – прокомментировал Гас.

Подали напитки, и Гас сказал, что они должны выпить за современников. Оба подняли и опустили бокалы.

Когда ты прощался...

Последние ноты пролились из горла Мельбы, и в шквале аплодисментов она сошла прямо в публику, к столу, где ее ждали Гас и Малькольм.

– Познакомься с современником, – Гас предложил Мельбе с некоторым волнением.

– Конечно, Черныш, конечно, – нетерпеливо подхватила Мельба. – Я узнала его мо-мен-таль-но. Он примерно в моей возрастной категории.

Малькольм пригляделся к Мельбе и с приятным удивлением заметил, что в самом деле она *ненамного* старше его.

Пока Мельба заказывала выпивку у мальчика с кушаком, Гас прошептал Малькольму на ухо:

– У нее денег куры не клюют. Она *страшно* богатая.

– Перестань шептаться, Черныш, – сказала Мельба Гасу. Она взяла Малькольма за руку.

– А что, если б он не был современник, а? – Гас нервно засмеялся, обмениваясь взглядами с Мельбой.

Малькольм хотел спросить, что такое современник, но старая страсть к вопросам вдруг покинула его. Он обнаружил, что его больше не заботит, кто есть кто. Слишком многое случилось, слишком много людей приходило и уходило из его жизни. Почувствовав нежданное тепло и давление Мельбиной руки, он механически поднес ее руку к губам и поцеловал.

– У меня была такая долгая короткая жизнь, – сказал Малькольм. Он хотел, чтобы эта реплика была немой, слышной ему одному, но по случайности слова прозвучали громко и сильно, и Мельба, крайне довольная тем, что он сказал, немедленно подняла за него тост.

– Я пошла бы за тебя, – сказала она Малькольму.

Малькольм опять сжал ей руку.

– Тебе нельзя опять замуж, Мельба, – предупредил ее Гас. – Подумай о...

– Хватит, Черныш, – прервала его Мельба. А когда Гас попытался что-то сказать, она добавила, – Я СКАЗАЛА!

Гас уставился на свой бокал, и Мельба повторила мягче:

– Черныш был моим первым мужем. Мой Номер первый, как мы иногда называем его.

– Мне за это не стыдно, – ответил Гас.

– Я так рада, что он тебя нашел, – Мельба опять повернулась к Малькольму и тепло поцеловала его в губы. – Как ты думаешь, ты найдешь со мной свое счастье?

Малькольм вдруг почувствовал уверенность:

– Да, Мельба, да.

– Ну разве это не прекрасно? – Мельба обернулась к Гасу. – Ты опять дуешься? – попеняла она Гасу.

Не дождавшись отклика, она поставила вопрос.

– Ты на мне женишься, Малькольм?

– Все это так быстро, – возразил Гас. – Подожди до вторника.

– Какой к черту вторник? – она опять накинулась на Гаса. – Я забыла про дни недели со времен Фредди и с тех пор, как ты проделал со мной свои грязные судебные махинации... При чем тут вторник? – пожаловалась Мельба с гневными слезами на глазах.

Мельба опять пожала Малькольму руку.

– Ты – первая настоящая находка Гаса, – объяснила Мельба Малькольму. Губы ее еще немного дрожали. – Я тебе правда нравлюсь? – спросила она Малькольма после паузы, во время которой все они покончили с выпивкой.

– Правда, Мельба, – ответил Малькольм, и это была правда. Потеряв Жерара Жерара, мистера Кокса, Кермита и скамью, он был теперь привязан к Мельбе сильнее, чем к любому другому существу, исключая, конечно, отца.

– Правда, Мельба! – внезапно выкрикнул Малькольм и поцеловал девушку в горло.

– У меня еще никогда не было такого быстрого восхищения, быстрого счастья, – начала говорить Мельба, но, перехватив взгляд Гаса, вновь принялась жаловаться. – Ты завидуешь моему счастью, да? Отвечай, завидуешь? Ты завидуешь этому малюсенькому кусочку счастья в моей ничтожной, жестокой жизни...

– Мельба, детка, чего мне завидовать твоему счастью, – ответил Гас. – Но я не хочу, чтобы ты сейчас торопилась к супружеским отношениям. Подумай, сколько раз ты обжигалась. Подумай о судах, Мельба, детка.

– Он завидует мне, – пояснила Мельба Малькольму.

– Как ты узнал, что он современник? – Мельба подозрительно осведомилась у Гаса, мотнув головой в сторону Малькольма.

– У меня есть *тенденции!* – Гас был несколько возмущен.

– Я думаю, это была... чудесная случайность, и ты не заслужил ни благодарности, ни награды! – прокричала Мельба, и ее накладные ресницы задрожали от бурного дыхания.

Гас поднес к глазам кулаки и сказал, черт побери, она теперь хочет отобрать его награду.

– Ладно, ладно, – извиняющимся тоном сказала она Гасу, – будет тебе награда. Не надо занудствовать о том, чего все равно не докажешь. Ты нашел этого мальчика, и я буду тебе вечно за это благодарна. Вечно.

Она потрепала Малькольма по руке.

– Черт, мы будем так счастливы, – прошептала она. – Я обо всем позабочусь, – и она подмигнула ему всезнающе.

Малькольм издал звук, напоминающий воркование. Он никогда еще не слышал от себя таких звуков, и поэтому испуганно выпрямился.

– Разве он не прекрасный, а, Черныш? – Мельба привлекла внимание Гаса к Малькольму. – Ты заметил, у него три ямочки, когда он улыбается.

Гас опять издал несколько коротких стонов и начал подносить кулаки к глазам, но опустил их на стол по-мужски, с грохотом.

– Это ты прекрасна, Мельба, – отвечал Малькольм. – Из нас двоих... прекрасная *ты!*

– С тех пор, как мне стало двенадцать, мне никто такого не говорил. – Она быстро приложила к щеке платок.

Гас закрыл глаза ладонью.

– Если ты хочешь на мне жениться, милый мой, – сказала Мельба Малькольму, – мы можем попросить Гаса объявить о помолвке. Здесь почти все – современники.

– Мельба, Бога побойся! – Гас прокричал ломким фальцетом.

– Говори нормальным баритоном, когда обращаешься ко мне, – процедила Мельба.

– Малькольм, – Мельба опять повернулась к мальчику, – мне нет дела, современник ты или нет. Конечно, я знаю, что Гас наврал мне про тебя. Но я хочу выйти за тебя, если ты хочешь жениться на мне. Меня проняло... как молния... меня пробило.

– Он же МАЛОЛЕТНИЙ! – проорал Гас обычным своим голосом.

– Не слушай его, – сказала Мельба, постукивая по мрамору стола. – Всегда все можно устроить. Чернышу кажется, что надо вести себя осторожнее, хотя по-настоящему он самый смелый мужчина на свете. За шесть недель брака многое можно узнать о мужчине. Но наш с тобой брак, Малькольм, будет долгий-предолгий, славный мой...

Она наклонилась через стол и поцеловала ее долгим поцелуем.

– Дыхание – как свежее сено, – отметила она.

Она покачала головой, на глазах вновь проступили слезы.

– Я думаю, Черныш должен объявить о нашей помолвке или браке, – сказала она *sotto voce* Малькольму. – У меня сегодня еще несколько номеров.

Место Мельбы на сцене занимало какое-то трио, пока она разговаривала с Малькольмом и Гасом, но ей уже подали сигнал продолжить свою часть программы.

– Я думаю, нужно объявить о нашей помолвке, – сказала Мельба Гасу.

– Милый мальчик, ты любишь меня, и ты хочешь жениться на мне? Скажи мне, пока они не сообщили о помолвке по мегафону, – взволновано спросила Мельба Малькольма.

– Да, Мельба! – ответил мальчик.

– Ох, Черныш, – Мельба обернулась к Гасу, – я никогда не забуду, что ты привел мне Малькольма. Не дай мне забыть о величайшей услуге, которую ты мне оказал...

Однако увидев, что Гас не встал из-за стола, Мельба опять страшно рассердилась.

– Ты не слышал, что я тебе сказала? – приказала она мотоциклисту. – Ты объявишь о нашей помолвке и/или браке. Будь добр, не тяни. Трио отыграло свой последний номер несколько минут назад... Я уже почти выхожу!

Гас медленно поднялся, распахнул свою кожаную куртку, так что показалась подвешенная столетняя цепочка от часов, и прочистил глотку: его потрясающий глубокий голос сообщил целой комнате современников о будущей женитьбе Малькольма и Мельбы.

– В следующий вторник! – известила комнату Мельба, поднявшись.

Из-за того ли, что он выпил больше обычного, а, может быть, потому что он так долго ждал на ногах в

ботаническом саду, Малькольму было крайне тяжело встать. Но с помощью Мельбы и Гаса он наконец поднялся и принял аплодисменты и признание публики. Потом они с Мельбой поцеловались на глазах у всех.

– Эта история будет серьезная и долгая, – со слезами на глазах сказала Мельба публике.

Малькольм опять сел за стол с Гасом, а Мельба поднялась к микрофону и снова пропела три номера, включая тот, который, по словам Гаса, принес ей международную известность.

*Мне так жарко в кресле,
Прохладно так на песке!*

В конце последнего номера Мельба заторопилась к столику Малькольма и Гаса, необычайно небрежно отреагировав на аплодисменты. Она страстно поцеловала Малькольма, впрочем, с несколько большей сдержанностью, чем прежде.

– Мой единственный, – сказала она Малькольму и протянула ему свернутые трубкой банкноты, – теперь, когда наш брак – это только вопрос времени, я хочу раскрыть все карты. Мы можем вступить в отношения прямо сейчас, во все отношения, какие только бывают... мы так сделали с Чернышем много лет назад, а потом с Фредди, но, как я недавно сказала современникам, я хочу, чтобы этот брак длился долго. Все будет по-настоящему, – и она поднесла салфетку к глазам. – У меня все теперь по-настоящему, Черныш, – плача, она обернулась к мотоциклисту. – Молния... иначе не скажешь.

Когда Мельба овладела своим голосом, она продолжила:

– Черныш о тебе позаботится. Он будет тебе как отец... Не перебивай меня! – предупредила она Малькольма, когда он попытался громогласно вмешаться. – Через минуту мне нужно петь еще один номер: все из-за

этих гигантских аплодисментов. Я только хочу сказать, что прошу Гаса хорошенько о тебе позаботиться. Вторник придет раньше, чем мы успеем опомниться, но до тех пор мы не должны встречаться...

Поцеловав Малькольма в губы в последний раз, Мельба быстро обернулась к Гасу, вручила ему небольшой пухлый пакет и прошептала:

– Пока вас не будет, сделай так, чтоб он немного повзрослел, – и, не сказав больше ни слова, прошла к маленькой двери с надписью АДМИНИСТРАЦИЯ, открыла ее и исчезла.

«ДВОРЕЦ ТАТУ»

– Как, к чертям собачьим, я тебя повзрослею до вторника? – осведомился Гас у Малькольма, когда они опять отъезжали на мотоцикле, на этот раз в обратном направлении, к городу. – Ты ублюдок без матери.

– У меня пропал отец! – Малькольм прокричал Гасу сквозь ветер, но тот не подал вида, что расслышал мальчика.

– Ты хоть знаешь, какую честь заслужил? – спросил Гас, поворачиваясь назад, к Малькольму. – Жениться на ней!

– Кажется, знаю, – прокричал Малькольм Гасу в ухо.

– Она круче всех сегодня, и всегда будет круче всех.

Из-за разгоряченной беседы Гас забыл остановиться на особой заправке для современников и наполнить бак. В результате его просчета опустошенный мотоцикл заглох у края города.

– Вот до чего доводят отвлечения, – капризно пожаловался Гас. – Слезай, пошли искать заправку.

Они медленно двинулись к розовому свечению города.

– Запомни, у нас время до вторника, – повторял Гас, – всего только до вторника.

– А свадьба будет большая, сэр? – спросил Малькольм.

Гас остановился и посмотрел на него.

– С чего это ты меня назвал сэр, если ты современник? Это ты в другой общине такой код подхватил?

Гас остановился как вкопанный.

– С чего это ты меня так назвал, Малькольм? – Он немного смягчился, когда вплотную изучил лицо мальчика.

– Да, так положено, – объяснил Малькольм, воображая, что его слова прозвучат как речь современника.

– Не надо! – предупредил его Гас, – Не надо меня сэрить.

Не сказав больше ни слова, Гас сел на бордюры и начал издавать звуки, которые очень походили на всхлипы.

– Не могу забыть эту суку гребаную! – сказал он.

– Кого? – Малькольм стал утешать его и положил руку Гасу на рукав.

– Кого, он спрашивает, кого? – и голос Гаса опять сорвался в фальцет. – Он меня спрашивает, кого, – Гас покачал головой, словно говорил со своими ботинками. – Мельба у меня в крови, – вздохнул он. – Это вроде малярии, ничего с ней не сделать...

Гас начал понемногу остывать. Потом, медленно поднимаясь, он сказал:

– Пойдем, Малько, надо и это перенести. Я б себе правую руку отрезал за нее, и я ей сделаю из тебя мужа или лопну... Ты мне теперь во всем доверяй.

Малькольм кивнул.

Пройдя еще несколько кварталов, Гас сказал, что он не большой ходок и опять хочет отдохнуть, и они сели на бордюры.

– Посмотри на эти деньги, мне их Мельба дала, чтоб тебя взрослить, – сказал Гас, вытягивая сверток банкнот. – Вот эта купюра у моего большого пальца, это тысяча долларов.

Малькольм мельком взглянул на купюру.

– Ты не впечатлен, – заметил мотоциклист. – Надеюсь, она не потратится впустую на эту свадьбу с тобой.

Немного дальше по улице, переливаясь и жонглируя огнями как в ярко освещенном калейдоскопе, сверкал знак:

РОБИНОЛТЕ – «ДВОРЕЦ ТАТУ»

Малькольм прочел слова.

– В таком месте точно повзрослеешь, – иронично сказал Гас.

Малькольм провозгласил:

– У моего отца была татуировка, и он часто говорил мне, – в горячке мальчик попал слюной в лицо Гасу, за что немедленно извинился, – отец говорил мне: однажды, сын, и ты сделаешь татуировку.

Гас отвернулся с отвращением и усталостью.

– У вас, кстати, нет татуировок? – спросил Малькольм скорее для того, чтобы прервать давящую тишину, чем ради ответа.

Гас посмотрел на него с сожалением.

– Всю мою жизнь женщины восхищались моей грудью, руками и вообще всем телом, – начал Гас. – Зачем мне тыкать их иглками или нарушать картинками?

– Ну уж одна-две татуировки для свадьбы дело... ну, *обычное*, – выступил Малькольм, сглотнув. Он удивленно подумал, где он мог слышать то, что сейчас сказал.

Гас немедленно ответил:

– Но я был женат! Три раза!

– Сделайте татуировку вместе со мной, – предложил Малькольм, не зная, что подтолкнуло его произнести эти слова.

– Знаешь, какой ты? – спросил Гас со странным добродушием и теплом. – Ты убедительный, вот какой.

– Так вы согласны? – прокричал Малькольм с растущим энтузиазмом.

– Если уж нам заводить наколки, – ответил Гас, расстегивая куртку, чтобы достать свои часы девятнадцатого века и узнать, который час, – если заводить татуировки, то настоящие, понимаешь? Особенно, орел с крыльями на груди. Остальные вообще не считаются. У настоящих мужиков или орел на груди, или ничего.

– У моего отца... – начал Малькольм, но Гас закрыл ему рот рукой.

– Сейчас я говорю, парень, – продолжил Гас. – На хозяйство тебе сейчас тоже наколок не надо, – добавил он низким голосом, – из-за вторника, но остальное мы тебе легко можем сделать.

– Ура! – Малькольм хлопнул в ладоши.

– Ты храбрый мальчик? – спросил его Гас и впервые улыбнулся Малькольму. Его зубы сверкнули в темноте.

– Что скажу, – Гас продолжил, – я здесь уже был, я знаю профессора Робинолте. Он король наколок. Но раньше я только *смотрел*.

– Наверное, там много крови, – расхрабрился мальчик.

Гас на минуту задумался.

– Я не видел особо много крови... Больше белые губы и крики. – Он засмеялся. – Несколько человек упали в обморок тогда. Все больше моряки.

– Мне наверное должно быть страшно, но мне почему-то нестрашно, – сказал Малькольм Гасу. Он зевнул. – Наверное, я слишком сонный, чтобы бояться.

Гас пригляделся к Малькольму.

– Хотел бы я, чтоб я был сонный, – сказал он. – Я всю свою жизнь был бодрый, и мне бы отдохнуть. Мне бы долго-долго отдохнуть.

– Может, выпьем перед тем, как идти? – поинтересовался Малькольм.

– Нет, – ответил Гас. – Я думаю, этим иголкам и боли нужно просто поддаться.

– Я всегда думал, что... абиссинцы храбрее других людей, – сказал Малькольм, поднеся лицо ближе к лицу мотоциклиста.

– Абис... – Гас разразился хрюком и смехом. – Ты меня уморишь.

– Чего бояться маленькой иглы? – спросил Малькольм, прежде всего, у самого себя.

– Подожди, увидишь, – сказал Гас. – Я был везде. Сначала война, потом Корея... Но когда нужно тихо лежать, чтоб мастер в тебя тыкал, на это у меня храбрости не хватает. Но надо, чтоб ты повзрослел, как она сказала, вот что... Ты знаешь, что я думаю о Мельбе, не говоря уж, что я ей должен...

Гас поднялся и выпятил грудь, как будто уже почувствовал работу татуировщика на своей коже.

– Скажи, ты-то как? – наконец произнес Гас. – Ты ведь страшно молодой, чтобы так украшаться.

– Не такой уж молодой, – ответил ему Малькольм, все еще сидя на бордюре. – Потом, это будет изменение, понимаете? Я люблю изменения. Единственное что: когда наколку сделаешь, ее ведь, кажется, не сотрешь.

– Это правда, – согласился Гас, – но ты сам заговорил про наколки, помнишь?

«Дворец Тату» оказался одновременно суровым и уютным. Суровым, потому что в нем угадывались все

признаки болезненных операций, которые здесь случались, – электрические иглы для наколок, кровавые коврики, бутылки с дезинфицирующими средствами и нюхательными солями, следы крови на полу. Уютным, потому что сам профессор Робинолте, художник по татуировкам, был приятным молодым блондином, который показывал в улыбке четыре золотых передних зуба и заботился о клиентах, как о членах своей семьи: посылал им открытки на день рождения и Рождество, частным образом консультировал их по домашним и профессиональным поводам. Откуда-то сзади лилась мягкая музыка, и воздух был спрыснут одеколоном.

И все равно чувство страха и ожидания отягощало обстановку.

Пароль, дававший всякому доступ в заведение профессора Робинолте, был секретным. Гас прошептал его на ухо профессору.

– Познакомься с будущим мужем Мельбы, – Гас указал на Малькольма.

– Опять! Так скоро! – воскликнул профессор Робинолте, но тем не менее поздравил Малькольма. – Мне казалось, что Мельба еще юная, – сказал профессор, приглядевшись к Малькольму, – но этот...!

– Как насчет немножко подкрасить жениха, – Гас взял быка за рога. – Мельба хочет, чтоб он выглядел на пару месяцев старше, чем сейчас.

– Ты знаешь закон, Черныш, – профессор осторожничал.

– Не надо мне про законы, – устало сказал Гас и сел в кресло цвета мороженого.

– Вот что я тебе скажу, Черныш, – профессор Робинолте стал играть с самой большой из электрических игл и что-то сдул с ее кончика, – я сделаю парню наколку, если ты дашь мне сделать наколку тебе.

– Опять ты! – Гас покачал головой. – Чего я только для Мельбы не делаю.

– Я ни разу не делал хорошей наколки на человеке с твоим цветом кожи. – Профессор Робинолте отпустил мотоциклисту сугубо профессиональный комплимент. – Я устал от розовых и загорелых.

Гас сплюнул на пол.

– Ладно, – решил мотоциклист, – я не буду трусом, ни перед Мельбой, ни перед этим... женихом. – Он выпростался из кожаной куртки и стащил бы и рубашку под ней, если бы профессор не остановил его жестом.

– Женихов прошу вперед, – сказал профессор. Потом добавил, – помнишь, как *ты* был мужем Мельбы, Черныш?

Гас издал многозначительный губной звук и передвинул свое белое кресло за сцену.

– Что касается меня (как, говоришь, твое имя? Малькольм?), – произнес профессор, – так вот, что касается меня, то в случае, если нам с тобой обоим придется оказаться в полиции или перед судом, то тебе на сегодняшний день полных 18 лет... Это понятно?

Мысль о том, что ему восемнадцать, обрадовала Малькольма, и он согласился. Восемнадцать, в отличие от пятнадцати, сулила надежды и приключения.

По сигналу профессора Гас пришел ему на помощь. В мгновение ока они подняли Малькольма и усадили в наклонное кресло, сняли с него всю одежду и положили ее в корзину позади.

Профессор быстро нанес на грудь Малькольма очертания черного леопарда: этот рисунок Гас выбрал для мальчика после минутного раздумья.

Малькольм много смеялся, пока на нем чертили, да еще так близко от сосков, а Гас, наблюдая за ним, стал неопределенного цвета.

Когда же началась работа с иглой и послышался резкий зловещий звук, Малькольм посерьезнел, но в то же время был отвлечен происходящим.

– Ты ничего не чувствуешь? – Гас несколько раз спрашивал Малькольма, когда профессор прерывался на секунду вытереть кровь там, где она скрывала рисунок.

Малькольм только вертел головой. Профессор и Гас обменялись взглядом.

После долгого, но очень удачного сеанса с нанесением черной пантеры на грудь Малькольма (в течение которого Малькольм вздремнул), профессор Робинолте растолкал мальчика и спросил, готов ли он получить гвоздики прямо над правым бицепсом и кинжалы на предплечье.

Малькольм ответил, что готов, и рисунки были наколоты.

Затруднения начались с Гасом, который, разумеется, чувствовал себя потом очень пристыженно и униженно.

Растянувшись в том же кресле под нагрудной черной пантерой, Гас трижды упал в обморок, но все настаивал, чтобы сеанс возобновился, несмотря на протесты профессора. Однако мотоциклисту дали только одну гвоздику, и в конце операции профессор был доволен тем, как многоцветие торжествует на груди Черныша, хотя оно и досталось ему с бесконечными сложностями.

Гас извинял такое малодушие тревогой за Малькольма и тем, что ему пришлось смотреть, как хищные иглы орудуют над таким молодым человеком.

Но профессор Робинолте жестко и многократно говорил ему, что Гас просто человек не того типа, кому можно делать наколки, и что его заслуги на двух войнах здесь не при чем.

Забинтованные и одетые, двое мужчин прощались с профессором, который – пообещав присылать им поздравления с днем рождения и открытки на Рождество до конца их дней – предупредил их не смачивать водой свежие наколки, не выставлять наколки на открытое солнце, и вообще расслабиться, не трогать раны и не чесать.

Затем профессор Робинолте похвалил Малькольма за поразительную смелость, которую, по его словам, ему не приходилось встречать раньше, и поздравил его с предстоящей женитьбой на Мельбе.

– Ты попадешь в самые опытные руки, – сказал профессор, хотя некоторое сомнение и забота несколько раз пробежали по его лицу.

– Как кто-то сказал, ты станешь гордостью всех женщин и некоторых мужчин, – прокричал профессор, когда Малькольм и Гас покидали заведение и шли к центру города.

– И удачи тебе! – выкрикнул им вслед профессор Робинолте. – Видит Бог, удача тебе понадобится, – тихо добавил он про себя.

У МАДАМ РОЗИТЫ

Они шли к городу все медленнее и медленнее из-за того, что, по словам Гаса, он слишком долго был мотоциклистом и разучился ходить, да собственно и не желал, чтобы его видели идущим, это вроде как задевало его достоинство, а еще одна причина, которой он не отрицал, состояла в том, что его слегка приморили электрические иглы профессора Робинолте.

Прочистив горло и приобняв Малькольма, Гас сказал по-отечески доверительным тоном:

– Малыш, я не для того тебя взял сюда, чтобы расшить тебе шкуру. Я должен задать тебе прямой вопрос, потому что скоро будет Вторник.

Малькольм, улыбаясь, кивнул.

– Я спрошу деликатно, Малько, – Гас остановился, – ты когда-нибудь соединялся с женщиной, полностью и накрепко?

– Только коротко, – припомнил Малькольм.

– Коротко, да? – Гас всхрапнул. – Слушай меня, – начал он, но болезненный укол в груди остановил его на мгновение, – слушай... если знать, кого ты берешь в жены, парень, тебе нужно быть готовым... Наколка тут не главная помощь. Из-за нее ты скорей сделаешься плохим женихом. Нет, Малько, я говорю о старой доброй матушке Природе. Ты когда-нибудь соединялся с женщиной, как Природа велела? Да или нет?

Малькольм открыл рот и сразу закрыл.

– Видно, что нет, – понял Гас. – Ладно, для того нас Мельба и послала, чтобы ты повзрослел.

Гас указал на высокий дом невдалеке.

– Видишь этот дом? – спросил он. – Вот туда-то я тебя и возьму. К Розите. К мадам Розите, как ее раньше звали. Слышал о ней?

Малькольм покачал головой.

– Ты ни-че-го-шень-ки не слышал, – посетовал Гас, а потом добавил, ладно, для того он тут и есть, и прочее.

Они подошли к дому, перед которым стоял знак:

ЧАСТНЫЕ И ТУРЕЦКИЕ БАНИ
КАБИНЕТЫ И МАССАЖ НА НОЧЬ

\$2.00

Они спустились по ступенькам, и Гас постучал в небольшую деревянную перегородку: та немедленно открылась, и из-за нее выглянул человек с зеленой кепкой.

– Гас, это ты, что ли? – удивился мужчина. Потом, глядя на Малькольма, спросил, – Где ты *этого* нашел?

– Мне турецкую баню, а парню комнату наверху, – уточнил Гас.

Мужчина собрался что-то сказать, возможно, возразить, но Гас вручил ему часть свертка, полученного раньше от Мельбы.

– Я только узнать хотел, Гас, – продолжил мужчина подобострастно, – ты заметил, что на мальчике кровь?

– Ему только что наколку сделали, – парировал Гас.

– Сюда, – ответил мужчина, нервно покашливая, и провел их в переднюю, где высокие вешалки громоздились как деревья, а за каждой вешалкой была дверь в комнату.

Гас, повернувшись к Малькольму, сказал:

– Тут внизу – турецкое отделение, а ты пойдешь наверх. Когда закончишь, спускайся сюда и буди меня. Какая моя комната, Майлз? – обратился он к работнику.

– Выбирай любую. Сегодня здесь никого.

– Хорошо, тогда, – Гас замешкался, как будто потерял на минуту чувство равновесия, а потом, глядя прямо перед собой, почти вслепую спросил, – это какой номер?

– Двадцать два, – ответил Майлз.

– Я тут буду, – сказал Гас Малькольму. – Я в двадцать втором.

В этот момент вошла женщина неопределенного возраста с фиолетовой раскраской на ресницах и выше. Она принесла смешанные запахи какого-то, скажем, местного островного рома, и ландышей.

– Черныш, милый, сколько лет! – пропела женщина и игриво ударила его кулаком в грудь.

Гас сложился вдвое от ее удара, громко закашлявшись.

– Это все иголки профессора Робинолте, – разъяснил Малькольм женщине, которая вытаращилась на Гаса с кривой усмешкой изумления на губах.

– В хорошей же форме ты ко мне явился, – сказала женщина непонимающе после паузы.

Гас вернулся в нормальное положение и прошептал:

– Сегодня – мальчик... я только приму душ и на боковую... неделю не спал, понимаешь?

– Не поняла, – сказала женщина, – ты посылаешь его, – она показала на Малькольма, – навверх вместо себя?

– Обкатай его, ради бога, слышишь? – спросил Гас, устало кашляя, сел на кресло у вешалки и начал стаскивать сапоги.

– Ты делай, как я тебе сказал на улице, – внушал Гас мальчику, – я хочу, чтобы ты прошел через все это, как заведено по Природе.

Женщина ответила Гасу уничижительным губным звуком.

– Пойдем со мной, дуся, – сказала женщина Малькольму, перед тем как удалиться, и бросила последний свирепый взгляд на Гаса.

– И не приходи обратно, пока не получится, – сумел выкрикнуть Гас вслед Малькольму. Он страшно закашлялся и попытался еще что-то крикнуть, но слова были не слышны.

Прошло часа четыре или пять, когда Малькольм на цыпочках вернулся к № 22 в турецких банях, постучал, не дождался ответа, мягко открыл дверь и заглянул внутрь.

Гас лежал на узкой кушетке, раздетый, если не считать бинтов, которые почти сползли.

Малькольм сел на низкий белый стул рядом с кушеткой.

– Я все сделал, как ты сказал, Гас, – сообщил он мотоциклисту. – Все до конца, три раза! Похоже, что теперь я настоящий жених.

Малькольму показалось, что Гас улыбнулся, и ему стало приятно.

– Может быть, пора вернуться к нашему мотоциклу? – поинтересовался Малькольм.

Лучи утреннего солнца вливались в малюсенькое окно над кушеткой Гаса.

– Пора вставать, – Малькольм зевнул во весь рот и деликатно похлопал Гаса, выбрав место без наколок.

Затем Малькольм рассказывал о том, как мадам Розита сама хвалила его, угостила чаем и дала маленький талисман, который он сейчас показывал Гасу: старомодную чашку для бритвы с портретом Джорджа Вашингтона и первым американским флагом.

Но Гас продолжал спать.

Кровь загустела и запеклась на бинтах вокруг его груди. Присмотревшись к животу Гаса, Малькольм на минуту оцепенел: ему показалось, что он не видит, как этот орган его друга поднимается и опадает. Малькольм посмотрел на его рот тоже: рот был странно растянут и нем.

– Гас, – сказал мальчик довольно громко. – Черныш! Доброе утро!

Малькольм достал из кармана клочок бумаги и поднес ко рту и ноздрям Гаса. Отец всегда учил, что это верный способ определить, жив человек или мертв. Из мотоциклиста не выходило ничего, что могло бы поколебать бумагу.

– Гас, – теперь мальчик закричал и положил руку негру на лоб и на жесткие черные завитки на голове.

– Гас, – сказал он, почувствовав холод тела, – ты мертв.

Торопясь к банщику, Малькольм уронил свой новый подарок, чашку для бритвы, которая раскололась на два-три десятка маленьких цветных кусочков на полу.

Он не без труда разбудил банщика, тот вышел из каморки, но оказался другим, не Майлзом, который пустил их вчера.

– Гас мертвый, в двадцать втором! – закричал Малькольм.

– В такой час кто не мертвый? – ответил мужчина брюзгливо и подозрительно.

Малькольм завладел рукой служителя и вынудил его идти.

– Слушай, лорд Фонтлерой, – сказал мужчина, – уходи отсюда, пока беды не случилось. Ты слишком молодой, чтоб здесь быть. Кто тебя пустил?

– Гас... мертвец! – кричал Малькольм.

Выйдя окончательно из каморки, мужчина схватил Малькольма и поволок к входной двери.

– Иди отсюда, – приказал он и пнул мальчика, а потом, после еще одного пинка, закрыл за ним дверь.

– Иди отсюда, уходи!

Но Малькольм остался за дверью. Он колотил и жестикулировал, показывая в направлении номера двадцать второго.

– Там Гас, – кричал он банщику, который уже скрылся в своей каморке, – Гас, мотоциклист! Не понимаешь, что ли?

Впервые с тех пор, как исчез его отец, Малькольм дал волю не нескольким слезинкам, а целому потоку. Он плакал всю дорогу к границе города, таким слезным потоком, который, ему казалось, невозможно произвести человеческому существу. Он больше не считал себя мужчиной, как у мадам Розиты, и временами хныкал как пятилетний.

Он остановился у телефонной будки, на которой висело изображение Мельбы перед микрофоном, а под ним надпись «Первая певица Америки». Его долго рвало.

Вытерев рот и глаза платком, который, наверное, ему дал сам Гас, Малькольм осторожно поцеловал портрет Мельбы на столбе.

– Прощай, любимая, – сказал он.

Ему не пришло в голову, в его отчаянии, что он еще найдет Мельбу, а мысль о браке стала так же далека, как все прошлое, как голос отца или скамья.

Все, что он знал, это что ему надо идти.

БРАК МЕЛЬБЫ

Приключения Малькольма продолжались бы бесконечно, если бы несколько дней спустя Мельба, разъезжавшая на даймлере своего второго экс-мужа, не остановилась в придорожной лавке за сигаретами и тушью и не заметила своего будущего супруга у стойки с водой, где он ложкой вычерпывал остатки клубничной содовой и рассказывал безнадежно запутавшемуся работнику какую-то сложную историю.

– Драгоценный мой! – зычно проорала Мельба.

Каждый в аптеке узнал ее голос. Прежде, чем Мельба сделала шаг в сторону Малькольма, она была окружена поклонниками и искателями автографов, которые требовали ее росписи на спичечных коробках, обертках от хот-догов и трубочках для содовой, а работник с заправки попросил расписаться у него на лбу губной помадой, что Мельба тут же и сделала.

– Гас умер, Черныш умер! – выкрикнул Малькольм. Он поднялся с сидения у стойки, но не мог приблизиться к Мельбе из-за груды поклонников.

Мельба кивнула с таким видом, будто все знала про Гаса.

Когда толпа немного рассеялась, Мельба подошла к Малькольму и тихо его поцеловала. У кого-то сверкнула вспышка фотоаппарата.

Вернувшись на водительское место, где кожа сидения была так потрепана, что не давала удобно расположиться, Мельба толковала Малькольму о проблемах с ее голливудским менеджером.

Мельба все знала о смерти Черныша или Гаса и долго не заговаривала об этом. Потом, ненадолго вспомнив о Гасе, она сказала:

– Какого черта, ты что газет не видел? Мне даже пришлось быть под следствием...

Прежде чем Малькольм успел ответить, Мельба поцеловала его в рот пятнадцать или шестнадцать раз подряд.

– О ангел мой, как хорошо тебя видеть, – сказала она. – Еще пять минут, и я бы тебя никогда не нашла. Кончилось бы тем, что я вышла б за кого-нибудь другого... это судьба.

Открыв отделение в машине, Мельба извлекла связку писем.

– От твоей подруги мадам Жерар, – отметила Мельба. – Она пытается расстроить наш брак.

– Ты знаешь мадам Жерар! – воскликнул Малькольм.

– Я знаю всех, – Мельба ответила довольно свирепо, и Малькольм внезапно почувствовал пропасть, отделяющую его от славы. Конечно, все знали Мельбу, даже если она знала не всех. Она была так же знаменита в Японии и Индии, как в Париже и Чикаго.

– Да, так насчет свадьбы, – сказала Мельба, заводя мотор. – Вторник, как ты знаешь, прошел в *большом*

переполохе. Но я добыла разрешение. Пришлось подложить бомбу-другую в мэрию, но теперь правосудие у меня всем довольно. Нам нужно только придти. Может, сегодня днем?

Малькольм воскликнул «да!» и наклонился поцеловать Мельбу, но та не позволила, пока она ведет машину, и рассказала, что год провела в одной калифорнийской больнице после того, как поцеловала морского пехотинца за рулем.

Малькольм опять упомянул Гаса, и Мельба опять посуровела.

– Не думай о Черныше, если ценишь мое время и мою любовь. Во-первых, он тебя ревновал. И вообще, ради бога, ему пришло время уйти и все тут, велико дело. Он кончился, и время его кончилось.

– Это не наколки его убили?

– Наколки, мать твою. Черныш и так был полумертвый все эти годы. Ему половину кишок в Корею выбило. А он еще тянул. На чем? Бог знает. Не думай о нем, драгоценный мой. Он был славный, и конечно я вышла за него когда-то, но его время пришло, – сказала она, чуть не пропустив поворот, – и нечего тут жалеть. Когда время приходит, то все.

– Мы будем ужасно счастливы с тобой, – продолжала Мельба. – Но ты должен отказаться от этой бабы, мадам Жерар. Бог знает, почему ее так зовут и кто она тебе. Она *опасна*.

– А что с Жерар Жераром? – спросил Малькольм.

– Ох, о нем-то чего думать? – Мельба была тверда.

И мадам Жерар, и Жерар Жерар сделали несколько попыток связаться с Малькольмом. Жерар Жерар написал письмо на тисненой бумаге такой толщины, что Мельба прорвала конверт, и та часть письма, где он объяснял

причины своего неоявления в ботаническом саду, была утеряна. Мельба не показала это послание Малькольму.

Малькольм и Мельба сочетались браком в Чикаго — не без затруднений, вызванных, в основном, отсутствием у Малькольма свидетельства о рождении и его юным видом. Когда же церемония состоялась, они полетели на Карибы. Мельба сказала, что любит жить в странах, где все взрывается, и США для нее слишком спокойное место. Кроме того, она хотела познакомиться с новыми кубинскими музыкантами, которые всех нас за пояс заткнут.

После недели на Кубе Мельба заскучала по своему загородному дому, которого Малькольм еще не видел, да и сам он почувствовал ностальгию по тем местам, где у него была скамья, где он встретил мистера Кокса, Кермита, Эстеля Бланка и Жераров: хотя со всеми этими особами Мельба запретила Малькольму когда-либо видаться или вступать в связь. Пара вернулась, чтобы начать свою супружескую жизнь.

Мадам Жерар телефонировала по четыре-пять раз на дню, и, поскольку Мельбы никогда не было дома, Малькольм приветствовал эти оклики из старой жизни, хотя мадам Жерар пила так сильно, что редко могла что-то сообщить ему и вообще произнести.

Малькольм говорил мадам Жерар, что брак ему очень нравится, хотя многого от него требует. Он выражал надежду, что мадам Жерар может скоро нанести им визит, а также рассказывал ей о новых татуировках.

Мельба привезла с собой слугу для Малькольма — молодого кубинца, но поскольку тот почти не говорил по-английски, все устное общение Малькольма с внешним миром почти что ограничивалось телефонными разговорами с оператором, сообщавшим сводку погоды,

и мадам Жерар, когда она была достаточно трезва, чтоб понимать, кто ее собеседник.

Мадам Жерар в итоге донесла до Малькольма известие, что Жерар Жерар добился развода с ней и наконец женился на Лорин Рафаэльсон, и что Лорин уже беременна.

– Ему брак нужен, – объяснила мадам Жерар, – не ради чувств, а ради наследника.

На четвертый месяц семейной жизни слуга-кубинец заметил Мельбе, что ее юный муж теряет в весе, но певица тут же заверила кубинца, что американские мужчины не такие грузные, как праздные латиноамериканцы, и тема больше не поднималась.

Той осенью и зимой Мельба была крайне занята. Она редко приходила домой, кроме как на ночь. Тогда, по ее словам, все радости брака и были ими вкушаемы: в полной мере, хотя и недолго.

Тогда же случилась странная история, которую она вспомнила много лет спустя, уже после Малькольма. В один из нечастых свободных вечеров Мельба и ее юный супруг пошли в хорошо известный ночной клуб.

По своему теперешнему обыкновению Малькольм очень много пил и еще больше говорил об отце, мистере Коксе и Кермите, так что Мельба начала жаловаться, по ее теперешнему обыкновению, что чем больше она слушает Малькольма, тем меньше понимает, что у них общего, за исключением – как она поспешно уточнила – *одного*: в конце концов, добавила она, на чем же стоит их брак, если не на этом.

– Я вышла за тебя не ради твоего ума, – всегда говорила Мельба, – а ты с каждым днем выглядишь все лучше. Ты мне нравишься худой, хотя, наверное, толстый ты бы мне тоже нравился. И хотя на улице я бы не обратила на

тебя внимания, сейчас, когда я живу с тобой, ты для меня единственный из всего огромного ассортимента.

Она несколько раз поцеловала Малькольма. Для этого вечера она покрасила волосы в другой оттенок и надела особые громадные темные очки, специально изготовленные для нее, так чтобы она могла делать вид, что ее никто не узнает, и расслабиться.

Малькольм постоянно извинялся и уходил в туалет, что ее всегда раздражало; впрочем, эти перерывы в его рассказах не были нежеланными.

– Милый, ты ужасно надоедливый, – говорила Мельба, – но ты все наверстываешь дома.

Они пили сегодня обычный ром, с глотком чего-то, что Мельба всегда носила с собой: она не говорила Малькольму, что это.

После десятой или двенадцатой порции рома с добавкой по особому мельбиному рецепту Малькольм закричал так громко, как она еще не слышала, закричал голосом почти мужским:

– Вон ОН, мой ОТЕЦ!

Мельба попыталась удержать его, но он быстро встал из-за стола и пошел в направлении неброского, но изысканного человека средних лет, который мог бы позировать для рекламы минеральной воды.

Мужчина пошел к туалету, и Малькольм последовал за ним.

– Отец! – прокричал Малькольм, потянувшись с объятием к мужчине, который осторожно мыл руки в глубокой раковине.

– Где ты *был* все эти годы?

Мужчина поднял глаза, несуетливо и спокойно. Помыв руки, он принялся изучать в зеркале свои усы.

– Ты меня не узнаешь? – громко спросил Малькольм. – Я б тебя везде узнал!

Мужчина открыл рот и внимательно осмотрел зубы, он коснулся двух передних зубов, наверное, чтобы снять с них какую-то частицу.

Подойдя к мужчине, Малькольм нежно дотронулся до его плеча.

– Если вы только позволите, сэр, я могу вас опознать... По следу от пули, который у вас под ключицей.

– Разрешите пройти, – сказал мужчина Малькольму и, все еще изображая невозмутимость, попытался миновать мальчика.

– Вы делаете вид, что не узнаете меня, сэр! – прокричал Малькольм. – Это из-за того, что я женился на Мельбе, или потому что я ушел со скамьи?

– Дайте пройти, – ответил сильно взволнованный мужчина.

– Если вы не хотите, чтобы я вас опознал, дайте я покажу вам вашу особую примету. Помнишь, отец, ты всегда говорил мне, что если возникнут какие-то вопросы в случае твоей смерти, тебя можно опознать по следу от пулевого ранения, которое ты получил в армии.

Малькольм схватил мужчину за воротник и попытался растегнуть его рубашку в надежде, что вид пулевого ранения докажет неоспоримо, что это его отец, и что Малькольм – его сын.

Серьезно встревоженный мужчина позвал на помощь. В ответ Малькольм только крепче схватил «отца». Того обуяла паника, когда он увидел, что Малькольм схватил его не только за грудь, но еще крепко держит его ногу. В неожиданном пароксизме гнева и ужаса мужчина тяжелым ударом повалил мальчика на мраморный пол как раз, когда в комнату вошел полицейский.

– Арестуйте этого педераста! – сказал мужчина офицеру. – Он на меня напал!

– Но я же, – выкрикнул Малькольм, обращаясь одновременно и к отцу и к полицейскому, – о сэр, я ведь не мистер Кокс... Я – МАЛЬКОЛЬМ!

«Отец», разглядев, кажется, что Малькольм слишком юн, фыркнул, отвернулся и, выйдя из туалета, исчез в тайных уголках ночного клуба.

Глядя снизу на полицейского, Малькольм к радости своей и облегчению увидел, что это тот же человек, в чьих руках он оказался после давнего визита к Эстелю Бланку.

Полицейский, узнавший мальчика еще скорее, помог ему подняться.

– Опять я нахожу тебя в сомнительном окружении, хотя ты и постарше, – сказал полицейский, рассматривая шишку на голове Малькольма.

Офицер серьезно покачал головой, игнорируя благодарный лепет, сорвавшийся с губ Малькольма.

– Как тебя назвал этот джентльмен? – поинтересовался полицейский.

– Мой отец?

Полицейский с удивлением посмотрел на Малькольма.

– Назвал меня педерастом, – ответил Малькольм на вопрос полицейского.

– Ты действительно педераст? – спросил полицейский тонким мрачным голосом.

– Кажется, я еще молод для этого, правда? – ответил Малькольм.

Офицер задумчиво сложил руки.

– Чтобы стать педерастом, надо долго изучать звезды, понимаете? – добавил Малькольм. – Вам лучше расскажет мистер Кокс, астролог.

Полицейский пошевелил челюстью, но ничего не произнес. Малькольм продолжил:

– Не желаете ли познакомиться с моей женой, сэр?

– Ты еще и женился? – воскликнул полицейский.

– Да, – признался Малькольм слегка пристыженно, – хотя мне и пришлось сказать, что мне восемнадцать. Но пожалуйста, пойдём познакомим вас с Мельбой. Она ужасно знаменита.

Полицейский отщипнул какую-то пушинку, приставшую к его красивой форме, и сказал, что не может принять приглашение, но что ему очень приятно столкнуться с Малькольмом по прошествии такого долгого времени. Он пожал мальчику руку и, в качестве прощального жеста, нравоучительно потрепал его по плечу:

– Если б я был на твоём месте, Малькольм, я бы посмотрел в словаре то слово, которым назвал тебя твой «отец» в туалете. Как я помню по давнему разговору в участке, ты про многие слова не знаешь, что они значат – потому, наверное, что ты недостаточно долго ходил в школу.

– Понятно, – Малькольм оценил его совет. – Не знаю, сэр, будет ли у меня время посмотреть это слово в словаре. Видите ли, теперь, когда я женился, я очень занят.

– Ты *найди* время, Малько, – порекомендовал полицейский. – А теперь беги к своей *жене*.

– Спасибо, сэр, всего доброго, сэр.

Когда Малькольм вышел, полицейский подошел к той же раковине, которой пользовался «отец», снял свою аккуратную фуражку и быстро опустил голову, так что вода заструилась по его темени и лбу.

– Мой отец отказался меня признавать, – сказал Малькольм Мельбе, вернувшись к столику.

Мельба посмотрела на него остекленело. Пока его не было, она выпила немало своих коктейлей.

– Послушай, малыш, – сказала Мельба, – я хотела тебе прочитать целую речь, но, если коротко, то вот она:

повзрослей-ка немного. Это не твой отец. Я знаю этого старого типа с десяти лет. Он ничей не отец. И что это у тебя за идея нон-фикс про отца. Кому нужен отец? Это как прошлогодний снег. А этот старый тип, опять говорю тебе, ничей не отец.

– Но он похож на него как вылитый, – настаивал Малькольм, потирая шишку на черепе.

– Миллионы мужчин похожи на миллионы других мужчин. Особенно американцы, – сказала Мельба, отпивая из очередного бокала, принесенного официантом. – На самом деле, большинство мужчин похожи на других мужчин. Вот почему я тебя выбрала, малыш. Ты весь уникальный.

Она мокро поцеловала Малькольма в оба глаза, и он зарделся от возбуждения.

– Он не мой отец? – спросил у нее Малькольм через некоторое время и поерзал в кресле.

– С моей славой и деньгами, – сказала ему Мельба, – и с твоим особым талантом твой отец может идти нахуй, – и она потянулась к нему, чтобы он мог отпить из ее бокала.

– Мой отец нахуй! – эхом отозвался Малькольм. Он услышал собственный голос, и у него отвалилась челюсть.

– Эй, малыш, ты чего? – спросила Мельба несколько озабочено.

– Мой отец нахуй!

– Не надо повторять, – предупредила Мельба и стиснула зубы.

Малькольм невидящим взглядом смотрел на Мельбу. Приглядевшись к жениху, она спросила:

– Малыш! Скажи-ка, кто это тебе дал по голове? Еще и фонарь серьезный на подходе!

– Мой отец... – завел Малькольм и прикрыл рукой рот, чтобы показать, что он не продолжит фразы.

Мельба поднесла пальцы к голове мальчика и увидела, что ее пальцы смочила хорошо известная жидкость, которая от ее прикосновения начала стекать по лбу и лицу Малькольма, как весенний ручеек.

Мельба быстро остановила поток салфеткой, которую она взяла с пустого ближнего стола.

– Выпей, малыш, – сказала она, – это чудесно помогает от порезов, синяков и любых ссадин.

– Может, моего отца никогда не было, – заметил Малькольм. Его речь была сейчас похожа на Мельбину.

– Кто знает, кого не было, а кто был? – ответила она, но без прежней веселости. – Ты расслабься, малыш. Забудь все, что случилось в туалете, и пей. Знаешь, как говорят, что-то стало холодать... Пей давай.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НЕ ПРОШЛО

Когда Малькольм проснулся следующим утром, его волосы стали белоснежно седыми, кроме тех мест, которые кровь расцветила устрашающим малиновым: *седее* даже, чем волосы его отца, как он заметил Мельбе в кровати.

– Ты выглядишь просто грандиозно, – сказала Мельба, – не говоря о том, что это какое-то дурацкое чудо. Боже, ты прекрасный. Я хочу оставаться в постели и смотреть и смотреть на тебя. Боже, ты седой, малыш.

– Так со мной все в порядке, Мельба? – спросил Малькольм, и его голос опять прозвучал как чужой.

– Ты никогда еще не выглядел лучше, малыш, – уверила его Мельба. – Дай мама поцелует своего седого ангелочка.

Мельба поцеловала его в новые волосы.

Потом, развязав верх пижамы Малькольма, она начала целовать его в грудь.

Он хотел ответить на ее комплимент, поцеловать ее в волосы, но его голова болела слишком сильно.

– Седые волосы так идут твоей розовой коже, – отметила Мельба. – Ты выглядишь одновременно темным и светлым.

– Мельба, дорогая, попроси принести кофе. Ты меня возбуждаешь, как всегда, но у меня слишком кружится голова, чтобы заниматься любовью.

– Я пошлю за кофе, – сказала Мельба, все еще под впечатлением. – И я сегодня буду только заниматься любовью. Не говори мне ничего. Зачем же я тебя купила, малыш?

Она снова поцеловала его в грудь.

– Отвечай мне, – потребовала она, – зачем я тебя купила?

– Ты меня купила? – простонал Малькольм под ее ласками.

– Со всеми потрохами, – ответила Мельба, оставляя мокрый поцелуй. – Ммм... Настоящие сливы. Еще и седина!

Позднее, попивая кофе, она вышагивала по комнате и время от времени поглядывала на Малькольма, который оставался в постели, тихий и смирный. Она отыгрывала новый репертуар и спела одну из любимых песен, специально для Малькольма:

*Во мне всякого есть понемножку,
Но я целиком твоя!*

Малькольм улыбнулся ей из кровати, слабо, но благодарно.

– Если и есть в мире что-то губительное для большинства мужчин, то это брак, – всегда повторял своим последователям мистер Кокс. Малькольм не стал взрослым

мужчиной в полном смысле слова, но он был мужчиной, и в его случае брак оказался губительным.

Ни один человек из круга мадам Жерар и мистера Кокса не думал, что Малькольм, пробывший с ними недолгий срок, покинет их таким путем, каким пошел он. Но когда все окончилось, каждый согласился, что этот путь был для него едва ли не единственным.

Слишком юный для армейской службы, слишком неподготовленный к тому, чтобы продолжать образование и становиться ученым, слишком необученый для рядовой работы... что ему оставалось, кроме брака? Брак ему предоставил все, чего до сих пор не доставало, а также открыл особый способ покинуть мир, в котором (как говорили иные) ему и так не было места.

Брак, который многих вводит в жизнь, привел Малькольма к счастью – и смерти.

Чувствовала ли Мельба, что Малькольм умирает, никому не известно. Она была слишком занята разговорами со всеми на свете. Кроме того, она не была знакома с мадам Жерар и мистером Коксом и их кругом, а они были единственными, кто мог подсказать ей, в каком состоянии сейчас Малькольм.

Основной момент, интересовавший Мельбу в этот период, заключался в том, что после многих недель непрестанного брака она нашла, что все еще не беременна, а следовательно, может окунуться в свою профессиональную карьеру и супружеские обязанности без страха и препон. И вдобавок они, муж и жена, могли свободно идти разными путями, как и было до брака.

В ту ночь, как он опознал «отца» и раскрыл себе голову, Малькольм обнаружил, что слишком слаб, чтобы покинуть кровать. В этом состоянии его осенила счастливая мысль записать все его разговоры с мистером Коксом, Жераром Жераром, Кермитом и другими на

английском языке. Но вскоре после того, как он начал записки, он подхватил свирепую простуду, которая, по словам его кубинского слуги, была и вовсе пневмонией. С тех пор он все записывал по-французски: при его нарастающей слабости этот язык казался ему более легким.

Мельба знала французский очень хорошо, но после того, как почитала его записки на английском, она утратила к ним и без того не сильный интерес. Поэтому никто не видел его работу до того времени, когда Малькольма уже не было в живых.

Поскольку Малькольм чувствовал, что его силы скорее убывают, чем возвращаются, у него развилась постоянная меланхолия, и вид падающих листьев и ноябрьского неба укреплял в нем это ощущение все глубже.

Мельба порекомендовала ему больше пить и чаще с ней сочетаться. Он попробовал оба средства и стал еще сильнее от них зависим, но его меланхолия не только не исчезла, но стала отчетливей и злей.

Он продолжал терять в весе, хотя его прежняя умственная бодрость оставалась нетронутой, и проводил теперь все время, записывая «беседы» с бывшими друзьями, которые все еще не могли видеть его из-за Мельбы.

За несколько вечеров до своей смерти он вызвал Мельбу в комнату и сообщил ей, что был укушен собачкой буйволиного окраса.

Мельба смутно поздоровалась с Малькольмом. Она перемогала похмелье и, кроме того, была немного озадачена тем, что проснулась этим утром в одной постели с Хелиодоро, кубинским слугой, чья необычайная красота, должно быть, искусила ее в подпитии.

Выйдя из комнаты почти сразу, Мельба, немного усталая от брака с вечно больным человеком, решила, что долгая поездка с кубинцем будет лучшим успокоительным для ее нервов. Уже настало утро, когда она вспомнила замечание Малькольма о собачьем укусе.

Для верности она позвала врача.

Как она потом объяснила Хелиодоро, такое уж ее счастье, что звать врачей было слишком поздно.

Доктор (сам выглядящий почти покойником) дал свой диагноз: Малькольм, по его утверждению, умирал от острого алкоголизма и половой гиперестезии, и все, что для него сейчас можно сделать, это предоставить полный покой и отдельную кровать.

Мельба хотела сказать доктору, что в наши дни никто не умирает от тех вещей, в которых он обвинил Малькольма, но ей показалось, что спорить бесполезно, если уж смерть собирается придти в дом.

– Так он умирает не от собачьего укуса? – спросила Мельба, провожая доктора к некогда приличному кадиллаку.

– На его теле нет ни единого укуса, – ответил доктор после долгой паузы.

– Он настаивает на том, что его укусила собака, – сказала Мельба и посмотрела на стакан, который она вынесла с собой из дома.

Извинившись за забывчивость, врач поспешно выписал рецепт и протянул ей.

Мельба все еще ждала со стаканом в руке (она так никогда и не смогла понять зачем), пока врач не сел в свой разбитый автомобиль и не отъехал. Она даже помахала ему стаканом.

Мельба вернулась в комнату Малькольма и тихо села к нему на кровать.

Взглянув не его лицо, она увидела, что врач может ошибаться в диагнозе, но прав в том, что Малькольм собрался в путь.

– Неужели я потеряю мой маленький Третий номер? – спросила она тихо, чтобы не потревожить мальчика.

Малькольм ненадолго открыл глаза и улыбнулся.

– Ты знаешь, что происходит? – спросила Мельба.

– Позвони мадам Жерар, чтобы она приехала сюда, – сухо сказал Малькольм. – Я не помню всех бесед с ней и не могу их записать, понимаешь? Мистер Кюкс не придет, я знаю, потому что он счастливо женат, или, может быть, я ему позвоню.

– Ты скоро умрешь, малыш, – сказала Мельба и взяла его руку, на которой было ее кольцо. Она поцеловала кольцо.

– Позвони мадам Жерар и вели ей приехать, – повторил Малькольм.

– Хорошо, малыш. Сделаю, – невнятно ответила Мельба.

Узнав о тяжелом состоянии Малькольма, мадам Жерар покинула свою вечеринку, которая по планам должна была продолжаться три дня, и поехала в загородный дом Мельбы.

Войдя без представлений, мадам Жерар прошла мимо Мельбы, не проговорив даже приветствия, и села на кровать рядом с Малькольмом.

Сама Мельба приняла лекарство, которое не давало ей чувствовать крайнюю скорбь или другие неприятные ощущения, и была рада оставить своего мужа вместе с мадам Жерар. Она прошла в гостиную, чтобы разучивать там репертуар для вечернего представления.

Мадам Жерар прежде всего хотела, чтобы Малькольм узнал ее, и не только потому, что сейчас она понимала, что Малькольм – это идея ее жизни, несмотря на краткий срок их дружбы. Ей нужно было сказать ему так много, в том числе про слова дружбы, переданные Малькольму Жераром Жераром, и его мольбу о прощении за то, что он не вернулся к мальчику прошлым летом в ботаническом саду.

Мадам Жерар все меняла холодные компрессы на лбу Малькольма, чтобы успокоить немного его лихорадку.

В награду за уход настал момент, когда он открыл глаза и посмотрел на нее, но почти сразу закрыл их вновь.

Несколько минут спустя он сказал обычным громким голосом:

– Эстель Бланк на белой кобыле!

Иногда он выкрикивал «Ура!», но не показывал, что видит мадам Жерар.

Несколько раз в течение вечера мадам Жерар слышала, как Мельба поет свой всемирно известный номер:

Во мне всякого есть понемножку,

Но я...

В итоге мадам Жерар поднялась и закрыла тяжелую дверь между комнатой больного и Мельбой.

Мадам Жерар пришла, чтобы остаться, пока все не кончится.

Однажды, перед концом, она подумала, что ее терпеливое ожидание и опека в самом деле будут вознаграждены «узнаванием», словом от Малькольма, и тут мальчик поднялся в постели, открыл глаза и уставился на нее.

– Малькольм! – прошептала она.

– Двадцать лет еще не прошло! – прокричал он и упал назад, так и не увидев ее.

К утру мадам Жерар услышала, что Мельба вышла из дома, а потом зарычал мотор ее даймлера.

Мадам Жерар подошла к окну, чтобы разглядеть, сидит ли слуга-кубинец вместе с Мельбой, но в темноте не было видно ничего.

Она вернулась к постели Малькольма и положила руку ему на щеку.

– Принц! – позвала она, почувствовав ледяной холод щеки.

Она сразу поняла, что пропустила его последнюю минуту: короткая жизнь Малькольма была окончена.

Поскольку Мельба не вернулась ни в тот день, ни на следующий (мадам Жерар больше не пришлось с ней увидеться), мадам Жерар сама взяла на себя хлопоты по похоронной церемонии.

Цветоводы города еще много лет обсуждали погребальные траты мадам Жерар. Например, она заказала – хотя и не смогла получить целиком – четверть тонны роз и столько же фиалок, с тем чтобы последние часы Малькольма на земле прошли в оранжерейной сладости и листве.

Одна из цветочных композиций, по всей видимости, должна была изображать подобие скамьи.

Мадам Жерар, тем не менее, никому не сообщила о похоронах. Они были совершенно частными: представление по королевскому указу, в котором она была единственным зрителем.

Она была крайне раздосадована, почти уничтожена тем, что невдалеке стояла фабрика по производству кетчупа, и, поскольку сезон кетчупа был в разгаре, жженный сахаринный запах томатов отчаянно сражался с эфемерным ароматом фиалок и роз.

Кони с черными плюмажами по европейской традиции доставили покойника к небольшому частному кладбищу, купленному для такого случая самой мадам Жерар. Живущего поблизости молодого военного попросили исполнить соло на трубе, что он и сделал похвально.

Единственным недостатком церемонии были многократные настоятельные заявления местного coronera и гробовщика – позже, как говорят, от них откупились – что покойника никакого нет, и что никто не был похоронен.

Таким образом, доказательством тому, что Малькольм умер и погребен, была одна лишь мадам Жерар, и со временем ее история стала изобиловать умолчаниями.

Все же никто не мог отрицать, что церемония состоялась, и что гроб был опущен в особую яму, и что мадам Жерар присутствовала при этом.

Когда церемония окончилась, мадам Жерар увидела, как по деревенской пыльной дороге приближается пешком не кто иной, как Жерар Жерар.

Они обменялись взглядами, но не заговорили. Кратко посмотрев на свежевырытую могилу, Жерар Жерар проводил бывшую жену в гостиницу, а потом, после долгого молчания, прерываемого лишь звяканьем ложечек в кофе, извинившись, вернулся в город.

Мадам Жерар в любом случае давно простила Жерара Жерара. Она не отдала ни своего титула, ни имени, и продолжала быть самой действенной движущей силой своего общества.

Она осталась в деревне до следующего утра просматривать бумаги Малькольма и взяла из них сколько могла под свою опеку.

С того дня могила Малькольма, никак не отмеченная, иначе как камнем с его именем, приходила в полный упадок, хотя – поскольку кладбище было приобретено в вечное владение – вероятно, его остатки (если только они там), так и будут покоиться в этом месте все дни, которые отведены земле и миру.

Несколько лет спустя после этих событий мистера Кокса осенила вторая улыбка фортуны: он нашел другого молодого человека, – правда, несколько старше Малькольма – который стал его учеником и прошел по двадцати пяти адресам. Наконец, к удивлению и

даже зависти мистера Кокса, юноша увлекся всесторонним изучением астрологии и полностью затмил своего хозяина.

Кермит через две недели после смерти Малькольма встретил юную, хотя и отошедшую от дел, и очень состоятельную кинозвезду, которая немедленно была пленена лилипутом, и их поженили с несколько нарочитой помпой в пригороде Сан-Франциско.

Элоиза Брейс была награждена пожизненной пенсией от анонимного дарителя (почти наверняка, от Жерара Жерара) и могла теперь посвятить все дни живописи, но, как многие считают, неожиданная прочность в делах разрушила последние следы ее таланта, и они с мужем все больше и больше занимались программой социального обустройства для местных общин.

Эстель Бланк стал успешным антрепренером маленькой оперной труппы, которая ставила отрывки из лучших современных опер, а Кора Налди выступала там постоянной приглашенной звездой.

Жерар Жерар со временем стал отцом шести мальчиков: это воплотило его смутное притязание и страсть, которую он подсознательно преследовал всегда: основать династию, увековечивающую его имя.

Мадам Жерар стала постоянной компаньонкой молодого итальянского биохимика, который делил с ней Замок и желал жениться на ней, но она отказывалась терять «титул», как она по-прежнему называла свое имя. Ее связь с итальянцем, превратившейся в постоянную, привела к тому, что она полностью простилась с алкоголем.

Мельба вышла замуж в Юкатане за Хелиодоро, слугу-кубинца, с которым она исчезла незадолго до смерти Малькольма. Ко всеобщему удивлению, она оказалась вполне довольна и счастлива с ним и оставалась его

женой более пяти лет. Голос у нее при этом пропал, и она больше не дает публичных выступлений.

Через год после предполагаемой смерти Малькольма появился довольно убедительный слух, что он опять жив и фаворитствует в кругах гораздо более высоких, чем консистория Кокса-Жерара-Брейс, но слух этот, в конечном счете, остался неподтвержденным.

После того, как слух о Малькольме угас, все почувствовали с удивлением, насколько о нем забыли за это время, и насколько он перестал быть темой всеобщих пересудов.

Мадам Жерар никогда не упоминала о Малькольме (на деле ей некому было о нем упоминать, поскольку ее новые друзья, вроде биохимика-итальянца, никогда о нем не слышали), но она продолжала читать с интересом и удивлением три сотни рукописных страниц, оставленных Малькольмом на английском и французском: его «беседы» с друзьями. И хотя эти страницы иногда писались в бреду и всегда в жару лихорадки, они непрестанно удерживали ее внимание, и она жалела, что он не прожил довольно, чтобы записать все беседы, которые он вел со всеми людьми, которых встречал.

Гор Видал

ДЖЕЙМС ПАРДИ: ПИСАТЕЛЬ-ИЗГОЙ

Я впервые услышал о Джеймсе Парди примерно полвека назад одним ясным весенним лондонским днем. Эдит Ситвелл¹ пригласила меня на обед. Мы пили martini, пока она добавляла последние штрихи к своему письму в лондонскую «Таймс». Роман Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» обвиняли в непристойности. Хотя Эдит и недолюбливала Лоуренса за карикатурное, как ей казалось, изображение ее брата, сэра Осберта, в этом романе, – когда алкоголь оказал на нас обычное действие, я смело заверил ее, что оскорбительная книга на самом деле была сочинением не Лоуренса, а Трумена Капоте. Глаза с красными веками на длинном готическом лице сузились: «Но даты не сходятся». «Капоте, – ответил я, – уже за девяносто». Она удовлетворенно вздохнула: «Этим и объясняется его ужасающий стиль». Она начала писать редактору «Таймс»: «Дорогой сэр, я – маленькая девочка семидесяти двух лет от роду, и заявляю в качестве высшего литературного авторитета...»

Когда чаша с martini опустела, она положила ручку и провозгласила: «Я открыла подлинного американского гения. В вашей стране, боюсь, он неизвестен. Его зовут Джеймс Парди». Я признался в невежестве. Я знал, что у Эдит, несмотря на ее развевающиеся наряды и нефритовые кольца размером с костяшки домино, тонкий нюх на литературных гениев (хотя не обязательно на таланты). Она была среди первых почитателей

1 Эдит Ситвелл (1887-1964) – английская писательница, автор многочисленных сборников стихов, романа и двух популярных книг о королеве Елизавете I.

Дилана Томаса, и Парди она поместила в тот же разряд, хотя его книги в ту пору игнорировались американскими околосредствыми болтунами почти так же, как игнорируются сейчас. Писатель Джером Черин назвал Парди «изгоем американской литературы». В таком случае мистер Джон Апдайк, вероятно, ее главный любимчик. На обложках последних книг Парди я провозглашаю его «подлинным американским гением», с ударением на оба прилагательных. Проза Парди часто напоминает о предпоследнем столетии, когда существованием доводилось нести двойную службу в роли глаголов: например, «веселение». Редактор однажды сказал Парди, что этого словца нет в подлинной американской речи, хотя всякий, кто изучал ранние фильмы У.К. Филдса, знает, что Парди прав: «Такое у меня веселение, детка», – говорит Филдс неподражаемой Глории Джин. Парди родился и вырос в самом достоверном уголке Новой Англии, в Западном резерве, украшенном, как жемчужиной, штатом Огайо. Как однажды обобщил Дон Пауэлл: «Все американцы из Огайо, хотя бы вскользь». Слова эти, разумеется, сказаны давно. С тех пор фронтир отступил, и здешний синий цвет легко перепутать с красным в последнем полыхании сумерек¹.

Сейчас готовятся к переизданию роман Парди «Юстас Чизхолм и его сочинения» (1967) и сборник его рассказов «Вилла Мо и другие истории» (2003). Еще один роман «Дом одинокого чудака» (1974) тоже будет переиздан. Последнее сочинение – часть цикла или «сквозного романа» «Спящие в лунных долинах». По

1 На карте США во время президентских выборов штаты, голосующие за кандидата от Демократической партии, отмечаются синим цветом, за кандидата-республиканца – красным.

счастью для Парди, у него не было своего Максвелла Перкинса¹, который нарезал бы его сквозной роман на ломти товарного размера, потеряв при этом поток повествования. Немало таких потерь претерпел в своей жизни Томас Вулф, и дела стали только хуже после его смерти, когда редакторы распилили его безбрежный американский роман, чтобы сработать свои собственные уменьшенные конвенциональные романы (Дэвид Герберт Дональд в своей биографии Вулфа в кровавых деталях описывает работу могильщиков с великим оригиналом). Одно преимущество в положении изгоя таково, что Парди имел возможность разделять свои труды самостоятельно, поэтому каждый его роман полностью независим, в то время как весь корпус его сочинений, уже сегодня выглядящий уникальным, ожидает археологов и исследователей.

«Гей-литература» (особенно, когда речь идет о живых писателях) – это большое кладбище, куда сбрасывают сочинителей, не схожих ни в чем, кроме сексуальных предпочтений; сбрасывают вповалку, вдали от проторенных семейных дорог. Джеймса Парди, которому следовало бы однажды лечь рядом с Уильямом Фолкнером в мрачном готическом углу американского литературного кладбища, отправляют лежать среди чужаков.

Интересно, как во времена возродившихся дискуссий о сексуальных вопросах (неуклюже задрапированных под «моральные ценности»), Джеймс Парди выходит из тени. Сперва тень накрыла его после первого романа «63: Дворец снов» (1956), который издатель описал как «книгу о навязчивой любви, гомосексуализме и городском отчуждении», книгу, заканчивающуюся

1 Максвелл Перкинс (1884-1947) – журналист и редактор, подготовивший к печати романы Томаса Вулфа.

«братоубийством... Парди пишет о мужчинах, не способных выразить свою любовь к другим мужчинам, поскольку гомосексуализм для них невыносим». Собственно, как показал Парди, гомосексуализм вполне мыслим для всех остальных. Он прошел свой одинокий путь: временами по-черному комичный, временами трагический, когда ему приходилось отгонять со своей тропы «добрых сих» (греческий эвфемизм для фурий, извечно травящих человечество).

Биография Парди скудна. Он родился в 1923 в Огайо, подростком переехал в Чикаго, посещал Чикагский университет и Народный университет в Мексике. С 1949 по 1953 преподавал в колледже Лоуренс в Висконсине, затем провел несколько лет на Кубе и в Мексике. Сейчас живет в Бруклине. Рассказы он начал печатать в журналах в 1940-х. В 50-х он безуспешно пытался найти американского издателя. Его первая книга была напечатана в США частным образом, а затем крупным издателем в Англии, где Парди приобрел большую поддержку в литературном мире, – прежде всего, со стороны Эдит Ситвелл и Энгуса Уилсона.

Несколько лет я читал все его книги, какие только мог отыскать. В свое время Эдвард Олби сделал интересную пьесу из романа «Малькольм» (1959). Но стены Иерихона устояли, как стоят и по сей день, несмотря на уникальное и разнообразное творчество Парди. Некоторым писателям нет хода, потому что они чем-то по-настоящему будоражат Федерацию Остолопов, заставляя их оттаскивать в сторону самые живые сочинения и расставлять их, точно соляные столпы, в той мертвенной пустыне, которая отделяет наш Изумрудный город от реального мира.

«Вилла Мо и другие истории» – последняя из книг Парди. Некоторые рассказы – это волшебные сказки;

например, «Синий котенок» – о говорящей кошке, ставшей другом и музой великому певцу. Самая прекрасная и странная из его историй называется «Потянуться к розе». Хотя Парди никогда надолго не оставляет вниманием своих персонажей из «Малькольма» – золотых эфебов, потерянных или теряющихся на просторах чужого города, или сомнамбул, бродящих по осененным луной полям, – но с приходом старости он чаще пишет о стариках и их неугомонных проделках.

Я впервые прочел «Юстаса Чизхолма и его сочинения» году в 68-м, вскоре после публикации. Это было важное время для страны книжных болтунов. Три «уважаемых» писателя выпустили в свет три так называемых «гнусных» книги: Филип Рот – «Жалобу Портного» (в 1969), Джон Апдайк – «Супружеские пары», и я – «Майру Брекинридж». Не припоминаю, чтобы о какой-то из этих книг написали хоть слово. «Юстас Чизхолм» шокирует. Я перечитал книгу сейчас и поражен тем, как много я помню спустя столько лет.

Книга начинается в драйзеровском Чикаго: «Здесь, в индустриальной воронке американского экономического прогара безработные, сбиваясь в неопишуемые армии, с щедрой примесью белых юношей из мелких городков и ферм и пришедших с Юга негров, стояли в очереди за пособием. Юстас Чизхолм был застигнут двумя трагедиями: трагедией экономического краха его страны, и неудавшейся попыткой совместить брак с призванием поэта. Он задумывался: из-за его ли неспособности произвести на свет книгу или из-за общего течения жизни жена, которая кормила его два года, Карла, сбежала с помощником пекаря примерно за полгода до начала этой истории». Он сидит в одиночестве и «продолжает, как обычно, писать свою длинную поэму о «первом племени» Америки», об эклектичной смеси

индейцев, черных и западных резервистов. Ему 29, и он пишет поэму куском угля на страницах «Чикаго Трибюн».

Его беглая жена, Карла, внезапно возвращается. Юстас разочарован. Он говорит, что принимает ее только как «кормильца». Заклейменная прелюбодее-нием, она соглашается на такую роль. Жена-кормилец и поэт «первого племени» праздно сплетничают, пока она заново устраивается в квартире и в жизни своего мужа.

Теперь Парди, как вежливый хозяин, рассказывает нам кое-что о Юстасе: «После того, как дело его отца прогорело в Гранд-Рапидс, штат Мичиган, и отец прострелил себе голову в конторе консервного цеха, где вел дела последние 30 лет, Юстас Чизхолм уехал в Чикаго – через два дня после похорон. Осенью он начал ходить в университет и чуть было его не окончил. Выйдя в мир в конце эпохи Гувера и в начале эпохи Рузвельта, он не мог найти работы, за исключением недолговечных временных занятий. Он работал поваром в буфете пульмановского спального вагона, регистратором в доме для слабоумных детей, чтецом для слепого миллионера, соглашаясь на любую роль, которую ему предлагали». С одной стороны – это славная пародия на реалистический стиль тех дней, с другой – нам рассказывают, чем можно закончить во времена Депрессии. (Неужели счастливые деньки вернулись к нам?). Покуда Карла готовит обед, Юстас уходит в гостиную, где берет уроки греческого у подростка Амоса Рэтклиффа. Золотой юноша оставил университет, несмотря на свою гениальность. Кроме того, он красив как классическая статуя, что – наряду со знанием греческого – имеет необыкновенную важность для Юстаса. Юстас спрашивает, доживет ли он до того, чтоб «читать Пиндара».

«Вы должны по меньшей мере дойти до «Греческой антологии», – осмелился предположить Амос Рэтклифф, ободряя ученика белозубой улыбкой».

Разнообразные персонажи взаимодействуют. Амоса продают миллионеру. Юстас так и не научился читать Пиндара; он также бросает сочинительство. Повествование сосредотачивается на Даниеле Хоузе, богоподобном молодом человеке со смуглой кожей (возможно, отчасти индейской крови), который служил в армии. Когда Амос неохотно перебирается к Юстасу со своим новым гардеробом от покровителя-миллионера, Даниель снова уходит в армию.

«Жизнь Даниеля Хоуза полностью остановилась, почти окончилась, когда он был отлучен – при невнятных обстоятельствах – от регулярной армии Соединенных Штатов. С тех пор все стало для него сомнамбулическим блужданием, в той или иной форме. Он словно целыми днями разыгрывал для себя армейские ритуалы и распорядок... от завтрака до отбоя».

Итак, Даниель вновь поступает на военную службу и направляется в лагерь Билокси, штат Миссисипи. В первую же ночь по прибытии в лагерь он во сне приходит в палатку капитана Стэджера. «Офицер еще не спал в 2:30 утра и, время от времени отгоняя муху, летающую вокруг единственного источника света, фонарика капитана, был занят тем, что втирал слюну в стригущий лишай на руке. Он смотрел с неверием, и в то же время с выражением понимания и утоленной надежды на солдата, стоящего перед ним в совершенной нагоде и с невидящим взглядом.

Поднявшись, капитан обвел фонариком лицо и тело солдата, он изучал и ждал. Затем, осознав, чем он теперь обладает, он быстро рассмотрел номер на солдатском жетоне лунатика и гулким командным голосом с

сугубым военным этикетом отпустил визитера, точно тот прибыл сюда именно по приказу капитана и может быть вызван еще. Даниель послушно отдал честь и, все еще незрячий, повернулся и твердо зашагал к своей койке». Теперь его делом занялась судьба.

Изобретательности капитана-мучителя хватило бы, чтобы выслужиться до повышения в том американском Абу-Граибе. Парди безжалостно описывает медленное умерщвление плоти красивого солдата, вызывая к жизни самые разные картины в сознании читателя, от Билли Бадда до ужасных историй позапрошлого века об индейцах и пуританах, рвущих друг друга на куски. В сиянии боли и гнева персонажи перестают существовать, один за другим. Когда Амос, Даниель и капитан обращаются в призраков, Парди цитирует Вергилия:

*Знаю теперь, что такое Амур. На суровых утесах,
Верно Родопа, иль Тмар, или край гарамантов далекий
Мальчика произвели не нашего рода и крови.*

Наконец, Юстас случайно поджигает свою поэму и самого себя. Карла гасит огонь, которым занялся его халат. Тогда-то Юстас освобождается от бреда: «Ты видишь, меня не волнует, что поэма сгорела. Я не писатель, вот и все новости, никогда не был и не буду». «Мне не важно, достиг ли ты чего-то, – говорит ему Карла. – Мне всегда был важен только ты один».

«Тогда медленно, как все лунатики этого мира, он провел ее сквозь длинную комнату к постели, взял ее, принял ее первую холодность, как она принимала его столько лет, а потом согрел ее той любовью, что пожирает».

Им снится, что они бодрствуют.

(2005)

СОДЕРЖАНИЕ

Мальчик на скамье	5
Эстель Бланк	15
Кермит и Лорин	25
Второй визит	39
Адрес № 3	50
Визит магната	59
Мои дела окончены	68
Жерары вызывают Кермита	76
Адрес № 4	89
Портрет начат	99
Мадам Жерар спорит с Элоизой	112
Спич мадам Жерар	126
Отречение Элоизы	138
Оставь мне «мадам Жерар»	145
В ботаническом саду	153
Малькольм встречает современника	161
«Дворец Тату»	171
У мадам Розиты	179
Брак Мельбы	185
Двадцать лет не прошло	195
<i>Гор Видал. Джеймс Парди: писатель-изгой</i>	195

Книги издательств «МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications»
можно купить:

в московских магазинах:

«Проект ОГИ», Потаповский пер., дом 8/12, стр. 2
«Пироги на Дмитровке» ул. Б.Дмитровка, дом 12, стр.1
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7
«Фаланстер» Б.Козихинский пер., д.10
«Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького»,
Тверской бульвар, дом 25
«У Кентавра», ул. Чайнова, дом 15
«Молодая гвардия», Москва, ул. Б.Полянка, дом 28
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, дом 8
«БУКБЕРИ» Сеть книжных супермаркетов

в Санкт-Петербурге, в магазинах торговой сети «БУКВОЕД» по адресу:

Улица Пестеля, 23
Невский проспект, 13
Кирочная улица, 23
Московский проспект, 172
Лесной проспект, 61, корп. 1
Лиговский проспект, 4
Загородный проспект, 35

в Интернет:

«Ozon» – www.ozon.ru
«Межкнига» – www.mkniga.ru
«Лавка Я+Я» – www.shop.gay.ru/books/

По вопросу оптовых продаж книг издательств
«МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications» обращаться в ООО «БЕРРОУНЗ»,
телефон 095-104-68-36

Для заказа книг по почте наложенным платежом
редакция просит обращаться по адресу:
170024, г.Тверь, а/я 2448
в интернет: www.mitin.com/request.shtml

Джеймс Парди МАЛЬКОЛЬМ

KOLONNA Publications: Россия, 170024 Тверь, а/я 24048
Формат 60 X 90/16, объем 135 п.л.,
подписано в печать 30.05.2005 г.
Гарнитура Newton. Тираж 1000 экз. Заказ № 2222
Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.
«Тверская фабрика печати»,
170021, г.Тверь, Беляковский пер., 46.
Электронная почта (E-mail) – tfp@tvcom.ru